

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

2 • 2020

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.09 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

07.00.02 Russian History

07.00.03 World History

05.25.02 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история

05.25.02 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy chief editor*)

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Sh. Kecskemeti, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ecole Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*G.N. Lansko*y, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.P. Malysheva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Tetsuya, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.П. Мальшева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

С. Тэцуя, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ю. Тонаи, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

В.И. Бакулин

- Бюро Кировского обкома ВКП(б)
и проблема политических репрессий в 1937 г. 12

Г.А. Хаберл-Яковлева

- «...Единовременный роспуск существующих
в Европе военных союзов...»: Ответ Л.И. Брежнева В. Ульбрихту
как начало усиления Варшавского договора 38

Всеобщая история

А.Н. Комаров

- Сложная дорога к власти: предвыборная борьба
основных политических партий Канады в 2018–2019 гг. 46

Историография, источниковедение, и методы исторического исследования

И.О. Мишин

- Онтологические ценностные категории русского иночества
в XIV–XV вв.: источниковедческий аспект 58

С.В. Карпенко

- «Худшей вещью была бы попытка завоевать Россию
посредством поляков»: враждебность Польши к России
на исходе Гражданской войны в отражении “Documents
on British Foreign Policy, 1919–1939” 73

История культуры в документальном наследии

О.В. Ауоров

- Преподавалось ли учение феодальное право в Кастилии
и Леоне XIII–XIV вв.? Заметки о рукописях *Libri Feudorum*
из испанских собраний 103

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

М.Ю. Киселев

Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1942 г. 112

В.Б. Прозорова

Национальный архив Франции – возможности и проблемы
заимствования его модели другими странами

в XX в. *Окончание* 123

У книжной полки

С.Ю. Кондратенко

«А страна их надолго забыла – у живых было дело важней...»

(Владимир Тыдман. «Поисковикам»). Рецензия на кн.: *Садовников С.И.*

«Война участвует во мне...»: Комплексные поисковые исследования
как основа реконструкции биографий участников

Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2017 139

А.А. Слепцова

«Каждый человек на протяжении своей жизни неизбежно
и постоянно сталкивается с необходимостью использовать
различные документы...»: к выходу в свет книги:

История документов в России в лицах и судьбах

(историко-правовые и документоведческие аспекты) /

Под общ. ред. В.Н. Егорова. Ульяновск:

Корпорация технологий продвижения, 2020. 376 с. 149

CONTENTS

Russian History

V. Bakulin

- Bureau of the Kirov regional committee of the CPSU(b)
and the issue of political repressions in 1937 12

G. Haberl-Yakovleva

- “...Simultaneous dissolution of the European military alliances...”.:
L.I. Brezhnev’s answer to W. Ulbricht as the beginning
of the strengthening the Warsaw Pact 38

World History

A. Komarov

- Difficult road to power. The electoral struggle
of Canada’s major political parties in 2018–2019 46

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

I. Mishin

- The ontological axiological categories of the Russian monkhood
in the 14th – 15th centuries. Source study aspect..... 58

S. Karpenko

- “The worst thing would be an attempt to conquer Russia by means
of Poles”. Poland’s hostility to Russia at the end
of the Russian Civil war as reflected in the “Documents
on British Foreign Policy, 1919–1939” 73

History of culture in documentary heritage

O. Aurov

- Was the learned feudal law taught in Castile and Leon
in the 13th and 14th centuries? Notes on the manuscripts
of the *Libri Feudorum* from the Spanish collections 103

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

M. Kiselev

Moscow Branch of the Archive of the USSR Academy
of Sciences in 1942 112

V. Prozorova

French National Archives. The probability of setting up its model
in other countries in the 20th century. *The ending* 123

Book Reviews

S. Kondratenko

“And the country forgot them for a long time – the living people had
something more important to do... (Vladimir Tydman.
“To the battlefield burial searchers [Poiskovikam]”).
A review of the book: Sadovnikov, S. (2017), “The war shares me...”.
Comprehensive exploratory research as the basis for the reconstruction
of the biographies of the participants in the Great Patriotic War
1941–1945. Moscow, Russia 139

A. Sleptsova

“Everyone throughout his life inevitably and repeatedly faces
a need to use various documents...”. Towards the publication
of the book “History of Documents in Russia in Personalities
and Destinies” (historical, legal and records management aspects) /
Ed. by V.N. Yegorov. Ul’yanovsk: Corporation
of Promotion Technologies. 2020. 376 p.” 149

Бюро Кировского обкома ВКП(б) и проблема политических репрессий в 1937 г.

Владимир И. Бакулин

*Независимый исследователь, Сочи, Россия,
vla20190220@yandex.ru*

Аннотация. Тема политических репрессий занимает видное место в современной отечественной, а также зарубежной историографии. В настоящее время неплохо изучены масштабы явления, структура контингента лиц, пострадавших от репрессий, все более полно выявляются детали политической борьбы по данному поводу в «верхах» партийного руководства Советского Союза. Затронута проблема причин и направленности репрессивных действий властей (в первую очередь в трудах Ю.Н. Жукова). Однако на этом направлении еще пока остается немало «белых пятен». К тому же явно нуждается в более углубленном изучении реализация соответствующей государственной политики в масштабах отдельных республик, краев, областей СССР.

На примере отдельного региона Советского Союза автор статьи выявляет подоплеку политических событий 1937 г., связанных с кануном (первое полугодие) и начальным периодом кампании массовых репрессий. Основное внимание в исследовании уделено вопросу о степени виновности (либо полном отсутствии таковой) у подвергшихся репрессиям советских граждан. Рассмотрено соотношение предъявляемых фигурантам членами бюро Кировского обкома ВКП(б) политических и неполитических обвинений и показано, что в решениях этого органа сплошь и рядом сочетались реальная основа персональных дел (обвинения в коррупции, безобразном управлении вверенными объектами и т. п.) с надуманными политическими «довесками». Система управления Кировской областью в рассматриваемый период отличалась высокой степенью централизации. Ключевым звеном ее выступало бюро областного комитета ВКП(б), анализ протоколов заседаний которого, отличающихся информационной насыщенностью и достаточно высокой степенью достоверности, положен в основу данного исследования.

Ключевые слова: политические репрессии, политические и неполитические обвинения, оппозиция, вредительство

Для цитирования: Бакулин В.И. Бюро Кировского обкома ВКП(б) и проблема политических репрессий в 1937 г. // История и архивы. 2020. № 2. С. 12–37. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-12-37

Bureau of the Kirov regional committee of the CPSU (b) and the issue of political repressions in 1937

Vladimir I. Bakulin

*Independent researcher; Sochy, Russia,
vla20190220@yandex.ru*

Abstract. The theme of political repressions occupies a prominent place in modern national and foreign historiography. By now, the scale of the phenomenon, the structure of the contingent of the people affected by repressions has been well studied, and the details of the political struggle connected with that issue in the “top” party leadership of the Soviet Union are becoming more and more fully revealed. The issue of the reasons and the direction of the repressive actions of the authorities was touched upon (primarily, in the works of Yu.N. Zhukov). However, there are still many “white spots” in the field. Moreover, the implementation of the corresponding state policy regarding the specific republics, territories, and regions of the USSR demands more in-depth study.

By the example of one of the regions of the Soviet Union, the author reveals the background of the political events of 1937, related to the eve (the first half) and the initial period of the campaign of mass repressions. The main attention in the research is paid to the issue of the degree of guilt (or total lack of one) of the Soviet citizens who were subjected to repressions. The author considers the ratio of political and non-political charges brought against the defendants by the members of the Bureau of the Kirov regional Committee of the CPSU(b) and shows that the decisions of that body all too often combined the real basis of personal cases (accusations of corruption, poor management of entrusted objects, etc.) with far-fetched political “add-ons”. The management system of the Kirov region in the period under review was characterized by a high degree of centralization. The key link of that management system was the Bureau of the regional Committee of the CPSU(b); its minutes of meetings characterized by information density and a sufficiently high degree of reliability laid the basis for the present research.

Keywords: political repressions, political and non-political accusations, opposition, sabotage

For citation: Bakulin, V. (2020), "Bureau of the Kirov regional committee of the CPSU (b) and the issue of political repressions in 1937", *History and Archives*, no. 2, pp. 12–37. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-12-37

Введение

Проблема политических репрессий занимает видное место в современной отечественной историографии. Определенное внимание ей уделили и зарубежные авторы. Не пытаясь «объять необъятное», отметим лишь наиболее существенные тенденции в ее развитии. В настоящее время наиболее полно освещены вопросы о масштабах явления [Земсков 1995; Ферр 2007], о структуре контингента подвергшихся репрессиям лиц [Земсков 1991], о соответствующих решениях и действиях общегосударственной власти. Идет процесс изучения связанной с ними политической борьбы в партийных «верхах» [Шубин 2010]. Слабее изучена реализация политики массовых репрессий на местах. В связи с этим определенный интерес представляют собой попытки оценить ее через призму судеб региональных руководителей¹, хотя в данном случае речь идет не о Кировской, а о Свердловской области. На материалах первой из них коснулся проблемы политических репрессий П.А. Чемоданов [Чемоданов 2019], но лишь в контексте истории стахановского движения в регионе.

В проблематике, связанной с темой политических репрессий 1930-х гг., одним из наиболее сложных и дискуссионных является вопрос истинной виновности людей, осужденных по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР. Речь идет не только о фактах совершенных или несовершенных преступлений (в понятиях и юрисдикции того времени), но и о степени политической окраски и целенаправленности осуществленных деяний в тех случаях, когда таковые несомненны. В последние десятилетия в этом вопросе произошел серьезный сдвиг от попыток свести причину массовых репрессий 1937–1938 гг. к несложному их объяснению стремлением Сталина к установлению режима неограниченной личной власти [Хлевнюк 2010] к более глубокой концепции Ю.Н. Жукова, выводящего основную причину таковых из неудавшейся сталинской попытки демократизации советской системы [Жуков 2003]. Тем не менее проблема еще нуждается в более основательной проработке, в том

¹ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП (б) – КПСС и председатели облисполкома: 1934–1991: Биографический справочник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. 284 с.

числе и с привлечением материалов регионального уровня. Она является центральной в данном исследовании.

В те годы в роли первой инстанции, рассматривавшей и оценивавшей поведение и поступки советских людей (в первую очередь коммунистов), часто выступали партийные органы. На региональном уровне особая роль принадлежала узкому кругу лиц – членам бюро областного комитета ВКП(б), на чьих заседаниях вопросы персонального характера заслушивались регулярно. Под этим углом зрения в данной статье проанализированы материалы заседаний бюро Кировского обкома партии за 1937 г. – период, включавший в себя полугодие кануна кампании массовых репрессий и их начальный этап, до январского пленума ЦК 1938 г. – первой серьезной попытки затормозить маховик репрессий. Протоколы заседаний – информативно насыщенный и довольно достоверный, предназначенный для узкого круга руководящих лиц источник. Деятельность бюро рассматривается в контексте общегосударственных процессов и событий, с привлечением дополнительных источников. Хронологические рамки исследования дают возможность сопоставить два периода в плане интенсивности репрессивных действий регионального партийного руководства, выявить влияние, оказанное на них директивными указаниями «центра», в том числе начала июля 1937 г.

По данным на 2 января 1937 г. в заседании бюро участвовали: первый секретарь обкома А.Я. Столяр, председатель областного исполкома Советов А.А. Бобков, второй секретарь обкома С.П. Акопян, заведующий промышленно-транспортным отделом обкома партии М.Н. Родин, начальник областного управления НКВД О.О. Абугов, зампредседателя облисполкома П.К. Легконравов, а также – Дубинский². После прошедшей в мае второй областной партийной конференции состав бюро радикально изменился. На 19 июня из его «старых» членов в работе участвовали лишь вступивший в должность первого секретаря обкома Родин (Столяр в июне был переведен на равнозначную должность в Свердловск) и ставший председателем исполкома областного Совета (облисполкома) Легконравов. Новым начальником УНКВД в это время значился Р.И. Аустрин. Наряду с ними членами обновленного органа являлись А.С. Кайдалов, Ф.П. Наумов, Г.П. Опарин, Э.Х. Филошкина, а также Лисин и Миронов³.

На рассмотрение бюро Кировского обкома ВКП(б) выносились вопросы, связанные с различными сторонами жизни региона – хозяйственные, политические, социальные, организационные,

² Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

³ Там же. Д. 32. Л. 1, 46.

а также – довольно системно – персональные дела коммунистов, уличенных в совершении подлежащих наказанию проступков или преступлений. В первой половине 1937 г. эти дела в массе своей явно распадались на две основные категории – оцениваемые либо как политические (по крайней мере, имевшие политический оттенок), либо лишенные такого компонента. Первые в большинстве случаев воспринимались преступными деяниями, подлежащими более суровым репрессиям, вторые под этим углом зрения могли быть классифицированы не более чем проступками. Однако часть последних тоже попадала в разряд преступлений, но уже не политического, а уголовного характера.

Классификация рассматриваемых кировскими руководителями дел в решающей степени определялась царившей в государстве и обществе атмосферой, которая в первую очередь и главным образом задавалась установками и действиями верховной партийной власти. Особое влияние на нее оказали судебные процессы августа 1936 г. и января 1937 г. над лидерами левой оппозиции, сопровождаемые травлей таковых в СМИ. Местные власти оперативно реагировали на соответствующие сигналы «сверху». В самом начале года, 8 января, Кировский обком дал указание районным комитетам обсудить передовицу газеты «Правда», номера от 4 января «Революционная бдительность и подъем партийной работы» на закрытых партийных собраниях⁴. Даваемая статьей установка «местам» концентрированно отражалась следующим фрагментом ее текста: «Последние годы характерны тем, что буржуазия [зарубежная. – В. Б.] обрела вернейших псов в лице троцкистско-зиновьевских мерзавцев, которые во славу своих фашистских хозяев идут на любую пакость и подлость, лишь бы навредить стране Советов. На штыках империалистов, ценой военного поражения нашей социалистической родины подлейшие из подлых – Троцкий, Зиновьев, Пятаков, Радек, Сокольников и др. – намеревались вернуть к власти старых, алчных хозяев жизни, восстановить капитализм в СССР»⁵.

В последующие месяцы важнейшим политическим ориентиром для местных работников выступали решения февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК, формально сделавшего заявку на углубление советской демократии в процессе реализации положений Конституции СССР 1936 г.⁶ Но особое значение для дальнейшей

⁴ Там же. Д. 28. Л. 23.

⁵ Правда. 1937. 4 янв. С. 1.

⁶ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года (23.02.1937 – 05.03.1937 гг.) [Электронный ресурс]. Библиотека Захарова А.А. URL: <http://захаров.net/static/upload/books/file/9975.pdf> (дата обращения 08 сентября 2019).

эволюции политической жизни страны имело наметившееся в ходе работы пленума соединение темы предстоявшей выборной кампании с установкой немалой части номенклатуры на продолжение и усиление репрессий в отношении не только политической оппозиции, но и всех потенциальных ее противников и недоброжелателей.

*От февральско-мартовского
до июньского пленума ЦК ВКП(б)*

Итак, мишенью политических преследований в начальный и последующие месяцы 1937 г. в первую очередь выступали сторонники левой оппозиции. Обвинение в причастности к этому течению часто фигурировало в материалах бюро Кировского обкома ВКП(б) при рассмотрении персональных дел. В частности, оно было предъявлено председателю Воткинского городского Совета Хасьянцу, заведующему отделом школ обкома партии В.Д. Мазурову, редактору газеты «Удмуртская Коммуна» Кильдебекову, директору строящегося Глазовского льнокомбината А.Г. Соколову и другим. Снятому в январе с административной должности Хасьянцу ставилось в вину, что он вел «контрреволюционную троцкистскую пропаганду», допуская при этом «наглые выпады и клевету против вождей партии и государства». (За компанию с ним пострадали секретари Воткинского райкома ВКП(б) Козленко и Ермаков, которые имели неосторожность организовать теоретическую конференцию с элементами дискуссии по внутрипартийным проблемам: оба лишились должностей и членства в бюро райкома⁷.) Мазуров получил выговор за «сокрытие от партии своих троцкистских выступлений в период 1923–1924 гг.»; Соколова исключили из партии как «активного контрреволюционера троцкиста»; Кильдебеков угодил под проведенную на рубеже 1936–1937 гг. «чистку» редакции «Удмуртской Коммуны» от «классово-чуждых и враждебных элементов»⁸.

При всем разнообразии сюжетов антитроцкистских постановлений бюро большинству из них была присуща непроясненность сути разногласий фигурантов-«троцкистов» с партийным большинством. В первой половине 1937 г. крайне редкий случай предметного обвинения в троцкизме был отмечен в конце весны – начале лета, когда Немский райком ВКП(б) снял с работы, объявив строгий выговор с занесением в личное дело, замдиректора МТС Пехоти-на, обвинив его в «пропаганде контрреволюционной троцкистской

⁷ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

⁸ Там же. Д. 30. Л. 1, 8.

теории о невозможности построения коммунизма в одной стране». Впрочем, бюро обкома сочло аргументацию наказания не вполне убедительной, решение райкома отменило, но Пехотину все же было указано, что «им был недостаточно полно и точно разъяснен» этот непростой вопрос⁹. Но в подавляющем большинстве случаев картина была иной.

В ранее приведенных материалах партийного органа не разъяснялось, в чем именно проявлялась «контрреволюционная активность» А.Г. Соколова, как и «троцкистская» сущность его воззрений. Отсутствовала конкретика в обвинительном вердикте по делу Хасьянца. Что касается якобы скрытых от партии «троцкистских выступлений» 14-летней давности В.Д. Мазурова, то – судя по дополнительным источникам – таковые сводились главным образом к его выступлению в защиту несправедливо (как он считал) наказанных волостным партийным комитетом двух коммунистов. После пленума обкома партии 2 февраля 1937 г., где он выступил с «покаянной» речью, признав свои политические «колебания» в начале 1920-х гг., Мазуров был понижен по службе, став заведующим Сарапульским РОНО. 13 ноября того же года подвергся аресту органами НКВД, а на следующий день был исключен из партии¹⁰.

Определенный свет на методы борьбы кировских лидеров с троцкизмом в рассматриваемый период проливает их повторное обращение в марте 1937 г. к вопросу об «Удмуртской коммуне». К этому времени члены бюро обкома сочли, что и новым редактором газеты «троцкистское наследие» Кильдебекова искореняется неудовлетворительно. Обновленному составу редакции был предъявлен следующий набор претензий и обвинений: 1) ею допускаются «ошибки и извращения»; 2) низок тираж издания; 3) слаба связь с массами; 4) отсутствует работа с селькорами; 5) слабо освещаются вопросы партийной жизни; 6) не развернута самокритика. Нетрудно заметить, что в перечисленных пунктах никоим образом не просматривается специфическое влияние троцкизма на жизнедеятельность редакции. К вопросу – а был ли мальчик? и не имеем ли мы в данном случае дело с сознательным подыгрыванием жестко задаваемой «сверху» политической моде? – подталкивает и повешенный на бывшего редактора удивительный, по существу нелепый ярлык «троцкист-националист»¹¹.

На аналогичные подозрения наводит и текст датируемого тем же месяцем постановления бюро Кировского обкома ВКП(б) о работе регионального Совета Осоавиахима. В документе без тени

⁹ Там же. Л. 111, 111 об.

¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 1372. Л. 13–17.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

сомнения утверждалось, что «вследствие потери большевистской бдительности председателя... т. Давыдова аппарат областного Совета... засорен троцкистами и классово-чуждыми элементами». Но в качестве доказательства сего политического вывода авторами текста приводились факты банальной коррупции, а именно – «грубое нарушение финансовой дисциплины: разбазаривание общественных средств, большая дебиторская задолженность и растраты», а также включение «очковтирательской информации» в отчетную документацию. Логичным продолжением стало поручение руководителю областного финансового управления Юрушкину провести тщательную ревизию всей финансовой и хозяйственной деятельности Совета ОАХ, а новому председателю этого органа – Каманину – осуществить кадровую «чистку». Понятна главная цель последнего мероприятия – преодоление коррупции, но в документе упорно говорилось об избавлении от «враждебных и классово чуждых элементов»¹².

Следует все же признать, что в первой половине 1937 г. далеко не всегда обвинениям и наказаниям за те или иные проступки и даже явные преступления членами бюро обкома придавался политический оттенок. В частности, не был задействован политический контекст в случае с замдиректора Зареченской МТС Бакиным, скупавшим у трактористов трудодни «с целью получения соответствующих доходов»¹³. В январе 1937 г. кировское руководство вышло в ЦК ВКП(б) с предложением снять с должности секретаря Кильмезского райкома Колупаева, который не только попустительствовал распространению «пьянства и бытового разложения» в среде партийного актива, но и дискредитировал себя «организацией коллективной пьянки с руководящими работниками района». Политический контекст отсутствовал и в этом, и в ряде следующих сюжетов. Администрация Арпорекского лесопильного завода долгое время была причастна к имевшим здесь место хищениям государственной собственности. Этому, как и зажиму самокритики на предприятии, весьма способствовало то обстоятельство, что директор Буряков «поставил в свою материальную зависимость партийных и профсоюзных работников завода». Рассмотрев персональное дело Бурякова, члены бюро обкома приняли решение лишить его должности, с привлечением к уголовной ответственности. Вопрос о партийности бывшего директора на время следствия остался открытым; секретарю райкома ВКП(б) Семенову за недосмотр был объявлен выговор¹⁴.

¹² Там же. Л. 2 об.

¹³ Там же. Л. 111 об.

¹⁴ Там же. Л. 23–23 об.

В конце весны 1937 г. в Кировском областном комитете комсомола были выявлены серьезные финансовые нарушения. В их числе: перерасход бюджета предшествовавшего года на 73 тысячи рублей; незаконное расходование отдельными работниками обкома (в частности секретарем обкома Ляпиным) в личных целях казенных денег, задержка выдачи зарплаты сотрудникам некоторых райкомов ВЛКСМ и др. За эти прегрешения решением областного партийного руководства заведующий финансовым сектором обкома комсомола Рылов был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности; был объявлен выговор (с переводом на иное место работы) Ляпину. Но при этом в постановлении бюро не содержалось и намек на троцкистов, вредителей или «классово чуждых», а общая оценка по сути преступных действий сводилась к явно шадающей формулировке – «безответственное отношение»¹⁵.

Удивительно снисходительным выглядит решение по делу о Сарапульском детдоме № 5, рассмотренном членами бюро 5 января 1937 г. Здесь, в отсутствие воспитательной работы, в подростковой среде широко распространились воровство, пьянство, хулиганство. У многих воспитанников не было обуви, белья, верхней одежды, головных уборов. Областной отдел народного образования на все эти безобразия не реагировал. Тем не менее партийное руководство в принятом по делу и лишенном карательной составляющей постановлении ограничилось организационными мерами, призванными навести порядок в детдоме, а в числе намеченных мероприятий значилось даже повышение зарплаты его сотрудникам¹⁶.

В то же время дело, начинавшееся как уголовное, в процессе разбирательства могло перерасти в политическое. Примером тому служит проведенное партийными и государственными органами расследование деятельности руководства Каракулинского района области. Секретарь райкома Белоусов и председатель исполкома районного Совета Кобелев более двух лет совершали преступления коррупционного характера. В конечном счете, лишенные должностей, они были привлечены к уголовной ответственности. Однако в процессе следствия в деле произошел крутой поворот. В начале лета 1937 г. на районном партийном собрании было заявлено о выявлении связи обвиняемых «с разоблаченными... контрреволюционными троцкистскими элементами» из Сарапула и Свердловска. На этом основании члены бюро Кировского обкома ВКП(б) сделали вывод о том, что «расхищение государственных средств, зажим самокритики, грубейшие нарушения революционной законности в отношении колхозников и единоличников являются прямым

¹⁵ Там же. Л. 102.

¹⁶ Там же. Д. 28. Л. 18 об.

следствием контрреволюционной деятельности». Бюро поручило прокуратуре «провести дополнительное расследование преступной деятельности бывшего руководства района *с этой точки зрения*»¹⁷ (курсив мой. – В. Б.). В ходе продолженного следствия за злоупотребления по службе был уволен прокурор Каракулинского района Чикуров, а специальной комиссии обкома партии поручалось выяснить, почему указанные хищения государственной собственности не пресекались работниками областного финансового управления¹⁸.

В этом сюжете не вызывает сомнений сам факт преступной деятельности бывших руководителей Каракулинского района (и не только этого района, о чем будет сказано ниже) и даже политический компонент таковой – провоцирование озлобления населения, что неизбежно подпитывало антисоветские настроения. Однако, как и в целом ряде похожих случаев, анализируемый материал и его авторы не дают ответа на вопрос: каким образом троцкистская идеология могла вдохновлять деятельность коррупционеров, влиять на ее содержание? Люди, психологически ориентированные на удовлетворение любыми способами своих материальных запросов, могли вполне обходиться без идейных и теоретических изысков.

Наряду с преследованием заподозренных в троцкизме членов ВКП(б), часто используемой в партийных документах региона формулой политических преступлений в первой половине 1937 г. выступали обвинения во вредительстве. Таковое было предъявлено на заседании бюро 10 июня директору Чернавской МТС Лысенко, его заместителю Бочарову, старшему механику Жеребцову, по чьей вине ремонтные работы не были обеспечены нужными запасными частями и «трактора были фактически выведены из строя», а план вспашки выполнен лишь на 30%. Члены бюро сочли также, что препятствием к введению правильных севооборотов в колхозах явился «вредительски составленный» руководством МТС план посевных работ¹⁹. Причиненный экономике района ущерб был ощутимым и несомненным, в силу чего использование термина «вредительство» (от корня «вред») с определенными оговорками представляется небеспочвенным. Хотя при этом, как и во многих других подобных случаях, оставался открытым вопрос о том, явился ли хозяйственный провал следствием злого умысла или, что более вероятно, его обусловили иные объективные и субъективные факторы?

В этом же ключе был составлен вердикт бюро обкома от 11 июня относительно директора Воткинского машиностроительного завода

¹⁷ Там же. Д. 30. Л. 109 об.

¹⁸ Там же. Д. 30. Л. 109 об.; Д. 32. Л. 37.

¹⁹ Там же. Д. 30. Л. 120 об.

Иванова. Директора уволили за то, что он не обеспечил надлежащего руководства предприятием («сорвано выполнение производственной программы... дезорганизовано снабжение завода сырьем и материалами») и «необходимой борьбы с вредительством». Члены бюро выразили твердую уверенность в том, что именно оно – корень зла рассматриваемой ситуации, однако никакой конкретной аргументации в подтверждение своей убежденности не привели. Два дня спустя на завод был назначен новый директор²⁰.

Весной – летом 1937 г. характерной чертой сюжетов о «вредительстве» было спускаемое «сверху» требование выявлять и разоблачать злоумышленников. По крайней мере, с времен февральско-мартовского пленума ЦК ответственность не выполнявших данное условие повышалась. В Кировской области эта задача со всей категоричностью была поставлена местными лидерами перед членами партийной организации, хозяйственниками и иными руководителями лишь накануне или в процессе работы июньского пленума ЦК ВКП(б). Хронологически это ужесточение совпало с приходом Родина на должности первого секретаря Кировского обкома ВКП (б), но вряд ли его следует выводить лишь из личностного фактора, поскольку и его предшественника трудно заподозрить в излишней мягкости. По утверждению Ю.Н. Жукова, А.Я. Столяр входил в группу тех региональных руководителей, под чьим давлением во время июньского пленума И.В. Сталин был вынужден дать согласие на проведение массовых репрессий [Жуков 2003, с 437]²¹.

Первое полугодие массовых репрессий

В начале июля члены бюро Кировского обкома ВКП(б), заслушав сообщение нового первого секретаря о состоявшемся в Москве июньском пленуме ЦК, «целиком и полностью» одобрили итоги столичного форума, предписав обсудить их на собраниях низовых партийных организаций. Внешне акцент делался не на политической, а на экономической тематике. Поскольку на пленуме ЦК, помимо вопроса о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР, обсуждалось и состояние сельского хозяйства страны, областное руководство дало установку на всех уровнях «связать обсужде-

²⁰ Там же. Д. 32. Л. 1, 40.

²¹ Правда, Ю. Жуков ошибочно назвал его руководителем горьковской областной партийной организации; de facto Столяр 10 июня возглавил Свердловский обком ВКП(б). См.: Сушков А.А., Разинков С.Л. Указ. соч. С. 29.

ние решений пленума с решением текущих хозяйственных задач» (улучшение работы МТС, севообороты и др.)²²

Но параллельно велась подготовка и к делам иного рода. 8 июля 1937 г. (во исполнение телеграфного распоряжения ЦК партии от 3 июля) была сформирована региональная репрессивная «тройка». В ее состав вошли: секретарь обкома Ф.П. Наумов, заместитель областного прокурора И.Н. Мухин и начальник местного управления НКВД Р.И. Аустрин, которого месяц спустя (и в занимаемой служебной должности, и в «тройке») сменил Л.П. Газов. В роли председателя чрезвычайного органа в обоих случаях выступали представители НКВД²³.

С этого времени постепенно нарастал накал политических обвинений, либо «в чистом» виде (преимущественно в троцкизме), либо в сочетании с экономическими преступлениями, типично – под эгидой все того же понятия «вредительство». Участились обвинения и наказания за связь с «врагами народа». В августе с такой формулировкой был исключен из партии и снят с работы заведующий областным издательством В.Г. Глазырин²⁴. 8 сентября бюро обкома исключило из партии П.Я. Кабакова «за антисоветскую агитацию и связь с врагом народа» (находившимся в это время под арестом бывшим первым секретарем Свердловского обкома. – В. Б.) И.Д. Кабаковым²⁵. Все чаще под ударом оказывались те руководящие работники, которые недостаточно активно выявляли «вредителей». Так, «за проявленную политическую слепоту в разоблачении врагов народа» 13 июля получил выговор и лишился своей должности второй секретарь Слободского райкома партии А.Я. Гордеев. В контексте «борьбы с троцкизмом» в июле был снят с должности секретарь Сарапульского райкома ВЛКСМ Перминов. Ему вменялось в вину, что он (а с ним и ряд комсомольцев) «руководствовались контрреволюционной троцкистской теорией противопоставления комсомола партии, а также тезисом о том, что среди комсомольцев не может быть врагов»²⁶.

На новом этапе в массе персональных дел с обвинительным уклоном, впрочем, как и прежде, преобладали сюжеты, связанные с экономикой – промышленными предприятиями, сельским хозяйством, финансами, большинство из которых проходило по категории «вредительство». В июле за пассивность в деле «разоблачения вредителей» был исключен из партии и снят с должности

²² ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 32. Л. 39 об., 40.

²³ Там же. Оп. 115. Д. 2. Л. 12, 28.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 47.

²⁶ Там же. Д. 32. Л. 30, 60.

директор Макарьевской МТС Г.И. Крылов. Областной прокурор получил указание ускорить следствие по МТС, а райкому ВКП(б) было указано на «недопустимую медлительность» в этом деле²⁷.

Получили дальнейшее развитие некоторые ранее начатые дела, причем оценки действий их фигурантов и наказания заметно ужесточились. Вот одно из масштабных и громких дел того периода. Еще весной 1937 г. в Зюздинском районе области были выявлены факты – по внесенной в протокол заседания формулировке – «грубейшего нарушения революционной законности» и «издевательства над единоличниками». Выяснилось, что финансовые органы длительное время практиковали налоговое переобложение единоличных середняцких хозяйств. В ходе изъятия завышенных налогов случались конфискации вещей домашнего обихода, продажа имущества единоличников за бесценок, арест имущества без составления описи.

Партийные руководители осудили указанные действия как преступные и, обозначив их политический аспект, охарактеризовали таковые как «акты провокационной деятельности враждебных элементов». Был поставлен вопрос об ответственности областного финансового управления, фактически потворствовавшего такого рода нарушениям своим бездействием при проведении проверок на местах, и о засоренности ОблФУ «элементами политически слепыми и классово враждебными». По итогам обсуждения областному прокурору Постникову было предложено возбудить уголовное дело против уже исключенного из партии заведующего Зюздинским районным финансовым отделом Черанева, специальной комиссии поручалось провести проверку налоговой политики возглавляемого Д.Н. Юрушкиным областного финансового управления. Районным комитету ВКП (б) и исполкому Совета вменялось в обязанность «немедленно и полностью исправить все допущенные в районе нарушения законности», а постановление бюро обкома озвучить на районном партийном собрании²⁸.

Давая оценку выявленным в данном случае безобразиям, члены бюро не могли не ориентироваться на ранее появившееся (в феврале того же 1937 г.) постановление ЦК ВКП(б) «О положении в Лепельском районе БССР», где речь шла об аналогичных действиях (при попустительстве Минска) властей одного из районов Белоруссии. Дело приобрело громкий характер, реакция Москвы была жесткой: шесть сотрудников Лепельского райисполкома Советов во главе с председателем пошли под суд, был объявлен выговор наркому финансов СССР Г.Ф. Гринько, «указано» председателю Совнар-

²⁷ Там же. Л. 71.

²⁸ Там же. Д. 30. Л. 109, 109 об.

кома республики Н.М. Голодеду, бывшему первому секретарю ЦК КПБ Н.Ф. Гикало и сменившему его Волковичу, причем последний уже в марте тоже был снят с должности [Жуков 2003, с. 326].

После проведения соответствующих проверок и получения дополнительных сведений бюро Кировского обкома вернулось к рассмотрению данного вопроса в последнюю декаду июля 1937 г. Теперь география рассматриваемого явления явно расширилась – речь пошла уже не об одном, а о нескольких районах области: к Зюздинскому району добавились Каракулинский и Куменский. (В начале сентября этот список пополнит и Кикнурский район²⁹.) Оценки и намеченные меры, в том числе и карательного характера, несколько ужесточились, хотя трудно сказать, было ли это сделано в обычном рабочем режиме или под влиянием июльского поворота «центра» к политике массовых репрессий. В постановлении бюро закономерно особое внимание уделялось областному финансовому управлению. ОблФУ теперь был объявлен «центром, откуда шли в район вредительские установки». Однако при этом, вопреки логике, в вину руководству финуправления ставилось лишь попустительство («своим бездействием») «провокационным действиям» в районных структурах. Впрочем, с уточнением: заведующий ОблФУ и партийная организация учреждения не выполнили неоднократные указания обкома «об очищении аппарата».

Решением бюро Д.Н. Юрушкин лишился должности (с заменой его председателем Шабалинского районного исполкома Советов П.А. Яблоковым), ему был объявлен строгий выговор по партийной линии. Обновленному руководству облФУ и совторготделу обкома ВКП(б) поручалось осуществить «чистку» и обновление аппарата финуправления. Всем райкомам партии Кировской области поступило предписание провести тщательную проверку районных финотделов. Областной прокурор Постников обязывался «ускорить следствие о грубейших нарушениях финансовой политики со стороны работников финансовых органов», чьи действия фактически были направлены «на озлобление масс против советской власти»³⁰. Сразу после упомянутого выше заседания бюро Кировского обкома ВКП(б), 18 июля 1937 г., Юрушкин был арестован органами НКВД, а 13 августа решением того же бюро обкома, с формулировкой «враг народа», был исключен из партии (являлся ее членом с 1920 г.)³¹.

По документам партийного архива Кировской области отрезок времени июль – начало сентября 1937 г. воспринимается своеобразным *переходным* к массовым репрессиям периодом. Однако и

²⁹ Там же. Д. 34. Л. 57.

³⁰ Там же. Л. 78.

³¹ Там же. Оп. 5. Д. 2867. Л. 1; Оп. 1. Д. 32. Л. 123.

тогда картина общественной жизни региона продолжала оставаться достаточно пестрой, партийным руководством еще могли быть приняты довольно неожиданные для новой политической обстановки решения. Вот пример событий, дававших обильную пищу для обвинений во вредительстве, которые, однако, не прозвучали. В больнице районного центра Котельнича практически все сотрудники имели свободный доступ к сильно действующим наркотическим средствам (опий, морфий). В родильном отделении скончались пять новорожденных, поскольку медицинская сестра Мельчакова по указанию врача в течение месяца давала детям опий. С летальным исходом отравилась наркотиками медицинская сестра Кузнецова. В связи с этими событиями заведующий районным здравоотделом Лебедев был снят с должности, заведующий областным управлением здравоохранения Шубников предупрежден, секретарю райкома ВКП(б) было указано. Но при обсуждении вопроса на бюро обкома партии и внесении соответствующего постановления (25 июля) никаких намеков на вредительство, как, впрочем, и на троцкизм, не делалось³².

Достаточно аполитично выглядел и следующий сюжет. 15 июля решением партийного обкома отстранен от должности управляющий строительным трестом Кузнецов, который «довел трест до полного развала», в результате чего не выполнен план строительных работ 1936–1937 гг. (в числе прочего ему ставился в вину срыв строительства важного – по масштабам города Кирова – объекта – нового здания Центральной гостиницы). Но никаких обвинений во вредительстве ни ему лично, ни его подчиненным, по крайней мере на этом этапе, также предъявлено не было. В протоколе бюро содержалась лишь голая констатация факта³³. Но все же тенденция политизации экономических провалов и недоработок преобладала и набирала силу.

Так, начало уборки незрелой ржи в колхозе «Свет» Фаленского района было расценено членами бюро обкома как явно вредительское, «антигосударственное, антиколхозное дело»³⁴. В начале сентября руководством области, по сути, единственной причиной развала работы в Сунской (директор Грязнов, заместитель по политической части Жданов) и особенно Шарангской (директор Агулов, заместитель Макулица) МТС была названа вредительская деятельность проникших в трудовые коллективы врагов народа. По принятой версии вредители сознательно портили технику, а во второй из названных станций к тому же «путем всевозможных

³² Там же. Оп. 1. Д. 32. Л. 69.

³³ Там же. Л. 16.

³⁴ Там же. Л. 79.

обсчетов колхозов, срыва договоров, отказа от обслуживания наиболее слабых колхозов вредители ставили своей задачей дискредитировать МТС и вызвать недовольство масс колхозников». Строго под политическим углом зрения рассматривался факт выхода из колхоза членов сельхозартели «Ключ» Малмыжского района. Он был объяснен тем, что по причине недостаточной политико-массовой и воспитательной работы райкома партии в отдельные колхозы пробрались «классово враждебные элементы». И это при том, что к моменту рассмотрения вопроса на бюро люди, вышедшие из колхоза, в него уже вернулись, а «виновники [были]... привлечены к ответственности»³⁵.

В контексте описываемых событий знаковым следует считать принятое 23 августа решение бюро обкома по кожевенному комбинату им. Коминтерна. Его работа за семь месяцев 1937 г. была признана неудовлетворительной, а заводской администрации ставились в вину не только невыполнение плановых заданий, недооценка стахановского движения, но и отсутствие «решительных мер по выявлению и разоблачению контрреволюционных вредительских элементов». Особенно значимым выглядело то обстоятельство, что руководству предприятия было предложено: придавать политическое звучание *«каждому факту, ведущему к срыву производства...»*³⁶ (курсив мой. – В. Б.).

И тем не менее даже на этом этапе мы еще сталкиваемся с разной оценкой однотипных прегрешений. Так, в начале сентября члены бюро постановили лишить должностей «за развал работы» председателей правлений потребительской кооперации Лебяжского и Бельского районов Г.И. Панфилова и В.Г. Казакова, которым при этом не было предъявлено никаких политических обвинений³⁷. Совершенно ясно, что категория «вредительство» носила расплывчатый, довольно условный характер и вполне допускала произвольное толкование.

С конца лета 1937 г. большую популярность в государственной и общественно-политической сферах приобрел (ранее встречавшийся лишь изредка) ярлык «враг народа». Им пестрели страницы центральной и местной прессы, он фигурировал в материалах директивных документов органов управления. В августе, указав на неудовлетворительное выполнение Шарангской районной парторганизацией решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и указаний Сталина о необходимости укреплять связи с массами, областное партийное руководство – в числе прочего – напомнило

³⁵ Там же. Л. 16, 41, 42.

³⁶ Там же. Д. 34. Л. 12.

³⁷ Там же. Л. 37.

предписание ЦК: «Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознать врага партии, как бы хорошо не был он замаскирован»³⁸.

Жупел «враг народа» наиболее активно был задействован в ключевых для экономики региона сферах – развитии зернового хозяйства и его механизации. Ассортимент политически оцениваемых преступлений заметно расширился во время осенней зерноуборочной кампании. В Нолинском районе, на Медведевском заготовительном пункте отдельные работники смешивали высокосортное зерно с рядовым, заразив к тому же клещем не только старые запасы, но и хлеб нового урожая. Члены бюро обкома однозначно оценили их действия (в первую очередь технического руководителя Рябкина, который к тому же «издевательски относился к женщинам – работницам пункта») как вредительские³⁹. Поскольку положение дел на Медведевском пункте в этом плане не было явлением исключительным в региональной системе Заготзерно и Россортфонда, ущерб экономике области такого рода действиями действительно причинялся огромный. В другом постановлении обкома приводился пример: только на мельнице № 10 «вредительски допущен переход зараженного клещем зерна из 1-й во 2-ю степень в размере 6289 тонн». Еще факт из этой серии: на Турекском пункте Заготзерно (заведующий С.М. Комяков) за последнюю декаду сентября зараженность клещем второй степени возросла со 135 до 1300 тонн⁴⁰. В конечном счете зав. Медведевским пунктом Кочергин «за преступное отношение к приемке и хранению зерна, за отсутствие борьбы с вредительством» 13 сентября был исключен из партии и снят с занимаемой должности. Областная прокуратура получила задание «немедленно привлечь к ответственности виновных во вредительстве на Медведевском пункте Заготзерно», а Нолинский райком партии – указание «мобилизовать партийную организацию пункта и беспартийных рабочих на борьбу с вредительством и на ликвидацию последствий вредительства». 3 ноября «за невыполнение директив ЦК ВКП(б) о борьбе с клещем... засорение областной конторы и пунктов врагами народа» был снят с должности и исключен из партии управляющий областной конторой Заготзерно Н.М. Раков⁴¹.

Темой, пользовавшейся особым вниманием партийных лидеров региона (что было естественно для преимущественно аграрной области), являлось состояние дел на машино-тракторных станциях и

³⁸ Там же. Д. 32. Л. 125.

³⁹ Там же. Д. 34. Л. 59.

⁴⁰ Там же. Л. 97.

⁴¹ Там же. Л. 60, 152.

в машино-тракторных мастерских (МТМ). Дела эти обстояли явно не блестяще по причинам плохого снабжения, организационных и управленческих проблем. Еще в самом начале 1937 г. руководители снабженческих ведомств – Гутапсбыт и Сельхозснаб (управляющие Купчиков и Антонов) – получили грозное предупреждение от обкома ВКП(б), что они будут привлечены к партийной и судебной ответственности, «если не обеспечат бесперебойное снабжение МТС и колхозов запчастями к тракторам, автомашинам и сельхозмашинам материалами и инструментами»⁴². Но на заседании 23 сентября того же года члены бюро обкома признали, что «большинство МТМ и МТС к осенне-зимнему ремонту тракторов не подготовлены. Гутапсбыт и Сельхозснаб не обеспечили необходимые запасы запчастей, материалов, инструментов, а областное земельное управление не осуществило необходимый контроль за их работой. Директора многих МТМ и МТС «не сделали необходимых выводов из ошибок и фактов вредительства прошлого года». Особенно отличился директор Полинской МТС Кукушкин, не организовавший даже ремонт крыши мастерской»⁴³.

Это заседание завершилось без постановлений репрессивного характера, однако вскоре «полетели головы». Уже 3 октября лишились полномочий и были исключены из партии с формулировкой «враг народа» директора МТС А.К. Кулагин, К.К. Рачев и замдиректора Ф.Д. Борисов. 13 октября та же участь постигла директора Воткинской МТС И.Л. Шерстобитова, а 23 октября – Кировской МТС П.А. Погудина. Изгнанный с должности еще в сентябре бывший директор Шарангской МТС Агулов теперь с той же формулировкой покинул партийные ряды⁴⁴. Как «враги народа» в начале ноября сняты с руководящих постов директора Арбасжской и Верхошижемской МТС Коновалов и Ф.М. Романов⁴⁵. Дело не ограничилось директорским уровнем.

Несколько ранее, 13 сентября, с клеймом «враг народа» лишились партийных билетов (а следовательно, и административных должностей) заведующий областного земельного управления А.А. Иванов (его место занял И.П. Старухин) и начальник зернового хозяйства облЗУ М.Ф. Гаранин⁴⁶. «За невыполнение директив ЦК ВКП(б) о борьбе с клещем на пунктах Заготзерно, засорение областной конторы и пунктов врагами народа» был уволен с должности и исключен из партии управляющий областной конторой

⁴² Там же. Д. 28. Л. 10.

⁴³ Там же. Д. 34. Л. 77, 78.

⁴⁴ Там же. Л. 101, 140.

⁴⁵ Там же. Л. 172.

⁴⁶ Там же. Л. 68–70, 81.

Заготзерно Н.М. Раков⁴⁷. Та же участь постигла секретарей райкомов Богородского (А.И. Рябчикова), Слободского (А.Х. Столяр, совсем недавно утвержденного в этой должности⁴⁸), заведующего отделом печати и издательств обкома ВКП(б) Ф.М. Вязанкина⁴⁹, председателя Кировского обкома Российского общества красного креста И.Н. Бессонова⁵⁰ и многих других достаточно крупных функционеров.

Кроме жупела «враг народа» и «вредитель», с началом осени в персональных делах, рассмотренных на бюро обкома, появились также некоторые новации иного рода. 13 сентября решением партийного органа были сняты с работы секретарь Кикнурского райкома ВКП(б) Плаксин и председатель райисполкома Мансуров. Помимо довольно типичных претензий к работе функционеров районного звена (ослабление бдительности, засорение управленческого аппарата нарушающими советские законы и соответственно озлобляющими население «классово-чуждыми и враждебными элементами», «слабое развертывание большевистской самокритики», неспособность перестроить работу в соответствии с решениями февральско-мартовского пленума ЦК), обоим руководителям инкриминировалось насаждение семейственности в кадровых вопросах, подхалимства и угодничества. Эти недостатки ставились в один ряд с политическими преступлениями, что нашло отражение и в директивной части постановления бюро: «Провести решительную борьбу с элементами семейственности, подхалимства и угодничества в организации, неуклонно поднимать бдительность коммунистов и обеспечить проведение классовой линии в работе советских, кооперативных, колхозных и других организаций, очистив их от враждебных нам элементов».

На этом же заседании бюро обвинение в насаждении семейственности, подхалимства и угодничества в сочетании с «зажимом самокритики» было также предъявлено теперь уже бывшему первому секретарю Котельничского райкома ВКП(б) Заручевскому (вдгонку он получил еще и выговор по партийной линии), председателю райисполкома того же района Киселеву (отделался строгим выговором) и второму секретарю райкома Домрачеву (выговор). Но в списке прегрешений указанных лиц (и это тоже было новацией в сравнении с предшествовавшими месяцами) важное место заняла следующая разновидность злоупотребления служебным положением. В постановлении бюро говорилось: «...в Котельничском районе

⁴⁷ Там же. Л. 152.

⁴⁸ Там же. Д. 32. Л. 65.

⁴⁹ Там же. Д. 34. Л. 96, 107.

⁵⁰ Там же. Л. 78.

во время слетов и совещаний колхозников и во время праздников широко практиковалась система вечеров и банкетов с угощениями и выпивкой, организуемых за государственный счет». Существенно и то, что на такого рода увеселения районное руководство направляло средства, предназначенные для проведения культурно-бытовых мероприятий. В банкетах, как правило, «участвовал районный партийный актив, во главе с руководящими работниками района, причем ряд вечеров и банкетов закончились скандалами». В конечном счете прокурору области было поручено привлечь к ответственности лиц, «виновных в разбазаривании государственных средств», а заодно и в «искажении линии партии в землепользовании и налоговой политике» (поскольку насилия над крестьянами-единоличниками случались и в этом районе)⁵¹.

В целом же именно в период с середины сентября и в октябре 1937 г. в политической жизни региона произошел перелом в сторону усиления репрессивных действий местной партийной власти. При этом важным направлением «мобилизации масс на борьбу с “врагами народа”» в эти месяцы явилась подготовка к намеченным на декабрь выборам в Верховный Совет СССР на основе новой конституции страны. Областным комитетом ВКП(б), а также районными партийными комитетами была развернута многообразная работа в трудовых коллективах и по месту жительства граждан в плане разъяснения основных положений конституции, сущности новой политико-государственной системы, закона о выборах. Но ключевым звеном разъяснительной кампании выступала не забота о проведении действительно демократических выборов (октябрьский пленум ЦК 1937 г. поставил крест на самой идее их альтернативности [Жуков 2003, гл. 19]), а все та же борьба с реальными и мнимыми врагами советской системы и правящей номенклатуры.

В датированном 13 сентября постановлении по докладу Даровского РК ВКП(б) о его работе по разъяснению «Положения о выборах в ВС СССР» Кировский обком предложил этому райкому (а соответственно всем остальным тоже) «так организовать всю работу по разъяснению избирательного закона, чтобы... еще более были усилены революционная бдительность партийной и комсомольской организаций, рабочих, колхозников и служащих района к врагам народа (троцкистско-бухаринским бандитам, шпионам, церковникам, сектантам и др.) и решительная борьба по *по окончательному и полному их уничтожению*»⁵² (курсив мой. – В. Б.). Еще более выразительно нагнетание политической истерии и стремле-

⁵¹ Там же. Л. 57–59.

⁵² Там же. Л. 61.

ние не допустить какой-либо конкуренции на предстоящих выборах проявились в ходе Второго пленума Кировского обкома ВКП(б) 19–21 октября 1937 г. В докладе его первого секретаря М.Н. Родина был дан отчет о работе недавно состоявшегося октябрьского пленума Центрального комитета ВКП (б) и обозначены задачи, стоящие перед областной партийной организацией на этапе подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР.

Родин особо подчеркнул, что *главное* в решениях пленума ЦК – это идея совместного выдвижения кандидатов в депутаты на предвыборных совещаниях коммунистов и беспартийных, что в принципе давало возможность, при формально неотмененном, хотя и не заявленном однозначно признании принципа альтернативности выборов, поставить выборный процесс под полный контроль партийных комитетов всех уровней и не допустить к активному участию в выборах любых нежелательных номенклатуре лиц. Об этом – почти открытым текстом – говорил докладчик, воспроизводя выдержку из постановления октябрьского пленума ЦК: «Отделение от беспартийных, выступление коммунистических организаций со своими кандидатами только оттолкнуло бы и отделило беспартийных от коммунистов, побудило бы их к выставлению конкурирующих кандидатов, разбило бы голоса, что на руку только врагам трудящихся»⁵³.

Усиление репрессий давало дополнительную гарантию сохранения монополии на власть партийной и советской номенклатуре, поэтому преобладающая часть доклада Родина была посвящена тем угрозам и опасностям, которые исходили от недоразоблаченных «врагов народа». Угрозы эти, впрочем, выглядели в большинстве случаев довольно абстрактно, недостаточно убедительно, а порой и комично. Например, его рассказ о том, как в населенном пункте Пижанка «по 2–3 тысячи рублей на контрреволюционной проповеди собирал поп Стародубцев, [там] провели огромную враждебную работу против нас, собрали около двух тысяч подписей от колхозников, чтобы снова открыть церковь»⁵⁴. Но людям, попавшим под маховик репрессий, было явно не до смеха, а агрессивный настрой местных партийных и советских функционеров, четко отраженный в материал пленума обкома, косвенно свидетельствовал о масштабах набравшей оборот «чистки».

Вот пример довольно типичного выступления в прениях по докладу Родина. Руководитель Сарапульской районной партийной организации Шаронов говорил: «У нас нет ни одного участка, где бы не сидела эта сволочь – и в аппарате уполкомзаг (уполномоченного комитета по заготовкам. – В. Б.). СНК по району, и в Банке,

⁵³ Там же. Д. 24. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Л. 11.

и директора основных предприятий были шпионы, троцкисты, их помощники, активные их покровители, и в учебных заведениях руководство возглавлялось этой же сволочью, и в целом ряде других учреждений». Завершался этот пассаж многообещающей фразой о том, что в предвыборный период от Сарапульской партийной организации жизнь требует «еще большей бдительности и разворота практической работы...». Много внимания участники пленума уделили религиозной тематике, причем декларируемая ими «контрреволюционность» церкви сводилась в выступлениях, по существу, к ее растущему влиянию на массы в ряде районов области. Поэтому даже начальник областного управления НКВД Л.П. Газов, также приводивший примеры этого влияния, вместе с тем попытался несколько «охладить горячие головы», обратив внимание на их собственные недоработки. «Для того, чтобы посадить всех попов области, – резонно заявил он, – нужно каких-нибудь два – три дня, но я вас уверяю, что через полгода появятся новые десятки попов... Антирелигиозная работа ведется слабо»⁵⁵.

В последние месяцы 1937 г. процесс репрессий в Кировской области шел по нарастающей, затрагивая различные категории населения. Но особенно видное место среди них (по крайней мере, в отражении документов бюро обкома ВКП(б)) принадлежало руководящим работникам в различных сферах государственной и общественной жизни, включая верхний эшелон местной партийной и советской элиты. В июне 1938 г. новый первый секретарь Кировского обкома ВКП(б) М.Я. Канунников, в определенном смысле подводя промежуточный итог карательной кампании в регионе, в числе репрессированных перечислил и бывших членов двух составов – первой и второй половины 1937 г. – бюро областного комитета партии (с учетом того обстоятельства, что часть из них подверглись арестам за пределами области). Таковых оказалось около половины – А.Я. Столяр, М.Н. Родин, П.К. Легконравов, С.П. Акопян, Березин, Грачев, Дубинский, Жолудов, Э.Х. Филошкина⁵⁶.

Заключение

Политические репрессии 1937 г. – чрезвычайно сложное явление. Анализ протоколов заседаний бюро Кировского обкома ВКП(б) позволяет (без претензий на исчерпывающую характеристику) выявить определенные тенденции развития этого явления. В самых общих чертах вырисовывается следующая картина. Источниковая

⁵⁵ Там же. Л. 18, 54.

⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 30.

база данного исследования совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что подавляющее большинство персональных дел, рассмотренных на протяжении 1937 г. членами бюро Кировского обкома ВКП(б), в первую очередь связанных с производственной сферой, экономикой региона, рождались не на пустом месте. В их основе лежали, как правило, реальные проступки, преступления, недоработки фигурантов этих дел. Но требуют критического подхода дела, рассмотрение которых завершалось обвинениями политического характера – в троцкизме, а также – в сознательном и целенаправленном вредительстве.

Политизация такого рода персональных дел (в том числе и тех, где административная и уголовная компонента бесспорна) сплошь и рядом представляется надуманной, искусственно привязанной к исходной базе. Серьезным подтверждением надуманности немалой части такого рода обвинений могут служить факты реабилитации задолго до соответствующих кампаний хрущевского, а затем и горбачевского руководства части репрессированных в ранге «врагов народа». В их числе ранее упомянутые В.Д. Мазуров и Д.Н. Юрушкин. Следствие по делу первого из них, арестованного 13 ноября 1937 г., длилось до 4 марта 1940 г., после чего уголовное дело было прекращено. Выйдя на свободу в изменившейся к лучшему политической ситуации, Мазуров подал апелляцию в Кировский обком ВКП(б), который решением бюро от 23 марта того же года восстановил его в партии, а 14 апреля – снял с него наложенный 9 марта 1937 г. строгий выговор⁵⁷.

Что касается бывшего начальника областного финансового управления Д.Н. Юрушкина, то после ареста в июле 1937 г. он пару лет провел в предварительном заключении, а 1 июля 1939 г. выездной сессией Военного трибунала Уральского военного округа был приговорен к 15 годам лагерей (по пунктам 7 и 8 ст. 58 УК РСФСР обвинялся в подрыве народного хозяйства страны и организации террористических актов против представителей власти). Но менее чем через год, 17 марта 1940 г., постановлением Верховного суда СССР его уголовное дело было прекращено⁵⁸. Как следует из документов персонального дела, после освобождения он уехал в Москву, там подал апелляцию в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), откуда, она, по-видимому, была «спущена» обратно в Кировский обком. На заседании бюро обкома 12 февраля 1941 г. было принято решение восстановить Д.Н. Юрушкина в партии и проинформировать об этом Бауманский райком г. Москвы для выдачи ему новых партдокументов.

⁵⁷ Там же. Д. 1375. Л. 13–17.

⁵⁸ Там же. Оп. 5. Д. 2867. Л. 1, 2.

Однако этим дело не ограничилось, так как Юрушкин подал в Кировский обком еще одну апелляцию с просьбой об отмене строгого выговора, объявленного ему 18 июля 1937 г. Апелляция также была удовлетворена на заседании бюро обкома 19 февраля 1941 г., хотя и с оговорками (похоже, члены бюро таким способом пытались «сохранить лицо»). В решении партийного органа записано: «Учитывая, что т. Юрушкин после допущенных им ошибок был снят с работы зав. областным финотделом и понес наказание по судебной линии, снять с него строгий выговор за не реагирование на сигналы о извращениях финансовой политики на местах»⁵⁹. Публикация об его восстановлении в партии вышла в номере от 30 мая 1941 г. газеты «Кировская правда» – официального печатного органа обкома ВКП(б).

В чем же видятся причины огромной полосы *политически* фальсифицированных процессов рассматриваемого периода? Главный вопрос, невольно возникающий при анализе материала исторических источников, сводится к следующему: зачем, с какой целью обычной уголовщине (а еще чаще – недостаткам в исполнении служебных обязанностей) придавалось политическое обличье? Ответов на него видится несколько.

Во-первых, это делалось для окончательного подавления и искоренения оппозиции (в 1937 г. преимущественно левой), а также для проведения политико-государственной реформы, затеянной сталинской группировкой в руководстве страны. Средствами агитации и пропаганды оппозиции придавался внедряемый в общественное сознание образ «исчадия ада». Соответственно простая и, как правило, надуманная принадлежность к течению, вполне официально именуемому «контрреволюционная, антисоветская, профашистская троцкистско-зиновьевская банда убийц, шпионов, диверсантов и вредителей», рассматривалась как подлежащее суровой каре преступное деяние.

Во-вторых, демонизация оппозиции служила не только цели ее уничтожения. Жупел «троцкизма» использовался для обоснования развязанной летом 1937 г. кампании массовых репрессий, с помощью которых номенклатура (в первую очередь регионального уровня) отсекала от выборов в Советы любых потенциальных конкурентов.

В-третьих, борьбу с коррупцией, иными антигосударственными явлениями большевики с переменным успехом вели с момента возникновения советской власти. Однако именно в 1937 г. борьба эта была возведена в ранг политической. Предъявляемые в таком контексте обвинения служили весьма эффективным, хотя и варвар-

⁵⁹ Там же. Л. 8–10.

ским (то и другое – с учетом тяжести наказаний) средством наведения порядка и укрепления дисциплины во всех сферах государственной и особенно экономической жизни страны, преодоления проявлений безответственности, распушенности, обломовщины; примеров безобразий такого рода архивные фонды содержат огромное количество. Уж очень разными были звучание и последствия обвинений, с одной стороны, в бесхозяйственности, безалаберности, ошибочных решениях, а с другой – в злостном вредительстве, осуществляемом не иначе как врагами народа.

Это был массированный удар по традиционному национальному разгильдяйству, достигшему своего апогея в условиях распада Российской империи, революционных бурь, мировой и гражданской войн, затем – трудно преодолеваемых разрухи и голода, перешедших к тому же в рыночный разгул нэпа. С середины 1930-х гг. быстро нарастала угроза большой войны, времени «на раскачку» не оставалось; ситуация требовала принятия жестких, приносящих быстрый результат мер. Именно в этой парадигме и действовало руководство страны.

В-четвертых, методом навязанных ему номенклатурой репрессий (о чем убедительно пишет Ю.Н. Жуков) И.В. Сталин решал насущную задачу обуздания зарвавшихся региональных «царьков», «чистки», обновления и повышения качества элиты накануне грядущей большой войны. Но осенью 1937 г., что подтверждается и ходом событий в Кировской области, процесс этот начал выходить из-под контроля всесоюзных партийных верхов, угрожая стране политической катастрофой.

Литература

- Жуков 2003 – Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. 326 с.
- Земсков 1991 – Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; № 7. С. 3–16.
- Земсков 1995 – Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Там же. 1995. № 5. С. 118–127.
- Ферр 2007 – Ферр Г. Антисталинская подлость. М.: Алгоритм, 2007. 464 с.
- Хлевнюк 2010 – Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры [Электронный ресурс]. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с. URL: https://royallib.com/read/hlevnyuk_oleg/hozyain_stalin_i_utvergdenie_stalinskoy_diktaturi.html#0 (дата обращения 25 августа 2019).
- Чемоданов 2019 – Чемоданов П.А. Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935–1941 годах (на материалах Кировской области). Киров: ИД «Герценка», 2019. 224 с.
- Шубин 2010 – Шубин А.В. 1937: АнтиТеррор Сталина. М.: Эксмо, 2010. 349 с.

References

- Zhukov, Yu.N. (2003), *Inoi Stalin* [Another Stalin], Vagrius, Moscow, Russia.
- Zemskov, V.N. (1991), "GULAG (historical and sociological aspect, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 10–27; no. 7, pp. 3–16.
- Zemskov, V.N. (1995), "On the scale of repression in the USSR", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 118–127.
- Ferr, G. (2007), *Antystalinskaya podlost* [Anti-Stalinist meanness], Algoritm. Moscow, Russia.
- Khlevnyuk, O.V. (2010), *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi dictatury* [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship] [Online], ROSSPEN, Moscow, Russia, available at: https://royallib.com/read/hlevnyuk_oleg/hozyain_stalin_i_utverzdenie_stalinskoy_diktaturi.html#0 (Accessed 25 Aug. 2019).
- Chemodanov, P.A. *Stakhanovskoe dvizhenie v ekonomicheskoy I sotsiokulturnoi zizhni sovetckoi provintsii v 1935–1941 godakh (na materialakh Kirovskoy oblasti)* [Stakhanov movement in the economic and socio-cultural life of the Soviet province in 1935-1941 (on the materials of the Kirov region)], PH "Gertsenka" Kirov, Russia.
- Shchubin, A.V. *1937: AntiTerror Stalina* [The Anti-Terror of Stalin], Eksmo, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Владимир И. Бакулин, доктор исторических наук, профессор; Россия, Краснодарский край, 354393, г. Сочи, Адлерский р-н, пос. Липники, ул. Липецкая, д. 49; vla20190220@yandex.ru

Information about the author

Vladimir I. Bakulin, Dr. of Sci. (History), professor; bld. 49, Lipetskaya Str., Lipniki village, Adler District, Sochi, 354393, Krasnodar region, Russia; vla20190220@yandex.ru

«...Единовременный роспуск существующих
в Европе военных союзов...»:
Ответ Л.И. Брежнева В. Ульбрихту
как начало усиления Варшавского договора

Галина А. Хаберл-Яковлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, hagal@mail.ru*

Аннотация. Статья впервые публикует ответное письмо Л.И. Брежнева к В. Ульбрихту 1966 г., найденное в федеральном архиве Германии. Письмо, содержанием 12 страниц, помечено статусом «секретно» и в целом дает согласие на взгляды Ульбрихта. Брежнев часто цитирует письмо Ульбрихта с целью доказательства своих взглядов на международное положение, экономические и социальные вопросы. Он фактам, которые приводит в своем письме к нему В. Ульбрихт, дает системную характеристику, определяет стратегию политических партий ФРГ, идеологическую тактику империалистических стран. Брежнев приводит комплекс своих доказательств невозможности объединения двух Германий в данный исторический момент. В письме есть фрагмент, где Брежнев говорит от своего лица, что придает всему письму личностную окраску. Он очень заинтересован предложением Ульбрихта возглавить военный союз соцстран с целью его усиления и не скрывает этого. Организация усиления блока Варшавского договора дает Брежневу шанс обойти по популярности А.Н. Косыгина и стать лидером не только в СССР, но и среди всех социалистических и демократических стран. Это и произошло в 1972 г. при подписании первого договора СССР с капиталистическим миром по ракетам средней и малой дальности.

Ключевые слова: В. Ульбрихт, Л.И. Брежнев, ХДС/ХСС, СДПГ, объединение ФРГ и ГДР, безопасность неядерных стран, ДРСМД

Для цитирования: Хаберл-Яковлева Г.А. «...Единовременный роспуск существующих в Европе военных союзов...»: Ответ Л.И. Брежнева В. Ульбрихту как начало усиления Варшавского договора // История и архивы. 2020 № 2. С. 38–45. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-38-45

“...Simultaneous dissolution
of the European military alliances...”:
L.I. Brezhnev’s answer to W. Ulbricht
as the beginning of the strengthening
the Warsaw Pact

Galina A. Haberl-Yakovleva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, hagal@mail.ru*

Abstract. The article for the first time publishes a reply letter of 1966 from L.I. Brezhnev to W. Ulbricht – the letter found in the Federal Archives of Germany. This document of 12 pages is marked as “secret” in which the author generally agrees to Ulbricht’s views. Brezhnev frequently quotes Ulbricht’s letter to prove his views on the international situation, economic and social issues. He systemically characterizes the facts, mentioned in W. Ulbricht’s letter to him, defines the tactics of the political parties of the FRG, the ideological tactics of imperialist countries. Brezhnev provides a body of evidence to prove the impossibility of the unification of the two Germanys at that historical point. There is an aspect in the letter when Brezhnev speaks on his personal behalf, and this allows us to give a personal colouring to the whole letter. Brezhnev is very interested in Ulbricht’s proposal to head the military union of the socialist countries with the purpose to strengthen it, and he does not hide it. The strengthening by L.I. Brezhnev of the Warsaw Pact bloc provides him with a chance to take over Kosygin A.N. by popularity and to become the real leader not only within the USSR, but also among all socialist and democratic countries. That happened in 1972 when the USSR signed a first ever treaty with the capitalist world on the intermediate and short-range nuclear missiles – the INF Treaty.

Keywords: W. Ulbricht, L.I. Brezhnev, CDU/CSU, SPD, unification of the FRG and the GDR, security of the non-nuclear countries, INF Treaty

For citation: Haberl-Yakovleva, G.A. (2020), “...Simultaneous dissolution of the European military alliances...”: L.I. Brezhnev’s answer to W. Ulbricht as the beginning of the strengthening the Warsaw Pact. *History and Archives*, no. 2, pp. 38–45. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-38-45

Введение

В Бундесархиве Германии найдено ответное письмо Л.И. Брежнев к Вальтеру Ульбрихту, датированное 31 декабря 1966 г. Письмо является глубоко продуманным согласием на все аргументы лидера ГДР, подтверждающие напряженное международное положение.

Л.И. Брежнев по каждому пункту Ульбрихта представляет анализ его фактологического материала, определяет тактику международного империализма по отношению к соцстранам и ГДР, и СССР в частности. В своем письме Брежнев подвел фундаментальную базу под объяснение своего согласия усилить авторитет социалистического и демократического лагеря на международной арене и укрепить их обороноспособность.

Ульбрихт написал основное письмо Брежневу 17 ноября, а также 18 ноября приложение к нему на одной странице без статуса «строго доверительно». В нем Ульбрихт просит Брежнева, при наличии вопросов к его основному письму, дать ответ до 14 декабря 1966 г., так как «15 декабря начнется Пленум ЦК»¹. Приложение сообщает, что руководство партии (мы) «находимся в разгаре дискуссий в связи со съездом. Поэтому мы должны дать ответ на все основные и актуальные вопросы по развитию государства, экономики и общества, а также на вопросы международной политики»². Далее в письме говорится, что руководство (мы) было бы радо, если Брежнев нанесет визит лично в ГДР, желательно во второй половине января следующего года. То есть сразу после съезда СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии), – срочно. Более того, Ульбрихт прямо «подключает» личные эмоции и личное отношение к Брежневу: «...нам было бы очень приятно выслушать Ваш совет по некоторым вопросам. Если указанное время Вам не подходит, то мы бы приветствовали Ваш визит и в любое удобное для Вас время».

Л.И. Брежнев ответил 31 декабря 1966 г. При анализе ответа Брежнева, скорее, можно констатировать не «имперский приоритет» руководителя партии советского государства в задержке ответа, а необходимость иметь дополнительное время на детальный анализ необычно информативного письма Ульбрихта. К тому же, письмо Ульбрихта обещало новые фундаментальные перспективы, и это тоже надо было обдумать. Ответное письмо находится в Бундесархиве в двух вариантах – основной ответ от ЦК КПСС за подписью Брежнева с его копией, где указана дата перевода (07.01.1967) без подписи Брежнева. Второй вариант – это «Пояснение к письму Брежнева, в адрес Ульбрихта». Оба письма не отличаются друг от друга по содержанию, но отличаются по поставленным на них от руки датам, а также количеству страниц. Фактически «Пояснение к ...» – четкая перепечатка основного письма в сжатом виде, содержащая всего 8 страниц, а не 12, как в оригинале. Также на обоих письмах указаны даты перевода: «9 января» на письме –

¹ BArch DY30/3288.L. 336 (1).

² Ibid.

личном обращении Брежнева к Ульбрихту (одна страница), и «7 января» на основном 12-страничном письме. Письмо-обращение, титульный лист основного письма, помечено статусом «секретно». В этом принципиальное отличие письма Брежнева от письма Ульбрихта: В. Ульбрихт пишет к Брежневу «строго доверительно». Это буквальный и дипломатический перевод, что значит – можно поделиться этой информацией с доверенным лицом: письмо очень важное, но я тебе доверяю, поэтому делюсь этой важной информацией... но только с тобой... и еще с несколькими доверенными лицами. А вот письма с грифом «секретно» выдаются для прочтения только под особое разрешение особым ведомством и только под подпись – при получении и при сдаче письма после прочтения. Учет такой документации ведется в особых журналах, с указанием дат, фамилий и подписей.

Титульное письмо-обращение компактно излагает смысл всего послания: с большим интересом прочитали Ваше письмо, по сути с ним согласны, но надо посоветоваться с другими социалистическими странами, и, конечно, будем поддерживать ГДР. Однако отдельно сообщается, что в дополнительном сопроводительном письме есть соображения по некоторым вопросам, которые надо обдумать. И здесь Брежнев говорит лично от себя: «Соображения по некоторым вопросам содержатся в прилагаемом материале, который просил бы рассмотреть как материал для обдумывания». Это позволяет предположить личный характер всего послания к Ульбрихту, как личный взгляд самого Брежнева на оценку мировых событий, экономического и социального положения ГДР. Дополнительно Брежнев благодарит Ульбрихта за приглашение посетить ГДР и собирается с удовольствием им воспользоваться. Он очень заинтересован открывшимися перспективами.

Основное письмо начинается с базирования всех данных оценок международного положения на «совместной линии Советского Союза, ГДР и других социалистических стран, выработанной на совещании в Бухаресте»³. Имеется в виду «Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе», принятая в 1966 г. в Бухаресте Политическим консультативным комитетом Варшавского договора. Цель общей идеи Декларации – сплочение стран социалистического содружества и укрепление международной позиции ГДР. Письмо содержит шесть разделов, посвященных разным темам. Первый раздел посвящен первой части письма Ульбрихта – соотношению сил на международной арене. Второй, самый обширный, – объединению двух Германий. Третий – попыткам ФРГ и ее союзников нанести ущерб интересам ГДР и другим социалистическим странам

³ Ibid. P. 338 (3).

даже в момент намечающейся в Европе разрядки напряженности. Четвертый раздел аргументирует, что соотношение сил на международной арене меняется в пользу социализма. Пятый раздел, самый короткий, констатирует невозможность в данный момент создания Комитета солидарности с Вьетнамом. Шестой раздел, также короткий, посвящен проблеме статуса неядерных держав.

В первой части Брежнев соглашается с правительством ГДР и В. Ульбрихтом в отношении состояния международного положения на момент написания письма, например, с «бесперспективностью военных замыслов американских и западногерманских империалистов, направленных на отбрасывание и шантаж социалистических стран Европы». Он отмечает несостоятельность прежней политики правительства ФРГ, вынужденной изменять свою тактику с целью «воссоздания рейха на капиталистических началах». Брежнев отмечает возросший авторитет ГДР на международной арене, ее успехи в хозяйственном и культурном строительстве. При этом новую тактику ФРГ Брежнев видит в «размягчении граней, существующих между ГДР и ФРГ». Он утверждает, что эта тактика «разработана в ФРГ довольно тщательно и осуществляется с большой настойчивостью».

Характеризуя «распределение ролей между буржуазными партиями в ФРГ», Брежнев указывает на их тактику – действие через крупные монополии и государственный аппарат, использование для проникновения в ГДР средств пропаганды, «внутригерманской» торговли, а также «сложившихся между обоими германскими государствами научно-технических и культурных связей».

В письме присутствует и сравнение западногерманских партий друг с другом, их отличительные особенности. Если буржуазные партии ХСС/ХДС (/Христианско-социалистический союз/Христианско-демократический союз) Западной Германии применяют «лобовую тактику», то социал-демократические более гибки в «сотрудничестве» между ФРГ и ГДР, что «не менее опасно для ГДР, чем лобовая тактика», например, предложение СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) создать «экономическое сообщество» обоих германских государств, общегерманских экономических органов, установить связи ГДР–ФРГ до уровня министров (без признания ГДР). Все это, по мнению Брежнева, может привести к фактической ликвидации в ГДР социалистического строя. Он отмечает конкуренцию внутри западногерманских партий по влиянию на ГДР: СДПГ стремится превзойти ХДС и СвДП (Свободная демократическая партия) «в национализме на почве капиталистического рыночного хозяйства и доказать господствующему классу», что у СДПГ больше возможностей «проникнуть в ГДР, чем у конкурирующих с ней партий». В ход идут ставки на «наци-

ональную общность всех немцев», «единство немецкой нации». И здесь на помощь ФРГ спешат страны НАТО и среди них США, Англия, охотно применяющие тактику «наведения мостов». В конце первой части Брежнев делает вывод, что анализ характеристик и тактик капиталистических стран «исходит из единых оценок политики империалистических держав».

Вторая часть, просто помеченная цифрой «2», сразу начинается с вывода о том, что объединение двух Германий «в настоящее время невозможно». Далее на двух листах следуют доказательства этого. А именно:

- нельзя подменять историческую классовую борьбу мистическим национализмом – это играет на руку империалистам;
- нельзя объединять оба германских государства на империалистической основе, так как это создаст угрозу миру и безопасности других социалистических стран, что станет началом новой мировой войны;
- Брежнев не говорит о слиянии двух Германий, он называет этот процесс «воссоединением», что означает процесс на равных началах. Более того, он согласен с выводом Ульбрихта, что империалистическая Германия должна покинуть лагерь капитализма и присоединиться к социалистическим странам, а для этого нужно время;
- осуществление задачи объединения обеих Германий зависит и от общей международной ситуации, когда ни одна из мировых систем не согласится с такой крупной переменой;
- Брежнев указывает на реваншистскую политику западногерманских кругов ФРГ, которые в действительности ничего не меняют и стремятся только подорвать социалистический строй в ГДР;
- существует в данный момент определенная политическая выгода для ГДР – требовать для начала от ФРГ политического признания ГДР как самостоятельного социалистического государства;
- лозунг ФРГ о самоопределении расплывчат, и на него нельзя опираться.

Таким образом, опираясь на «материал», присланный Ульбрихтом, постоянно цитируя его и анализируя, Брежнев дает характеристику фактам, определяет тактику буржуазных партий и государств, вскрывает их истинные цели, подтверждая правильность выводов Ульбрихта и соглашаясь с ними.

Третья часть анализирует попытку разрядки международной напряженности с позиции капиталистических государств и непосредственно ФРГ. Брежнев утверждает, что *их* разрядка напряженности сводится в конечном счете к «проблеме ГДР», «проблеме

воссоединения», что означает – «не будет ГДР – не будет угрозы безопасности в Европе», к тому же политика ФРГ настаивает на возвращении границ в Европе 1937 г., чтобы изолировать ГДР. Он подчеркивает, что СССР и другие социалистические страны будут отстаивать безопасность социалистической Европы, что было согласовано между ними в Бухарестской декларации, отстаивать незыблемость европейских границ после Второй мировой войны и границы между ФРГ и ГДР. Но у социалистических стран на этом поле «имеются большие возможности навязывать империалистическим странам собственную инициативу». Брежнев подтверждает готовность СССР и в дальнейшем поддерживать, защищать ГДР. Далее следует важная деталь – вопрос о «единовременном роспуске существующих в Европе военных союзов... военных организаций». Это предложение содержится в Бухарестской декларации и направлено на расшатывание НАТО, на противодействие попыткам США и ФРГ «использовать механизмы НАТО в своих военно-политических целях». Следовательно, если не удастся распустить эти военные блоки, то логично предположить укрепление Варшавского договора. Однозначно понятно, под чьим руководством. Однозначно также понятно, кто должен взять в свои руки это руководство.

В четвертой части Брежнев соглашается с Ульбрихтом, что соотношение сил в мире меняется в пользу социализма в экономической, политической и военной областях. Однако он не соглашается с утверждением Ульбрихта о возможности американского империализма перейти к агрессии против социалистического лагеря в Азии, Африке и Латинской Америке и изменить там соотношение сил в пользу империализма. Брежнев предлагает уточнить эту характеристику в соответствии с выводами коммунистических и рабочих партий на совещаниях 1957 и 1960 гг. Он предлагает Ульбрихту и партиям ГДР не заниматься самодеятельностью в независимой оценке международного положения, не подвергать сомнениям решения коммунистических и рабочих партий, а следовать в их фарватере. Брежнев «встраивает» СЕПГ в вертикаль КПСС, прямо указывая: одумайтесь. Также и об «исторически обусловленном экономическом и научно-техническом преимуществе развитых капиталистических стран» – Брежнев не соглашается с этой позицией, называя ее «не вполне ясной» с политической точки зрения (в условиях «возросшей агрессивности американского империализма»). Он утверждает, что там, где «американскому империализму противостоит сплоченный фронт социалистических государств, он не решается прибегать к агрессии и вынужден так или иначе считаться с принципами мирного сосуществования». Таким образом, в ответном письме Брежнев выстраивает общую линию политических, экономических и идеологических взглядов всего социа-

листического лагеря, предлагая ГДР защиту, поддержку и ее место в общем ряду социалистических стран Европы и мира.

Пятая часть письма заключена в четырех строчках: из-за позиции Китая (КНР) нет возможности создать Комитет солидарности для помощи соцстран Вьетнаму. Здесь он полностью соглашается с Ульбрихтом.

В шестой части Брежнев логично и справедливо дополняет Ульбрихта: «неядерные страны не должны иметь на своей территории ядерного оружия».

Таким образом, в ответном письме Брежнев и согласился с Ульбрихтом, и дал глубокий анализ его «материала», и сумел «построить» Ульбрихта и СЕПГ в соответствии со своими и советскими идеологическими принципами. В результате диалога двух руководителей у Брежнева появилось «окно возможностей» обойти в авторитете А.Н. Косыгина, чрезвычайно популярного у советского народа. Взяв инициативу в международном вопросе на себя с «подачи Ульбрихта», Л.И. Брежнев получил шанс стать лидером не только в СССР, но и во всем социалистическом лагере, возглавив военный союз соцстран в рамках Варшавского договора. Это ему удалось, и первым его важным международным успехом стал Договор о ракетах средней и малой дальности 1972 г.

Информация об авторе

Галина А. Хаберл-Яковлева, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; hagal@mail.ru

Information about the author

Galina A. Haberl-Yakovleva, degree seeking applicant (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; hagal@mail.ru

Сложная дорога к власти: предвыборная борьба основных политических партий Канады в 2018–2019 гг.

Андрей Н. Комаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ruslan10@inbox.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть особенности предвыборной борьбы основных политических партий Канады в 2018–2019 гг. На материале отечественной и зарубежной историографии, а также материалов СМИ автором предпринята попытка сравнительно-исторического анализа борьбы за власть Либеральной, Новой демократической и Консервативной партий исключительно реформистскими средствами и методами. Именно этот факт, по мнению автора, и составляет важнейшую особенность общественно-политического развития Канады, где две партии сменяют друг друга у власти в общенациональном масштабе в течение длительного времени. Автор статьи приходит к выводу о том, что на предвыборную риторику консерваторов и либералов оказывают влияние их прежняя популярность среди канадского электората, ассоциация у избирателей этих политических сил со стабильным развитием государства, а также мероприятия, проводимые ими ранее в области внутренней и внешней политики страны.

Автор убежден, что настоящий высокий рейтинг канадских либералов объясняется их довольно удачной внутренней политикой, в частности заключением соглашения USMCA вместе с США и Мексикой. Автор подчеркивает, что НДП, несмотря на очередную смену лидера, по-прежнему не в состоянии бросить политический вызов либералам и консерваторам и прийти к власти в общенациональном масштабе.

Ключевые слова: новые демократы, консерваторы, либералы, Д. Сингх, А. Шир, Д. Трюдо, парламентские выборы

Для цитирования: Комаров А.Н. Сложная дорога к власти: предвыборная борьба основных политических партий Канады в 2018–2019 гг. // История и архивы. 2020. № 2. С. 46–57. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-46-57

Difficult road to power.
The electoral struggle
of Canada's major political parties
in 2018–2019

Andrey N. Komarov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ruslan10@inbox.ru*

Abstract. The article attempts to consider the features of the electoral struggle of the main political parties of Canada in 2018–2019. Basing on the material of national and foreign historiography, as well as the media materials, the author pursues a comparative historical analysis of the contest for power of the Liberal, New Democratic and Conservative parties exclusively by reformist means and methods. This fact, according to the author, is the most important feature of the socio-political development of Canada, where the two parties, on a national scale, have been succeeding each other in power for a long time. The author of the article comes to the conclusion that the election rhetoric of the Conservatives and the Liberals is influenced by their former popularity with the Canadian electorate, which associates these political forces with the stable development of the state, as well as the actions carried out by them earlier in the field of domestic and foreign policy of the country.

The author emphasizes that the real high rating of the Canadian liberals is due to their rather successful domestic policy, in particular, the signing of the USMCA agreement with the United States and Mexico. The author highlights that the NDP, despite the next line-up change of the leadership, is still unable to politically challenge the Liberals and the Conservatives, and to gain power on a national scale.

Keywords: New Democrats, Conservatives, Liberals, Jagmeet Singh, Andrew Scheer, Justin Trudeau, parliamentary elections

For citation: Komarov, A.N. (2020), "Difficult road to power. The electoral struggle of Canada's major political parties in 2018–2019". *History and Archives*, no. 2, pp. 46–57. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-46-57

Введение

Общественно-политическое развитие Канады в 2018–2019 гг. было тесно связано с деятельностью политических партий и, прежде всего, консерваторов и либералов, которые конкурировали за власть мирными средствами и методами. Эта тенденция является знаменательной для данного государства, поскольку она была обусловлена эволюционным развитием Канады начиная со второй

половины XIX в. Англо-американская война 1812–1815 гг., а также внутриканадские события 1837–1838 гг., участие Канады на стороне Антанты в Первой мировой войне и в составе антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне не только не разрушили, но в значительной степени сцементировали единство англо- и франко-канадской наций. Канадскому политическому истеблишменту удалось избежать социальных потрясений и волнений, характерных, например, для российского государства, прошедшего через трагические революционные события начала XX в. Показательно, что политическим элитам Канады удалось сохранить неизменность и преемственность двухпартийной системы, которая, оставаясь первоизданной, начиная со второй половины XIX в. последовательно опиралась на деятельность Консервативной и Либеральной партий. Этот пример является образцово-показательным для других стран Северной Америки и Европы, где в отличие от Канады происходили неоднократные изменения в существующей партийной системе. В свою очередь, это влияло на корректировку политического курса, проводимого партиями, или замену его в целом. Показательным является тот факт, что, даже в таком развитом правовом государстве, как США, партийная система трансформировалась как минимум трижды в течение XIX в. Первая двухпартийная система федералистов А. Гамильтона и республиканцев Т. Джефферсона была заменена второй двухпартийной системой вигов и демократов в 30–40-е гг. XIX в., и, наконец, современным механизмом функционирования Республиканской и Демократической партий начиная со второй половины XIX в.

Напротив, тенденция стабильной канадской двухпартийной системы всегда отражала политическое развитие этого государства. Стоит отметить, что она характерна и для современности, когда конкурентная борьба между канадскими консерваторами и либералами определяет всю динамику общественно-политических процессов в государстве.

Цель данной статьи – проанализировать и исследовать предвыборную борьбу основных канадских политических партий в 2018–2019 гг., и прежде всего консерваторов, либералов и новых демократов. Для достижения цели нами были решены следующие задачи:

- проанализированы избирательные кампании основных канадских политических партий в 2018–2019 гг.;
- дана характеристика мероприятиям правительства либералов под руководством Дж. Трюдо в области внутренней и внешней политики Канады в 2015–2019 гг.;
- выявлено общее и особенное в избирательных кампаниях консерваторов, либералов и новых демократов.

Источниковая база статьи представлена соответствующими источниками, используемыми при анализе исторических процессов в Новое и новейшее время, – материалами СМИ и предвыборных дебатов на французском и английском языках, речами видных канадских политиков, предвыборными манифестами основных политических партий Канады.

Для нас принципиальным является раскрытие особенностей предвыборной борьбы, т. е. подготовки к следующим парламентским выборам, которая началась сразу же после победы либералов на парламентских выборах 2015 г. Поэтому в фокусе нашего внимания оказались не только ключевые моменты предвыборной борьбы либералов, консерваторов и новых демократов, но и ряд мероприятий, проводимых либералами в области внутренней и внешней политики канадского государства в 2015–2019 гг.

В свою очередь, историография статьи представлена обобщающими канадскими и российскими работами по данной проблематике, освещающими внутреннюю и внешнюю политику Либеральной партии под руководством Дж. Трюдо в 2015–2019 гг., а также подготовку политических партий Канады к парламентским выборам 2019 г. В связи с этим интерес представляет статья Л.А. Немовой, сделавшей детальный анализ событий в экономике Канады накануне парламентских выборов 2019 г. [Немова 2019, с. 5–14].

Важную роль сыграли работы канадских историков К. Дорнана и Дж. Памметта, которые исследовали динамику парламентских выборов в Канаде в начале XXI в., а также охарактеризовали в целом этапы трансформации партийно-политической системы в новейшее время [Pammett, Dornan 2016].

Избирательные кампании консерваторов, либералов и новых демократов в 2018–2019 гг.

После победы либералов на парламентских выборах 2015 г. другие политические партии Канады сразу же включились в борьбу за власть мирными средствами и методами. Но принципы этой борьбы отличались для каждой из существующих канадских партий. Для либералов принципиальным было показать избирателям правильность и целесообразность проводимой ими внутренней и внешней политики страны. Для консерваторов, наоборот, было важным сделать акцент на критике внутренней и внешней политики либералов. Для новых демократов необходимо было продемонстрировать состоятельность социал-демократической альтернативы в противовес консерваторам и либералам.

Необходимо отметить, что подготовка политических партий к предстоящим парламентским выборам проходила последовательно и поэтапно.

Первым важным этапом подготовки к парламентским выборам 2019 г. для консерваторов и новых демократов явилась смена лидеров, которая произошла в 2017 г. У либералов такой необходимости не было, поскольку лидер Либеральной партии и премьер-министр Канады Дж. Трюдо проводил успешный курс внутренней и внешней политики своего государства. Для консерваторов и новых демократов этот шаг явился принципиально важным, поскольку при предыдущих лидерах и новые демократы, и консерваторы потерпели поражение на парламентских выборах 2015 г. В мае 2017 г. новым лидером Консервативной партии Канады вместо С. Харпера стал Э.Д. Шир. Для консерваторов тем самым закончилась целая эпоха канадского консерватизма под руководством С. Харпера, который пребывал на посту лидера Консервативной партии Канады 14 лет – с 2003 по 2017 г. [Комаров 2014]. С именем С. Харпера были связаны самые знаковые успехи консерваторов в начале XXI в., в частности формирование Консервативной партии в декабре 2003 г. в Канаде путем объединения Прогрессивно-консервативной партии и Канадского консервативного альянса реформ. Кроме того, консерваторы во главе со С. Харпером победили на парламентских выборах 2006 и 2008 гг., получив абсолютного большинства, и повторили свой успех на парламентских выборах 2011 г., приобретя парламентское большинство [Комаров 2015]. В то же время, проиграв парламентские выборы 2015 г., С. Харпер, безусловно, отдавал себе отчет в том, что Консервативная партия должна сменить лидера, и, тем самым, сделать важный шаг на пути к возможной будущей победе на парламентских выборах 2019 г.

Одновременно в 2017 г. Новая демократическая партия Канады заменила своего лидера, что было связано с ее неудачей на парламентских выборах 2015 г. Осенью 2017 г. Д. Сингх, новый лидер НДП, сменил предшественника руководителя партии Т. Малкера, который привел новых демократов только к третьему месту по итогам парламентских выборов 2015 г. Безусловно, этот результат для новых демократов явился серьезным разочарованием в сравнении с итогами парламентских выборов 2011 г., когда благодаря талантливому и харизматичному лидеру НДП Дж. Лейтону новые демократы получили 31% голосов избирателей и более 100 мест в палате общин [Комаров 2018, с. 300]. Замена лидера новых демократов происходила с целью решения сложнейшей проблемы, актуальной для этой партии во второй половине XX – начале XXI в., состоявшей в том, что НДП никак не может прийти к власти в общенациона-

нальном масштабе и, соответственно, сменить у руля власти либералов и консерваторов.

Второй важный этап подготовки политических партий к парламентским выборам 2019 г. начался 11 сентября 2019 г., когда премьер-министр Дж. Трюдо объявил о роспуске федерального парламента и назначении парламентских выборов на 21 октября 2019 г. Начиная с этого этапа политические партии Канады сразу же усилили предвыборную активность.

В своих программных выступлениях новый лидер Консервативной партии Э. Шир сразу же сделал упор на критике экономического развития Канады при Дж. Трюдо, в частности модернизации соглашения НАФТА под давлением США, постоянных внешних рисках, которым подвержена экономика Канады, сложностях во внешнеэкономических отношениях Канады с Китаем, связанных с «торговой войной» между США и Китаем, повышением налогообложения на средний класс и т. д. [Sheer 2019]. Показательным в выступлениях Э. Ширы явился именно тот момент, что если лидеры других политических партий, например НДП или Квебекского блока, во время своих избирательных кампаний делали упор на обсуждении какого-либо отдельного аспекта развития страны — экологии, мультикультурализма и т. д., то стратегией Э. Ширы стала масштабная критика своего главного политического оппонента, лидера Либеральной партии Канады Дж. Трюдо по всем возможным направлениям. Именно эта особенность прослеживается во всей избирательной кампании Э. Ширы. Необходимо отметить, что она представляет собой давнюю политическую традицию в Канаде, и сопровождает ход всего избирательного процесса в стране в новейшее время. Консерваторы, как и либералы, постоянно видят друг в друге своих политических оппонентов и не упускают возможностей для взаимной жесткой критики. Показательным является хрестоматийный пример ярких предвыборных дебатов 1984 г., когда Б. Малруни обрушился с критикой на премьер-министра Канады Дж. Тернера, вследствие которой последний во многом и проиграл парламентские выборы 1984 г. [Комаров 2010]. В то же время успешные выступления Э. Ширы, к сожалению, ослаблялись недостатком у него политического опыта. 3 октября 2019 г. крупнейшая канадская газета «Глоб энд Мейл» обнародовала факт наличия у Э. Ширы двойного, канадского и американского, гражданства¹.

¹ *Fife R., Dickson J.* Conservative leader Andrew Scheer holds dual Canadian-U.S. citizenship, had attacked Michaëlle Jean on same issue [Электронный ресурс]. The Globe and Mail. 2019. 3 Oct. URL: <https://www.theglobeandmail.com/politics/article-conservative-leader-andrew-scheer-holds-dual-canadian-us-citizenship> (дата обращения 3 ноября 2019).

Несмотря на то что в августе 2019 г. Э. Шир начал процедуру отказа от американского гражданства, обнародование данного факта крайне негативно сказалось на его дальнейших политических амбициях. 18 и 19 октября 2019 г. канадская газета «Глоб энд Мейл» вновь опубликовала данные, компрометирующие избирательную кампанию консерваторов, в частности одной из целей избирательной кампании консерваторов ставилось разрушение Народной партии М. Бернье, что само по себе является неприемлемым в условиях демократического избирательного процесса в Канаде [Kathleen 2019].

Лидер Новой демократической партии Д. Сингх в своих предвыборных выступлениях проводил традиционную для новых демократов концепцию дистанцирования от двух главных канадских партий – Консервативной и Либеральной [Singh 2019]. Озвучивая именно эту идею, Д. Сингх реализовывал таким образом давнюю стратегию новых демократов – показать всю важность и значимость Новой демократической партии как реальной альтернативы либералам и консерваторам и осуществить в итоге прорыв к власти в общенациональном масштабе.

В то же время, понимая, что новым демократам сложно выдерживать конкуренцию с находящимися у власти либералами, Д. Сингх обрушился с критикой на консерваторов, которых посчитал своими основными политическими оппонентами. Лидер НДП заявил о том, что никогда его партия не войдет в коалицию с Консервативной и не поддержит последнюю даже в том случае, если у консерваторов будет парламентское меньшинство [Turnbull 2019]. В своей предвыборной кампании новые демократы сделали упор на ряд социальных мер, необходимых канадскому обществу, в частности инвестирования в жилищное строительство, уменьшение инфляции, завершение субсидирования нефтяных компаний и т. д.

Несмотря на раздутый СМИ скандал относительно прошлой работы в школе будущего премьер-министра Канады и лидера Либеральной партии Дж. Трюдо, последнему удалось отстоять свое реноме грамотного и самостоятельного политика, проводящего необходимый стране внутри- и внешнеполитический курс [Murphy 2019]. Период нахождения у власти либералов Дж. Трюдо, несмотря на внешнеполитические риски, отличался хорошей экономической конъюнктурой и, самое главное, заключением соглашения U.S.M.C.A. (United States–Mexico–Canada Agreement) с США и Мексикой 30 ноября 2018 г., что означало продолжение углубленной континентальной интеграции. Примечательно, что этот курс был выбран исключительно под давлением президента США Д. Трампа, который требовал заключения нового соглашения вместо НАФТА, поскольку последнее способствовало дефициту

торгового баланса США и сокращению рабочих мест. Не желая разрушать тесные торгово-экономические связи с США, правительство либералов пошло навстречу требованиям американского президента, организовав с ним ряд встреч в 2017–2018 гг., целью которых была модернизация НАФТА.

В итоге осенью 2018 г. между США, Канадой и Мексикой было заключено новое соглашение о свободной торговле, которое предусматривало следующие важные пункты и, в частности, то, что 75% содержимого автомобиля должно быть произведено в Северной Америке по сравнению с ранними 62,5%; американский бизнес получает доступ на рынок канадских молочных продуктов; работники, собирающие как минимум две пятых автомобилей, идущих на экспорт в рамках беспошлинной торговли в Северной Америке, должны получать оплату минимум 16 долларов США в час и т. д. [Комаров 2019].

Третий важный этап подготовки политических партий Канады к предстоящим парламентским выборам 2019 г. имел место в октябре 2019 г., когда все партии приняли участие в предвыборных дебатах. Особенно интересным были дебаты 7 октября 2019 г., посвященные иммиграции, экономике, внешнеполитическому курсу Канады, по итогам которых очень хорошее впечатление оставили лидер Консервативной партии Э. Шир и премьер-министр Канады Дж. Трюдо [Powers 2019]. Другим участникам, в том числе Новой демократической партии, Партии зеленых, Квебекскому блоку и Народной партии, не удалось переиграть консерваторов и либералов.

Заключение

В итоге прошедшие 21 октября 2019 г. парламентские выборы в Канаде привели к неожиданным результатам, которыми не могут быть довольны как минимум четыре из шести политических партий, участвующих в них.

С одной стороны, парламентские выборы 2019 г. в Канаде подтвердили неизменность механизма функционирования двухпартийной системы на федеральном уровне, когда одна партия находится у власти, а другая – в оппозиции к ней.

С другой стороны, Либеральная партия, которая выиграла парламентские выборы, не довольна их результатом, так как она получила только 33,1% голосов электората и 157 мест в Палате общин, и тем самым, по их итогам, она сформирует только правительство парламентского меньшинства, которое будет отличаться недолговечностью из-за возможного блокирования в парламенте решений либералов со стороны других политических партий. Это состав-

ляет несомненный контраст с итогами парламентских выборов 19 октября 2015 г., когда либералы во главе с Дж. Трюдо приобрели 39,47% голосов избирателей и завоевали абсолютное большинство мест в Палате общин, состоящее из 184 мест. Консерваторам во главе с Э. Широм высказали свое предпочтение 34,4% канадского электората. Кроме того, приобрели 121 место в Палате общин. Тем самым они улучшили свой результат по сравнению с парламентскими выборами 2015 г., когда они завоевали 31,89% голосов канадских избирателей и 99 мест в Палате общин. Но они не выиграли парламентские выборы, на что их лидер и его предвыборный штаб очень рассчитывали. Консерваторы в связи с этим по-прежнему останутся официальной оппозицией ее Величества.

Новая демократическая партия во главе с Д. Сингхом значительно ухудшила свой результат по сравнению с предыдущими парламентскими выборами. Она приобрела только 15,9% голосов избирателей и 24 места в канадском парламенте в сравнении с 19,71% голосов избирателей и полученными 44 местами в парламенте в ходе парламентских выборов 2015 г. Это по-прежнему означает неприемлемость социал-демократической альтернативы для большинства канадского электората.

Партия зеленых во главе с Э. Мей улучшила свой электоральный результат на несколько пунктов и получила на одно место больше в Палате Общин. (6,5% и три места в парламенте в 2019 г. вместо 3,5% и двух мест в 2015 г.).

Квебекский блок (политическая партия, выступающая за суверенитет Квебека) значительно улучшил свой результат (7,7% и 32 места в Палате общин в 2019 г. вместо 4% и 10 мест в палате общин в 2015 г.) В свою очередь, Народная партия получила 1,64% голосов избирателей. Прошедшие парламентские выборы примечательны еще и тем, что, по оценкам канадских экспертов, впервые в канадской политической истории ни одна из политических партий, включая правящую, не получила более 35% голосов избирателей [Secco 2019].

Литература

- Комаров 2010 – *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010.
- Комаров 2014 – *Комаров А.Н.* Канадские консерваторы: от оппозиции к власти: 1990–2010-е годы. М.: РГГУ, 2014.
- Комаров 2015 – *Комаров А.Н.* Идеология и политика канадских консерваторов: Дис. ... д-ра ист. наук [Электронный ресурс]. Российский государственный гуманитарный университет, 2015. URL: <https://dissercat.com/content/>

- ideologiya-i-politika-kanadskikh-konservatorov-1980 (дата обращения 03 ноября 2019).
- Комаров 2018 – *Комаров А.Н.* Канадские социал-демократы: нереализованное стремление к власти // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10(43). С. 300–301.
- Комаров 2019 – *Комаров А.Н.* Канада в геополитических реалиях XXI в.: некоторые поворотные моменты внешнеэкономического курса // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 88–95.
- Немова 2019 – *Немова Л.А.* Экономическая ситуация в Канаде накануне выборов 2019 года // США&Канада: Экономика, политика, культура. 2019. № 9. С. 40–51.
- Kathleen 2019 – *Kathleen W. Bernier Files Complaint to Elections Watchdog Over 'Secret' Campaign to Smear his Party* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbc.ca/news/politics/bernier-files-complaint-kinsella-campaign-1.5327748> (дата обращения 3 ноября 2019).
- Murphy 2019 – *Murphy J.* How damaging is blackface scandal to Trudeau? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-49760160> (дата обращения 3 ноября 2019).
- Pammett, Dornan 2016 – *Pammett J.H., Dornan C.* The Canadian Federal Election of 2015. Toronto: Dundurn Press, 2016.
- Powers 2019 – *Powers L.* Federal party leaders' claims from the English-language debate [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbc.ca/news/politics/leaders-debate-fact-check-1.5312639> (дата обращения 3 ноября 2019).
- Secco 2019 – *Secco L.* Canada elections: Trudeau wins narrow victory to form minority government [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/22/canada-elections-justin-trudeau-wins-narrow-victory-to-form-minority-government> (дата обращения 3 ноября 2019).
- Sheer 2019 – *Sheer A.* I have a vision for Canada where taxes are low, government is limited, opportunity is unlimited, freedom is shared, and people are put before government! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conservative.ca/andrew-scheer> (дата обращения 3 ноября 2019).
- Singh 2019 – *Singh J.* Jagmeet is a lawyer, a human rights activist and the Leader of Canada's New Democratic Party [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ndp.ca/jagmeet> (дата обращения 3 ноября 2019).
- Turnbull 2019 – *Turnbull S.* Coalition isn't a dirty word: Singh [Электронный ресурс]. URL: <https://election.ctvnews.ca/mobile/coalition-isn-t-a-dirty-word-singh-1.4642681> (дата обращения 3 ноября 2019).

References

- Kathleen, W. (2019), *Bernier files complaint to elections Watchdog over 'Secret' campaign to smear his party*, [Online], available at: <https://www.cbc.ca/news/politics/bernier-files-complaint-kinsella-campaign-1.5327748> (Accessed 3 Nov 2019).

- Komarov, A.N. (2010), *Kanadskiy konservatizm v epokhu B. Malruni v 1984–1993 godakh* [Canadian conservatism in the era of B. Mulroney in 1984–1993], Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.
- Komarov, A.N. (2014), *Kanadskie konservatory: ot oppozitsii k vlasti* [The Canadian conservatives: from opposition to power], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Komarov, A.N. (2015), *Ideologiya i politika kanadskikh konservatorov* [Ideology and politics of Canadian conservatives] D.Sc. Thesis, [Online], available at: <https://dissercat.com/content/ideologiya-i-politika-kanadskikh-konservatorov-1980-e-2010-e> (Accessed 3 Nov 2019).
- Komarov, A.N. (2018), "Kanadskie sotsial-demokraty: ne realizovannoye stremleniye k vlasti" [Canadian social democrats: unrealized desire for power], *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 43, no. 10-2, pp. 296–303.
- Komarov, A.N. (2019), "Kanada v geopoliticheskikh realiyakh XXI v.: nekotoryye povorotnyye momenty vneshneekonomicheskogo kursa" [Canada in the geopolitical realities of the 21st century: some turning points of the foreign economic course], *RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 1, pp. 88–95.
- Murphy, J. (2019), *How damaging is blackface scandal to Trudeau?* [Online], available at: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-49760160> (Accessed 3 Nov 2019).
- Nemova, L.A. (2019), "Ekonomicheskaya situatsiya v Kanade nakanune vyborov 2019 goda" [Economic situation in Canada on the eve of the 2019 elections], *USA & Canada: Economy, Politics, Culture*, no. 9, pp. 40–51.
- Pammett, J.H. and Dornan, C. (2016), *The Canadian Federal Election of 2015*, Dundurn Press, Toronto, Canada.
- Powers, L. (2019), *Federal party leaders' claims from the English-language debate*, [Online], available at: <https://www.cbc.ca/news/politics/leaders-debate-fact-check-1.5312639> (Accessed 3 Nov 2019).
- Secco L. (2019), *Canada elections: Trudeau wins narrow victory to form minority government* [Online], available at: URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/22/canada-elections-justin-trudeau-wins-narrow-victory-to-form-minority-government> (Accessed 3 Nov 2019).
- Sheer, A. (2019), *I have a vision for Canada where taxes are low, government is limited, opportunity is unlimited, freedom is shared, and people are put before government!* [Online], available at: <https://www.conservative.ca/andrew-scheer> (Accessed 3 Nov 2019).
- Singh, J. (2019), *Jagmeet is a lawyer, a human rights activist and the Leader of Canada's New Democratic Party*, [Online], available at: <https://www.ndp.ca/jagmeet> (Accessed 3 Nov 2019).
- Turnbull, S. (2019), *'Coalition' isn't a dirty word: Singh*, [Online], available at: <https://election.ctvnews.ca/mobile/coalition-isn-t-a-dirty-word-singh-1.4642681> (Accessed 3 Nov 2019).

Информация об авторе

Андрей Н. Комаров, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; ruslan10@inbox.ru

Information about the author

Andrey N. Komarov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; ruslan10@inbox.ru

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 271.2-788

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-58-72

Онтологические ценностные категории русского иночества в XIV–XV вв.: источниковедческий аспект

Иван О. Мишин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, i.o.mishin@gmail.com*

Аннотация. В статье выявляются онтологические ценностные категории, присутствующие в менталитете русского иночества XIV–XV вв.

Методологически исследование базируется на философской рефлексии о ценностях как средстве осмысления окружающего мира, а также на культурологических исследованиях и концепции Д.С. Лихачева о двойственности мировоззрения средневекового человека. По мнению автора настоящей статьи, примененный исследовательский подход позволяет уточнить проблематику ценностей русского иночества XIV–XV вв. В частности, автор предпринимает попытку пересмотреть конвенциональное мнение, принятое в современной историографии, по вопросу о базовых ценностных категориях монашества в средневековой Руси.

На основе изучения разнообразных письменных памятниках XIV–XV вв., связанных с русской монашеской традицией, установлено, что такие ценностные категории, как «послушание» и «ослушание», лежат в основе дихотомии «добро–зло», выступают первейшими ценностями (как положительными, так и отрицательными) в восприятии средневекового русского инока. Переплетение различных образов, встречающихся в житийной и учительной литературе, раскрывает два ключевых смысла иночества, иноческого подвижничества, которые соединяются в ценности послушания, – служение Богу и спасение души, достижение вечного покоя.

Ключевые слова: ментальность, мировоззрение, иночество, монашество, ценности, русское Предвозрождение

Для цитирования: Мишин И.О. Онтологические ценностные категории русского иночества в XIV–XV вв.: источниковедческий аспект // История и архивы. 2020. № 2. С. 58–72. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-58-72

The ontological axiological categories of the Russian monkhood in the 14th – 15th centuries. Source study aspect

Ivan O. Mishin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
i.o.mishin@gmail.com*

Abstract. The aim of this paper is to determine the axiological categories, that existed in the mentality of the Russian monkhood of the 14th – 15th centuries.

The research is based on the philosophical reflection on values viewed as a means of environment comprehension; the study also rests on cultural studies and Dmitry S. Likhachiev's conception of the world perception duality of a medieval man. The author of the article views that the used research approach allows to clarify the issue pertaining to the values of the Russian monkhood of the 14th – 15th centuries. In particular, the author attempts to revise the conventional opinion, accepted in modern historiography, which concerns the question about the basic axiological categories of the monkhood in medieval Rus'.

The analysis of a broad range of sources of the 14th – 15th centuries, referring to the Russian monastic tradition, revealed that such axiological categories as "obedience" and "disobedience" underlie the dichotomy of "the good and the evil". These categories were respectively considered to be the fundamental virtue and the sin inside the world perception of a Russian medieval monk. The intermingling of various images found in the Russian hagiography and edifying literature explicate the two key meanings of monasticism, monastic asceticism, which are combined within the value of obedience - serving God and saving the soul, achieving eternal rest.

Keywords: mentality, world perception, monasticism, monkhood, values, Russian Pre-Renaissance

For citation: Mishin, I.O. (2020), «The ontological axiological categories of the Russian monkhood in the 14th – 15th centuries. Source study aspect», *History and Archives*, no. 2, pp. 58–72. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-58-72

Введение

Исторически сложилось, что русское монашество представляло собой духовно-нравственный светоч для народа в целом. Особенно это проявилось в XIV–XV вв., когда примерами великого подвижничества Сергия Радонежского, его учеников и собеседников Русь воспрнянула, по выражению церковного историка и мыслителя Г.П. Федотова, от «всеобщего огрубления и одичания», вызванных ордынским разорением [Федотов 1991, с. 247].

Переход от советской действительности к «Новой России» сопровождался и до сих пор сопровождается поиском утраченных нравственных ориентиров, традиционных ценностей российского общества. Неудивительно, что в контексте современных духовных исканий российское общество проявляет отдельный интерес к проблематике ценностей русского иночества XIV–XV вв.

Этот интерес выразился в появлении заметного количества научных публикаций, где рассмотрены иноческие идеалы того времени. При этом можно говорить о конвенциональном мнении среди исследователей, которые выделяют аскетизм (аскезу) как базовую ценностную категорию (универсалию) монашества в средневековой Руси [Бедаев 2017; Моргачева 2011; Петрушко 2007; Ураков 2017; Чадаева 2003]. В ряде работ встречается развитие данного утверждения. В частности, историк Н.В. Сеницына и культуролог Н.Е. Шафажинская полагают, что нестяжание является основным содержательным компонентом аскетического идеала русского иночества [Сеницына 2002; Шафажинская 2010]. Аналогичное мнение встречается у Т.Б. Коваль и О.Г. Садиковой, по мнению которых важность личного нестяжания подчеркивалась эсхатологическим аспектом владения частной собственностью [Коваль 1994; Садикова 2010].

Однако, основываясь на рефлексии философов прошлого и современности, культурологических разысканиях, автор настоящего исследования полагает, что такая общепринятая позиция не вполне верна.

По словам немецкого философа Г. Риккерта, ценность – это «смысл, лежащий над всяким бытием» [Риккерт 1913, с. 46]. Иными словами, сущностные смыслы человеческого бытия выражаются в ценностях [Орлов 1993]. Семиотическое освоение мира, т. е. задача смыслового значения каждой вещи, каждому явлению, каждому феномену, присутствующему в окружающем мире, начинается с конструирования фундаментальных смысловых противопоставлений (дихотомий) [Юрков 2010].

На подобные дихотомии обращал внимание академик Д.С. Лихачев, который утверждал, что в русском средневековом сознании сосуществовали две крайности – мир культуры, организованный, благополучный, и противостоящий ему мир антикультуры, неустойчивый, бедствующий [Лихачев 1984]. Особенно четко такое разделение мироустройства наблюдается в мировоззрении средневекового русского иночества. Граница, отделявшая инока от внешнего мира, проходила не просто в его сознании, а была реальной, физически ощутимой и воплощалась в виде высоких монастырских стен.

Отсюда следует полагать, что через раскрытие смысловых дихотомий, присутствующих в сознании русского инока XIV–XV вв.,

в свою очередь, раскрывается и его система ценностей. Но в историографии не обнаружены сходные или аналогичные исследовательские подходы к проблематике ценностей русского иночества XIV–XV вв. Следовательно, означенная научная проблема требует дальнейшего изучения. Необходимость уточнений внутри проблематики иноческих ценностей в эпоху русского Предвозрождения обуславливает цель настоящего исследования, заключающуюся в выявлении онтологических ценностных категорий, присутствующих в менталитете иночества того времени.

Дихотомия онтологических ценностей

Ключевой дихотомией, которая представляет собой исток как мировоззрения, так и самопонимания каждого человека, выстраивает все его бытие, является противопоставление «добро» и «зло». Для носителя христианской традиции смысловая категория «зло» не просто тождественна понятию «грех». Зло выражается через грех¹. Примечательно, что крупный лингвист-славист М. Фасмер указывал на родственность слова «нагрезить», т. е. «сделать что-то плохое», со словом «грех»². Противоположностью греха является добродетель – буквально «деятельное добро» или «делание добра» [Гусейнов 2018]. Связь добродетели с добром подчеркивали Отцы Церкви, называя ее «навыком к добру», «склонностью к добру»³. Особенно ярко противопоставление добродетели и греха выражено святителем Иоанном Златоустом: «В настоящей жизни нет блага, кроме одной только добродетели... в настоящей жизни нет зла, кроме одной только порочности и лукавства и душевной испорченности»⁴. Соответственно, добродетели и грехи выступают положительными и отрицательными ценностными категориями, через которые происходит осмысление мира.

Можно согласиться с историком А.И. Клибановым, отметившим значимость Покаянных книг для изучения духовной культуры средневековой Руси. Справедливо и его наблюдение о том, что

¹ *Иванов М.С.* Грех // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. Т. 12. С. 330–345.

² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. С.455.

³ *Платон (Игумнов), арх., Фокин А.Р.* Добродетель: Понятие Д. в патристической традиции // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. Т. 15. С. 477–484.

⁴ *Иоанн Златоуст.* Творения Святого Отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. СПб., 1899. Т. 2. Кн. 2. С. 800.

труды ученых были преимущественно сосредоточены на вопросах соотношения Покаянных книг с каноническим правом. Между тем Покаянные книги в некотором смысле, приоткрывают для своего исследователя тайну исповеди, содержа вопросы с перечнем грехов, в которых человеку надлежало каяться. Причем исповедные вопросы чутко реагировали на социальное положение грешника, расширяя круг прегрешений за пределы сферы церковного и религиозного. Например, в перечень грехов «влаstem мирским» вовлекалось то, что оценивалось как политические преступления. Поскольку исповедь предполагает быть тайной, исповедные вопросы могут раскрыть не только сокровенные мотивы грешника, но и понимание греха, отрицательные ценностные категории, присущие той или иной социальной общности [Клибанов 1996].

Особые исповедные вопросы существовали и для монашествующих. Сохранились они, в том числе, и в списках XV в. Поэтому их можно расценивать важнейшим источником для понимания ценностей средневекового русского иночества. Изучение исповедных вопросов для монашествующих выявило наиболее упоминаемые грехи, а значит – и наиболее значимые отрицательные ценностные категории для русского иночества XIV – начала XVI в. В обоих рассмотренных текстах чаще всего упоминается такой порок, как «ослушание»⁵.

В начале уже было отмечено, что ценностные категории представляют собой противопоставление, дихотомию. Это означает, что каждый грех отражается некой добродетелью. Соответственно, способом «от противного» возможно выявить и наиболее значимую ценность для русского иночества XIV – начала XVI в. Очевидно, что «светлой стороной» порока «ослушание» является добродетель «*послушание*». Тем не менее это утверждение требует обоснования.

В поучении XIV в. «О подвизе иночскаго жития» монашеский постриг называется вторым крещением⁶. «Умирая» как мирской человек и «воскрешая» в ангельском чине в ходе торжественного обряда, постригаемый произносил три основополагающих монашеских обета: нестяжания, целомудрия и послушания [Борисов 2004; Романенко 2002]. Причем преподобный Иосиф Волоцкий

⁵ № 2. Мнишское поновление // Алмазов А.И. Тайная исповедь в Православной восточной церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Одесса, 1894. Т. 3. С. 188–189; № 4. Вопрос чернцемъ от игоумена // Там же. С. 190–191.

⁶ № 2. О подвизе иночскаго жития // Материалы для истории русской церкви. Харьков: Университетская типография, 1862. Т. 1. С. 118–119.

ставил послушание превыше всех остальных обетов⁷. С одной стороны, его воззрения можно объяснить тем, что преподобный Иосиф являлся ярким приверженцем и даже символом монастырского общежития (киновии), а киновийное житие, положенное на Руси преподобным Феодосием Печерским и возрожденное преподобным Сергием Радонежским, основывалось на идеалах равенства, трудолюбия, смирения и послушания [Васиховская 2011].

Но с другой стороны, церковный историк и мыслитель Г.П. Федотов заметил, что в сборнике нравственных поучений «Измарагд», являющегося памятником русского «душеполезного» чтения XIV в., добродетель послушания занимает первейшее место в иерархии этических ценностей⁸. [Примечательно, что монашеское мироощущение, по мнению того же историка, «набрасывает тень на светскую этику “Измарагда”»⁹.

Еще в конце XIX в. знаменитый историк В.О. Ключевский высказывал наблюдение о том, что в житийной литературе XV–XVI вв. изображается приближение пустынножителя к иноческому идеалу¹⁰. Действительно, многие исследователи русского монашества обнаруживали в агиографических произведениях примеры великого послушания преподобных Корнилия Комельского, Дионисия Глушицкого, Нила Сорского, Иоасафа Каменского, Иосифа Волоцкого, Афанасия Высоцкого Старшего и других прославленных подвижников земли Русской XV–XVI вв.¹¹ А преподобный Никон Радонежский особо отличался своим «святым послушанием» [Концевич 2009, с. 154]. Но, как сообщает Г.П. Федотов, Житие преподобного Кирилла Белозерского является «первым из сохранившихся русских житий, где подчеркивается значение послушания»¹².

⁷ Смолич И.К. Русское монашество: 988–1917 [Электронный ресурс] // Седмица.RU: Православная энциклопедия. [М.]: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001–2019. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/436420> (дата обращения 09 июня 2019).

⁸ Федотов Г.П. Русская религиозность. Ч. 2: Средние века: XIII–XV вв. // Федотов Г.П. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Мартис, 2004. Т. 11. С. 12–356.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. Кн. 2. 592 с.

¹¹ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви: В 12 т. СПб.: Типография Ю.А. Бокрама, 1870. Т. 6. 383 с. См. также [Концевич 2009; Кудрявцев 1999; Муравьев 2014].

¹² Федотов Г.П. Святые Древней Руси // Федотов Г.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8. С. 123–124.

Таким образом, в восприятии средневекового русского инок послушание выступает первейшей ценностью. В пользу этого заключения говорят как «душеполезные» сборники поучений, где под влиянием монашеского мироощущения добродетель послушания занимает первейшее место в иерархии этических ценностей, так и примеры послушания прославленных подвижников XV – начала XVI в., содержащиеся в житийной литературе.

Добродетель послушания и спасение души

В памятниках письменности ценностная категория «послушание» представлена в образах, для раскрытия которых необходимо кратко рассмотреть смыслы иноческого подвижничества эпохи русского Предвозрождения. В монашеском поучении XIV в. внешний мир – мир вне монастырских стен – преподносится как мир тления, мир страстей, мир греха¹³. Здесь уместно заметить, что ордынское нашествие принесло Руси не только материальное, но и нравственное разорение. Неудивительно, что монастырь, представляющий собой земной образ Небесного града Иерусалима, Царства Небесного, и соответственно иночество воспринимались как ограждение от грешного земного мира. Только в этом укрытии от мирских страстей средневековый человек видел возможность достигнуть вечного, небесного покоя¹⁴.

Отсюда инок стремился к преобразению внутреннего мира. Например, в поучении «О подвиге...» иноческое подвижничество раскрывается именно как преобразование мира внутреннего через основные аскетические практики, называемые «добрыми делами». «Добрые дела» представляются в поучении как ключи к достижению Царства Небесного, и к ним, помимо трудничества и постничества, относится и послушание¹⁵.

Здесь обращает на себя внимание сборник монашеских правил, составленный в конце XIV в. в Высоцком монастыре «при игумене грешном Афанасии», т. е. при ученике Сергия Радонежского, подобном Афанасию Высоцком Старшем [Клосс 2002, с. 63]. Среди прочих поучительных слов, в сборнике обнаруживается выдержка из правил Отца Церкви, святителя Василия Великого: «Аще ли в общем житии живехи, делай беспрестани со многим послу-

¹³ № 2. О подвиге иноческого жития... С. 117–127.

¹⁴ *Ключевский В.О.* Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства // Жизнь и Житие Сергия Радонежского: сборник. М.: Сов. Россия, 1991. С. 259–272. См. также [Романенко 2002; Федотов 1991].

¹⁵ №2. О подвиге иноческого жития... С. 124.

шаньемъ, да небесный житель будеши»¹⁶. Схожий смысл придает послушанию другой великий подвижник XV в., преподобный Евфросин Псковский, называя эту добродетель «второй лестницей на небо», которая даже «выше поста и пустынного подвига»¹⁷.

Также можно привести житийную сцену, когда преподобный Кирилл исполняет послушание в поварне, и «тамо больми въздержашес[я]», он взирает на огонь, горящий в печи, говоря себе: «Терьпи, Кириле, огонь сии, да сим огнем тамошняго възможеши избѣжати»¹⁸. Образ «тамошняго» огня, т. е. вечных мук в преисподней, можно истолковать как последствие неисполнения послушания для души.

Онтологическое значение добродетели послушания для иночества выражается через образы «лестницы на небо» и «тамошняго» огня, уже рассмотренные в настоящем исследовании выше. И если первый образ представляет эту добродетель как важнейшую для достижения вечного покоя, то второй – подчеркивает губительность ее «противника» – греха ослушания. Тем самым смысл послушания напрямую связывается с ключевым смыслом иночества – достижение Горнего мира и вечного покоя.

Послушание как служение Богу

Впрочем, в представлениях средневекового русского инок страшное наказание за ослушание могло воплотиться наяву, а не по смерти. К примеру, в Житии преподобного Дионисия Глушицкого встречается сюжет об некоем монахе, который «от диавола поущен бысть презрѣти» игуменское запрещение держать в кельях какое-либо имущество¹⁹. Когда же, спустя несколько лет, искушенный

¹⁶ Цит. по: Клосс Б.М. Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 65. При воспроизведении древнерусских текстов сохранены буквы «ѣ» и «і», в остальном орфография приближена к современной.

¹⁷ Цит. по: Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. СПб., 1874. Т. 7. С. 62.

¹⁸ Житие пр. Кирилла Белозерскаго // Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания: Биографический и библиографический-литературный очерк. СПб., 1908. С. XI.

¹⁹ Семячко С.А. Житие Дионисия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисиев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели. СПб., 2005. С. 116.

инок преставился, у него нашли десять монет, которые затем преподобный Дионисий Глушицкий повелел во свидетельство покойнику сбросить в могилу, назидая братии: «Чада, послушание смерть наносит. Послушания Богъ хочет, а не жрътвы»²⁰.

Назидание преподобного Дионисия четко истолковывает послушание как грех, т. е. «нарушение норм бытия тварного мира, установленных Богом»²¹. Однако представляется, что смыслы такого толкования следует искать более глубоко, вне границ определения понятия «грех».

Преображаясь в новоначального инока, человек давал обет послушания в первую очередь игумену и только затем – братии. Игумен вопрошал постриженника: «Сохранишь ли себя... в послушании к *настоящему* и братии?» [Романенко 2002, с. 139]. И если будущий инок отвечал со смирением: «Ей, Богу содействующу, честный отче», то он давал обет послушания [Романенко 2002, с. 139]. В этом ритуальном диалоге отражается идеал отношений внутри монастырских стен, который строился на строгом послушании монахов игумену, особенно в киновии [Романенко 2002]. Этот идеал раскрывается в знаменитой «Лествице», написанной преподобным Иоанном Лествичником в VI в.: «Общежитие есть земное небо; итак понудим себя иметь такое сердечное расположение, как служащие Господу Ангелы»²².

Идеал киновийного жития напрямую связан с представлениями иноков о монашеском подвижничестве. Иночество отождествлялось со служением Богу. Например, в одном из абзацев поучения «Кирила Белозерска чудотворца» понятие служения увязывается с цитатой из Евангелия от Иоанна: «Рече Господь: “Аще кто Мнѣ служить, по Мнѣ да ходить. Идѣжѣ есмь Азъ, ту и слуга Моя будет”» (Ин. 12:26)²³. В поучении «О подвизе иночскаго жития» также сказано, что удел инока на земле, как ангела на небесах, «Бога ꙗвити в вѣки»²⁴.

В контексте приведенной метафоры обретают смысл некоторые сцены из повседневности средневекового русского инока. Например, войдя в монастырский храм на богослужение, инок первым делом отдавал три поклона Царским вратам и один – игумену [Рома-

²⁰ Там же. С. 117.

²¹ Иванов М.С. Указ. соч. С. 330–345.

²² *Иоанн Лествичник*. Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. [Сергиев Посад], 1898. С. 47.

²³ *Прохоров Г.М.* Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца» // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 11.

²⁴ № 2. О подвизе иноческого жития... С. 119.

ненко 2002]. Символика этого ритуала созвучна образу монастыря как «земного неба». Инок, будучи образом ангела, воспевающего Бога веки веков, приветствует образы «Царства Божьего» и самого «Царя Славы».

В пользу такого толкования образа настоятеля иноческой обители говорит и другая метафора из «Лествицы». Обращаясь к духовным отцам, т. е. игуменам, преподобный Иоанн Лествичник приводит образ «истинного пастыря», который «может погибших словесных овец взискать и исправить своим незлобием, тщанием и молитвою»²⁵. Под «овцами» этот великий авва подразумевает иноческую братию. В своих аллегориях он представляет монастырь гробом, а его насельников – умершими²⁶. Соответственно игумен отождествляется не просто с «пастырем», а с самим Христом, поскольку здесь идет явная отсылка к Его словам: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10:11). Примечательно, что митрополит Киприан, который в 1387 г. выполнил славянский перевод «Лествицы»²⁷, писал преподобному Афанасию Высоцкому Старшему о том, что инок обязан служить игумену «яко же самому Христу»²⁸.

Важно заметить, что «Лествица», по выражению историка Н.С. Борисова, издревле на Руси была «любимой» книгой для монашествующих [Борисов 2004]. Действительно, в период с XII по XVII в. было создано, по меньшей мере, 295 славянских списков сочинения Иоанна Лествичника. Наиболее же известные списки,

²⁵ *Иоанн Лествичник*. Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица... С. 252.

²⁶ В этой метафоре выражается представление о «смерти» инока как мирского человека: «Место или обитель, в которую ты поступил, да будет тебе гробом прежде гроба» (*Иоанн Лествичник*. С. 49). «Смерть» инока для Града Земного воплощается в одном из ритуалов, который проводится в ходе обряда монашеского пострига. Перед самым входом в церковь будущий инок снимает с себя всю свою мирскую одежду, оставаясь в одном рубище, что символизирует его отречение от мира. Он, словно по смерти, находится между землей и небом, которое олицетворено церковью [Романенко 2002]. Примечательно, что для преподобного Иоанна Лествичника эта «смерть», равно как и воскрешение уже в ангельском чине, свершается после принятия обета послушания: «Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения» (*Иоанн Лествичник*. С. 21).

²⁷ *Дионисий (Шлёнов)*, *Кордошкин А.* Иоанн Лествичник // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. Т. 24. С. 404–431.

²⁸ Цит. по: *Клосс Б.М.* Монашество в эпоху... С. 62.

ходившие по Руси, относятся к XIV–XV вв.²⁹ Это говорит не только о популярности «Лествицы» в эпоху русского Предвозрождения, но и об актуальности образов, представленных в труде преподобного Иоанна, иноческим представлениям того времени.

Все вышеизложенное дает основание полагать, что в представлениях средневекового русского инок игумен являл собой земной образ Христа. Этот образ занимал центральное место в восприятии более крупного, идеального образа монашеского общежития, олицетворявшего монастырь как Град Небесный на земле, а иночество как небесное воинство, ангельский чин. Через такое переплетение метафор раскрывается еще одно значение добродетели послушания. Поскольку игумен воспринимался образом Христа, послушание ему представляло собой служение Богу. Тем самым послушание, как иноческая ценность, соединяется еще с одним сущностным смыслом иночества – служением Богу.

Заключение

Для определения иноческих ценностей были изучены тексты исповедных вопросников для монашествующих по спискам XV в., и в них выявлена наиболее упоминаемая и, соответственно, наиболее значимая отрицательная ценностная категория – «ослушание». Поскольку ценностные категории представляют собой противопоставление, дихотомию, наиболее значимой ценностью для средневекового русского инок выступает добродетель послушания.

Ценности являются истоком смыслового освоения мира и своей самости. Поэтому неудивительно, что дихотомия «послушание–ослушание» раскрывается через некое переплетение различных образов, встречающихся в письменных памятниках, связанных с русской монашеской традицией. Например, если образ «лестницы в небо» у Евфросина Псковского представляет послушание как важнейшую добродетель для достижения вечного покоя, то образ адского огня из Жития Кирилла Белозерского подчеркивает губительность ее «противника» – греха ослушания.

Символическая же система, раскрывающаяся в «Лествице» Иоанна Лествичника, популярной в средневековом русском иночестве, а также символика, выраженная в русской монашеской повседневности XIV–XVI вв., представляет игумена как земной образ Христа. Следовательно, инок, дававший обет послушания, прежде всего игумену, воспринимал саму добродетель послушания через этот образ.

²⁹ Дионисий (Шлёнов), Кордочкин А. Указ. соч. С. 404–431.

Таким образом, в послушании соединяются два ключевых смысла иночества, иноческого подвижничества – служение Богу и спасение души, достижение вечного покоя. Это позволяет считать послушание основополагающей ценностью иноческого бытия, онтологической ценностью для русского инока в XIV – начале XVI в.

Литература

- Бедаев 2017 – *Бедаев А.И.* Идея Святой Руси в русской средневековой культуре: Дис. ... канд. ист. наук. Астрахань: [Астрахан. гос. ун-т], 2017. 186 с.
- Борисов 2004 – *Борисов Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004. 529 с.
- Васиховская 2011 – *Васиховская Н.С.* Феодосий Печерский и Сергей Радонежский – отцы-основатели «Истинного монашества» на Руси // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. Вып. 3. С. 75–79.
- Гусейнов 2018 – *Гусейнов А.А.* Добродетель [Электронный ресурс]. Электронная библиотека Института философии РАН. [М.]: Институт философии Российской Академии наук, 2018. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f00c00fa90b9c532f2ffef?p.s=TextQuery> (дата обращения 29 ноября 2019).
- Клибанов 1996 – *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.
- Клосс 2002 – *Клосс Б.М.* Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России. XI–XX вв.: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 57–80.
- Коваль 1994 – *Коваль Т.Б.* Православная этика труда // Мир России. Социология. Этнология. 1994. Т. 3. № 2. С. 54–96.
- Концевич 2009 – *Концевич И.М.* Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси // Концевич И.М. Стяжание Духа Святого. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 5–248.
- Кудрявцев 1999 – *Кудрявцев М.* История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преподобного Сергия Радонежского: В 2 ч. М.: Крутицкое Патриаршее подворье; О-во любителей церковной истории, 1999. 276 с.
- Лихачев 1984 – *Лихачев Д.С.* Смех как мировоззрение // Смех в Древней Руси. Л.: Наука [Ленингр. отд.-е], 1984. С. 7–71.
- Моргачева 2011 – *Моргачева А.В.* Русская культура: влияние монашества на формирование ее универсалий: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д: [Юж. федер. ун-т], 2011. 179 с.
- Муравьев 2014 – *Муравьев А.Н.* Русская Фиваида на севере // Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. С. 235–595.

- Орлов 1993 – Орлов Б.В., Эйнгорн Н.К. Духовные ценности: проблема отчуждения. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1993. 184 с.
- Петрушко 2007 – Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 356 с.
- Риккерт 1913 – Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии: Непериодическое издание, выходящее под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. Сб. 7. СПб.: Образование, 1913. С. 1–79.
- Романенко 2002 – Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. 329 с.
- Садикова 2010 – Садикова О.Г. Труд и хозяйственно-экономическая деятельность в русском православии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 201–211.
- Синицына 2002 – Синицына Н.В. Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV–XVI вв.) // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 116–149.
- Ураков 2017 – Ураков С.А. Проблема человека в древнерусской литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 167–171.
- Федотов 1991 – Федотов Г.П. Преп. Сергей Радонежский // Жизнь и Житие Сергия Радонежского: Сборник. М.: Сов. Россия, 1991. С. 247–258.
- Чадаева 2003 – Чадаева С.В. Православный монастырь в социальном и историческом контексте духовной культуры России: Дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород: [Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т.], 2003. 200 с.
- Шафажинская 2010 – Шафажинская Н.Е. Русское монашество как историко-культурное явление: Дис. ... д-ра культурологии. М.: [Моск. гос. ун-т культуры и искусств], 2010. 407 с.
- Юрков 2010 – Юрков С.Е. Оформление концептуальности «Другого» в русской ментальности и культуре // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 54–65.

References

- Bedaev, A.I. (2017), *Ideya Svyatoy Rusi v russkoy srednevekovoy kul'ture* [The idea of Holy Rus' in the Russian medieval culture], Ph.D. thesis, History, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.
- Borisov, N.S. (2004), *Povsednevnyaya zhizn' srednevekovoy Rusi nakanune kontsa sveta: Rossiya v 1492 godu ot Rozhdestva Khristova, ili v 7000 godu ot Sotvoreniya mira* [The everyday life of medieval Rus' on the eve of Doomsday. Russia in the year of 1492 AD, or in 7000th year from Creation of the world], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Chadaeva, S.V. (2003), *Pravoslavnyy monastyr' v sotsial'nom i istoricheskom kontekste dukhovnoy kul'tury Rossii* [An orthodox monastery in the social and historical context of the spiritual culture of Russia], Ph.D. thesis, Philosophy, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russia.

- Fedotov, G.P. (1991), "Venerable Sergius of Radonezh", in Kolesov, V.V., Rogozhnikova, T.P. (eds.), *Zhizn' i zhitie Sergiya Radonezhskogo: sbornik* [Life and a hagiography of Sergius of Radonezh: the anthology], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia, pp. 247–258.
- Guseynov, A.A. (2018), *Dobrodetel'* [Online], available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f00c00fa90b9c532f2ffe?p.s=TextQuery> [Accessed 29 Nov. 2019].
- Klibanov, A.I. (1996), *Dukhovnaya kul'tura srednevekovoy Rusi* [The spiritual culture of medieval Rus'], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Kloss, B.M. (2002), "The monkhood in the age of the establishment of the centralized state", in Sinitsyna, N.V. (ed.), *Monashestvo i monastyri v Rossii. XI–XX veka: Istoricheskie ocherki* [The monkhood and monasteries in Russia. The 11th – 20th centuries: Historical essays], Nauka, Moscow, Russia, pp. 57–80.
- Koval', T.B. (1994), "The orthodox ethics of the labour", *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 3, no. 2, pp. 54–96.
- Kontseвич, I.M. (2009), "Attainment of the Holy Spirit in the ways of Ancient Russia in *Styazhanie Dukha Svyatogo*", *Styazhanie Dukha Svyatogo* [The acquisitiveness of Holy Spirit], Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia.
- Kudryavtsev, M. (1999), *Istoriya pravoslavnogo monashestva v Severo-Vostochnoy Rossii so vremen prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo: v 2 chastyakh* [The history of the orthodox monkhood in Northeastern Russia since the time of venerable Sergius of Radonezh: in 2 vols.], Krutitskoe patriarshee podvor'e, Obschestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, Moscow, Russia.
- Likhachev, D.S., Panchenko, A.M., Ponyrko, N.V. (1984), *Smekh v Drevney Rusi* [The laughter in Ancient Rus'], Nauka [Leningradskoe otделение], Leningrad, Russia.
- Morgacheva, A.V. (2011), *Russkaya kul'tura: vliyaniye monashestva na formirovaniye ee universal'nykh kategoriy* [The Russian culture. The influence of the monkhood on the formation of its categories], Ph.D. thesis, Philosophy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.
- Muravyov, A.N. (2014), "Russian Thebaid in the North", in Muravyov, A.N., *Puteshestvie po svyatym mestam russkim* [The trip down Russian holy sites], Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia.
- Orlov, B.V. and Eyngorn, N.K. (1993), *Dukhovnye tsennosti: problema otchuzhdeniya* [Spiritual values. An issue of the alienation], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia.
- Petrushko, V.I. (2007), *Istoriya Russkoy Tserkvi s drevneyshikh vremen do ustanovleniya patriarshestva: ucheb. posobie* [The history of the Russian Church since ancient times until the establishment of the Patriarchate. Textbook], Izdatel'stvo PSTGU, Moscow, Russia.
- Rickert, H. (1913), "The two paths of epistemology", in Losskii, N.O. and Radlov, E.L., eds., *Novye idei v filosofii: Neperiodicheskoe izdanie, vykhodyashee pod redaktsiei N.O. Losskogo i E.L. Radlova. Sb. 7* [New ideas in philosophy: The non-periodical publication, anthology 7], Izdatel'stvo "Obrazovanie", Saint Petersburg, Russia, pp. 1–79.
- Romanenko, E.V. (2002), *Povsednevnyaya zhizn' russkogo srednevekovogo monastyrya* [The everyday life of a Russian medieval monastery], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

- Sadikova, O.G. (2010), "Labour and economic activity in Russian orthodoxy", *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law], vol. 11, no. 2 (73), pp. 201–211.
- Shafazhinskaya, N.E. (2010), *Russkoe monashestvo kak istoriko-kul'turnoe yavlenie* [The Russian monkhood as the historical and cultural phenomenon], D. Sc. thesis, Cultural studies, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russia.
- Sinityna, N.V. (2002), "Types of monasteries and the Russian ascetical ideal (the 15th – 16th centuries)", in Sinityna, N.V. (ed.), *Monashestvo i monastyri v Rossii. XI–XX veka: Istoricheskie ocherki* [The monkhood and monasteries in Russia. The 11th – 20th centuries: Historical essays], Nauka, Moscow, Russia, pp. 116–149.
- Urakov, S.A. (2017), "The human problem in the Old Russian literature", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political, and law sciences, cultural and art studies. Issues of Theory and Practice], no. 5 (79), pp. 167–171.
- Vasikhovskaya, N.S. (2011), "Theodosius of Pechera and Sergey of Radonezh – the Founding Fathers of the "True Monkhood" in Russia", *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], no. 3, pp. 75–79.
- Yurkov, S.E. (2010), "The formation of conceptualization about «Another» in Russian mentality and culture", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. Humanities], no. 2, pp. 54–65.

Информация об авторе

Иван О. Мишин – соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6;

Государственный архив РФ, Москва, Россия; Россия, 119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: i.o.mishin@gmail.com

Information about the author

Ivan O. Mishin, degree seeking applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993;

State Archives of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 17, Bolshaya Pirogovskaya St., Moscow, Russia, 119435;

Higher School of Economics – National Research University, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000; e-mail: i.o.mishin@gmail.com

«Худшей вещью
была бы попытка завоевать Россию
посредством поляков»:
враждебность Польши к России
на исходе Гражданской войны в отражении
“Documents on British Foreign Policy, 1919–1939”

Сергей В. Карпенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, skarpenk@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрываются содержание и значимость документов, опубликованных в многотомном британском издании “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”, выпущенном в свет после Второй мировой войны британским Министерством иностранных дел. Эти документы отражают все многообразие и всю сложность международных отношений в период между двумя мировыми войнами. Для обзора автор выбрал документы Парижской мирной конференции и других конференций ведущих держав Антанты, в которых отражена враждебность Польши по отношению к Советской России в 1919–1920 гг. Также в них отражены во взаимосвязи между собой различные факторы, которые питали эту враждебность и в конце концов привели Польшу к агрессии против Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской России. Эти же документы, как показано в статье, раскрывают различные и изменчивые подходы правящих кругов Великобритании, Франции и Италии к решению «русского вопроса», а также к использованию Польши как средства «контролировать» большевистскую Россию и «сдерживать» побежденную Германию. Очевидная ценность этих документов, по заключению автора, требует серьезного археографического и источниковедческого изучения многотомного издания “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”. И это, несомненно, окажет положительное влияние на дальнейшее изучение взаимоотношений России и Польши в период Гражданской войны в России.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Антанта, Парижская мирная конференция, Польша, международные отношения, дипломатия, военное снабжение, русофобство, археография

Для цитирования: Карпенко С.В. «Худшей вещью была бы попытка завоевать Россию посредством поляков»: враждебность Польши к России на исходе Гражданской войны в отражении “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939” // История и архивы. 2020. № 2. С. 73–102. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-73-102

“The worst thing would be
an attempt to conquer Russia
by means of Poles”.
Poland’s hostility to Russia
at the end of the Russian Civil war
as reflected in the “Documents
on British Foreign Policy, 1919–1939”

Sergey V. Karpenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, skarpenk@mail.ru*

Abstract. The article covers the content and significance of the documents published in the British multi-volume edition entitled “Documents on British Foreign Policy, 1919– 1939. First Series”, which was released by the Foreign Office after World War II. Those documents reflect all the variety and complexity of international relations in the period between the two world wars. For survey, the author selected the documents of the Paris Peace Conference and of some other summits convened by the Entente’s leading nations – the documents that manifest Poland’s hostility to Soviet Russia in 1919–1920. The documents also reflect a number of interrelated factors accounting for that hostility and, finally, Poland’s aggression against Soviet Ukraine, Soviet Byelorussia and Soviet Russia. The same documents, as shown in the article, reveal the varied and variable approaches of the ruling circles in Great Britain, France and Italy to the resolution of the “the Russian issue” as well as to using Poland as a means of “controlling” the Bolshevik Russia and the “containment” of the defeated Germany. The apparent value of the documents in question, as the author concludes, requires a solid archaeographical and source study of the multi-volume edition of the “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”. This is bound to benefit the ongoing research of the relations between Russia and Poland during the Russian Civil War.

Keywords: Russian Civil war, White Movement, Entente, Paris Peace Conference, Poland, international relations, diplomacy, military supplies, Russophobia, archaeography

For citation: Karpenko, S.V. (2020), “‘The worst thing would be an attempt to conquer Russia by means of Poles’. Poland’s hostility to Russia at the end of the Russian Civil war as reflected in the ‘Documents on British Foreign Policy, 1919–1939’”, *History and Archives*, no. 2, pp. 73–102. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-73-102

Введение

Чтобы разобраться в событиях Гражданской войны в России – точнее, в том, что В.П. Булдаков назвал «многообразием хаотично взаимосвязанных событий», – важно не упустить ни одного явления, ни одного процесса, ни одного фактора, определявшего «текущие успехи и неудачи» [Булдаков 2019, с. 127, 128] противников. Даже если речь идет о чем-то весьма отдаленном от правительственных кабинетов (большевиков и их противников всех мастей), военных штабов (красных, белых и «зеленых») и линий фронтов, постоянно и раздольно перемещавшихся по телу России и раздражавших его до глубоких рваных ран и обильной крови.

Одним из подобных факторов, который сюжетно развивался в залах заседаний Парижской мирной конференции и последующих конференций Верховного совета Антанты, является борьба победителей в Первой мировой войне за послевоенное переустройство мира. А одним из стержневых вопросов этого самонадеянного и близорукого переустройства был «русский вопрос» [Штейн 1949, с. 5–10]. «Версальские победители», считавшие себя непобедимыми, стремились решить его как можно дешевле, но надежнее, причем таким образом, чтобы Россия никогда больше – независимо от того, кто «воцарится» в Москве, – не возродилась как великая держава.

Их колебания между дешевизной и надежностью неизбежно диктовали им необходимость заботливого взращивания и широкого использования враждебности к Советской России, Советской Украине и Советской Белоруссии со стороны их соседей, совсем недавно отколовшихся от Российской империи и обретших государственную самостоятельность. Прежде всего – Польши, быстро растущая и крепнущая армия которой стояла на самом коротком, «наполеоновском», пути к Москве.

Особая трудность изучения этого сюжета – роль Польши как инструмента решения «русского вопроса» – для советских и российских историков состояла и состоит в малой доступности архивных источников. Документальные публикации на иностранных языках содержат большой объем ценных сведений, но в работе с этим источником есть свои, особые, сложности.

Одной из таких публикаций является 27-томник “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”, выпускавшийся британским Министерством иностранных дел с 1947 по 1986 г. В частности, в него вошли отобранные и тщательно отредактированные протоколы заседаний и другие, относящиеся к обсуждаемым вопросам, документы Парижской мирной конференции и последующих конференций Верховного совета Антанты за 1919–1922 гг.

Первым историком, использовавшим эту чрезвычайно информативную и интересную, но крайне трудную для анализа документальную публикацию, был Борис Ефимович Штейн (1892–1961). Карьерный «чичеринский» дипломат, член делегации СССР в Лиге Наций, в годы Второй мировой войны и позже он трудился на научно-педагогическом поприще, стал доктором исторических наук, арестовывался в ходе «борьбы с космополитизмом».

В 1949 г. Госполитиздат выпустил его монографию «“Русский вопрос” на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.)» [Штейн 1949]. Очень подробно и профессионально с точки зрения международных отношений и дипломатической практики он раскрыл рассмотрение «русского вопроса» в контексте различных аспектов деятельности Парижской мирной конференции, включая политику держав Антанты по отношению к Польше.

В качестве основного документального источника Б.Е. Штейн использовал американское многотомное издание “Papers Relating to the Foreign Relations of the United States”, во многом аналогичное британскому “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”, которое было использовано им в значительно меньшей степени. При этом во введении к монографии он, вопреки научной традиции, ни словом не охарактеризовал эти документальные публикации как исторические источники.

Важная особенность использования Б.Е. Штейном дипломатических документов Антанты состоит в их обстоятельном пересказе, но не цитировании, что – и это вполне понятно – облегчало ему интерпретацию их содержания в соответствии с идеологическими установками «послевоенного сталинизма». Но все же обильное цитирование В.И. Ленина и И.В. Сталина, как и идеологическая составляющая монографии в целом, не сильно снижают ее научный уровень в сегодняшней историографической ситуации.

В 1958 г. Политиздат выпустил в свет вторую монографию Б.Е. Штейна о «русском вопросе» в политике держав Антанты, охватывающую 1920 и 1921 гг. [Штейн 1958]. В ней он в незначительной мере использовал американское издание дипломатических документов и совершенно не использовал британское.

В настоящей статье освещается содержательная сторона документов Парижской мирной конференции и последующих конфе-

рений Верховного совета Антанты, в которых отразилось обсуждение «русского вопроса» руководителями ведущих держав Антанты в неразрывной взаимосвязи с Польшей и ее собственной политикой в «русском вопросе», проводимой ею в 1919–1920 гг.

*«Заколдованный круг» материальной помощи
Антанты армии Деникина
и антироссийская инициатива Польши*

Масштабы и условия получения Вооруженными силами на юге России (ВСЮР) под главным командованием генерала А.И. Деникина финансовой и материальной помощи от стран Антанты определялись многими факторами. Одним из решающих факторов были взаимоотношения между членами Антанты в целом и единство в «русском вопросе» в частности. Начало 1919 г. стало переломным как в политике союзников в «русском вопросе», так и в ее восприятии командованием ВСЮР. Политика Антанты стала, по выражению Деникина, «непонятной, извилистой и гибельной» для антибольшевистских сил¹.

Начав снабжение ВСЮР в феврале 1919 г. и даже не поднимая вопроса о его оплате или компенсациях, военные и дипломатические представители Великобритании в то же время никогда не давали генералу Деникину заверений, а тем более не брали на себя четких обязательств, что материальная помощь будет безграничной как по продолжительности, так и в количественном отношении. Напротив, они постоянно подчеркивали ограниченность своих возможностей. Прежде всего по той причине, что британская экономика значительно пострадала от мировой войны, и лишь победная эйфория, владеющая населением, помогала пока удерживать социальную напряженность в каких-то рамках и не допустить серьезных выступлений рабочих против вмешательства в дела России [Карпенко 2009, с. 198, 199, 201, 202].

Немалые надежды на увеличение материальной помощи главнокомандующий генерал Деникин и все командование ВСЮР связывало с признанием союзниками верховной всероссийской власти адмирала А.В. Колчака. В мае–июне, казалось, это признание уже близко. Однако никакого заявления относительно фактического признания Омского правительства как общероссийского из Лондона и Парижа не последовало². 16 июня Ч. Элиот, глава британской

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 5 т. Берлин, 1925. Т. 4 С. 242.

² Documents on British Foreign Policy, 1919–1939: First Series. Vol. III: 1919. L., 1949. P. 376, 377.

дипломатической миссии при Омском правительстве, сообщил в Лондон министру иностранных дел Дж. Керзону, что адмирал Колчак и члены его правительства очень разочарованы тем, что не получили от Антанты определенного и ясного заявления о признании. При этом он сообщал о беспокойстве, которое испытывали в Омске по поводу оказания союзниками материальной помощи в связи с высокой вероятностью зимней кампании 1919/20 г. Самыми острыми вопросами являлись: будет ли продолжаться снабжение снаряжением и амуницией? можно ли будет получить кредиты или союзники, как обычно, будут требоваться платить за снабжение наличными? получит ли Россия заем от держав Антанты?³.

В ответ Керзон послал 21 июня телеграмму Элиоту в Омск, в которой разъяснил основы британской политики в отношении антибольшевистских сил, включая армию Деникина. Главное состояло в указании на то, что часть населения Великобритании, «с большим основанием для подозрений», считает, что союзники поддерживают «чрезвычайно реакционные элементы» в России. И каждый акт Колчака, Деникина или их представителей, ведущий к укреплению этого взгляда, используется как аргумент, чтобы помешать оказывать их армиям материальную помощь⁴.

Генерал Деникин воспринял такую позицию Великобритании и всей Антанты как «остановку на полпути». Главную ее причину он видел в ином: ведущие державы Антанты, прежде всего Великобритания, действовали в соответствии со своими корыстными интересами, а потому не хотели в широком масштабе материально поддерживать Белое движение, пока оно не добьется решающих успехов и пока победа над большевиками не станет очевидной. «Все дело было в наглядном проявлении нашей силы, – заключал Деникин. – Но успех наш зависел во многом от широкой помощи союзников, а помощь их ставилась в зависимость от нашего успеха. Получался заколдованный круг»⁵.

После того как поражение армий Колчака на Восточном фронте Гражданской войны стало очевидным, 21 августа Керзон направил пространное письмо находившемуся в Париже на Мирной конференции британскому министру иностранных дел А. Бальфуру (Керзон совместно с ним занимал эту должность), в котором обосновывалось решение британского правительства о сосредоточении всей материальной помощи на армии Деникина.

В письме, в частности, отмечалось, что армия Деникина находится на юге России в более выигрышном положении по сравне-

³ Ibid. P. 393.

⁴ Ibid. P. 393, 394.

⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. 5. С. 100.

нию с другими антибольшевистскими армиями на других фронтах. Несмотря на то что весной ему пришлось отступить под натиском советских войск, в течение лета он имел успех в отношении противостоящих ему советских армий и теперь глубоко продвинулся вглубь России. Согласно полученным докладам, его наступление приветствуется населением занятой территории, и потому есть хорошие основания полагать, что снабжение Деникина позволит ему, с одной стороны, облегчить положение армии Колчака на сибирском фронте, с другой – отбросить советские войска к Москве. Далее приводились цифры расходов, понесенных британской казной в ходе интервенции в Россию и поддержки антибольшевистских сил (около 94 млн ф. ст.), и утверждалось, что Великобритания в значительной степени исчерпала свои возможности поддерживать антибольшевистские силы.

В заключение высказывалась та точка зрения, что союзные державы должны рассмотреть вопрос о дальнейшей военной, материальной и финансовой помощи антибольшевистским силам в России и распределить между собой все финансовые затраты и сферы действий. Этот вопрос предлагалось обсудить на ближайшем заседании глав делегаций на Парижской мирной конференции⁶.

Впервые на заседании Верховного совета Антанты тему снабжения армии Деникина предложил для обмена мнениями британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж 15 сентября 1919 г. По ходу дискуссии он неожиданно для всех заявил, что хотел бы обсудить «русский вопрос». Прежде всего – предложение, сделанное ему премьер-министром и министром иностранных дел Польши И. Падеревским, известным пианистом и композитором.

Поступившее из Варшавы предложение заключалось в следующем: в Польше сформирована армия в 500 тыс. человек для похода на Москву, и если союзники пожелают, чтобы поляки начали наступление на Москву, он, Падеревский, готов это сделать, но это будет стоить как минимум 600 тыс. ф. ст. в день. Уточнив, что в действительности (видимо, если считать не по-польски, а по-английски) это будет стоить 1 млн ф. ст. в день, Ллойд Джордж обратился к участникам заседания с вопросом: «Кто будет готов заплатить за это?» И тут же напомнил, что «Деникин имеет еще 500 тыс.», и эта армия, уже воюющая с большевиками, тоже должна кем-то оплачиваться⁷.

Председатель Совета министров Франции Ж. Клемансо заявил, что у Франции нет денег для оплаты войны Польши против России.

⁶ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Vol. III. P. 522, 525, 526.

⁷ Ibid. Vol. I: 1919. L., 1947. P. 689.

И заметил многозначительно: «Худшей вещью была бы попытка завоевать Россию посредством поляков», ибо это «объединило бы всю Россию против них». Можно предположить, что французский премьер-министр имел в виду, что «объединило бы всю Россию» скорее вокруг Ленина и Троцкого, правивших Россией из Москвы, чем вокруг Колчака и Деникина. И также можно предположить, что присутствующие именно так и поняли его. В ту эпоху политики хорошо знали историю и умели извлекать из нее уроки.

Следом за Клемансо премьер-министр Италии Т. Титтони и исполняющий обязанности государственного секретаря США, глава делегации США на Парижской мирной конференции Ф. Полк дали ясно понять, что и у их стран нет денег, чтобы заплатить польской армии за поход на Москву⁸.

В итоге польская инициатива (по крайней мере, если воспринимать текст протокола заседания чисто внешне, буквально) осталась проигнорированной как заведомая авантюра в обычном шляхетском духе [Карпенко 2009, с. 204, 205]. Проигнорированной, но, разумеется, не забытой.

В октябре, в период наибольших успехов ВСЮР (занятие, по выражению британского военного министра У. Черчилля, «хлебных и угольных центров России»), британское правительство все менее склонно было координировать свою политику в «русском вопросе» с союзниками, прежде всего с Францией.

Так, на проекте меморандума об основах этой политики, который предлагалось отправить союзникам и в котором говорилось о «желательности» обсуждения на Парижской мирной конференции касавшихся России вопросов, прежде всего вопроса об оказании каждым государством конкретной помощи антибольшевистским силам в России, Керзон наложил выразительную резолюцию: «Нет возражения против отправки меморандума. Но если кто-нибудь достаточно оптимистичен, что верит, будто умирающая конференция в своей смертельной агонии способна выработать русскую политику, я не тот человек. Я считаю гораздо более выгодным сформулировать и проводить нашу собственную русскую политику в доступных нам границах (финансовых, политических и географических) и информировать Париж, когда мы уже сделаем это»⁹.

Однако с конца октября в Лондон начали поступать сообщения о поражениях армии Деникина и ее отступлении от Москвы. Это стало для правительства Ллойд Джорджа большой и крайне неприятной неожиданностью. 17 ноября, выступая в Палате общин при обсуждении «русского вопроса», Ллойд Джордж констатировал,

⁸ Ibid. P. 694.

⁹ Ibid. Vol. III. P. 592.

что «всякий раз, когда антибольшевистские войска в своем наступлении доходили до известной линии, их наступление терпело крушение». И заявил, вызвав общее одобрение: «Англия не может взять на себя бесконечное финансирование гражданской войны в России. Прежде всего мы должны позаботиться о нашей стране... Я боюсь авантур в странах, условия которых нам неизвестны и где все завоевания всегда кончались катастрофой». И тем более, отметил он, материальная помощь является делом спорным, когда «единая неделимая Россия», за восстановление которой воюют Колчак и Деникин, представляет собой «самую грозную опасность» для Великобритании. Вывод его был окончателен и оспариванию не подлежал: «Большевизм не может быть побежден оружием, и нам нужно прибегнуть к другим способам, чтобы восстановить мир и изменить систему управления в несчастной России»¹⁰.

*«Новая политика» Антанты в «русском вопросе»
и ставка на Польшу как «барьер» против России
и средство «сдерживания» Германии*

С 11 декабря 1919 г. по 21 января 1920 г. в Лондоне и Париже состоялись последние встречи премьер-министров и министров иностранных дел Великобритании, Франции, США, Италии и Японии, а также экспертов делегаций этих стран в рамках Парижской мирной конференции. После подписания мирных договоров с Германией и Австрией лидеры ведущих держав Антанты на своих заседаниях стали больше времени уделять «русскому вопросу», острота, сложность и цена которого, кажется, только теперь стала осознаваться ими в полной мере.

На первом же заседании – 11 декабря – был поднят вопрос о положении в России. В ходе обмена мнениями Клемансо предложил «уйти из России», не тратить больше денег на поддержку воюющих антибольшевистских армий, но «присматривать» за антибольшевистскими государственными образованиями, «окружая их, как и прежде, ограждением из колючей проволоки», и подождать, как сложится их дальнейшая судьба. Ллойд Джордж и Керзон – внешне по крайней мере – с ним согласились¹¹.

12 декабря обсуждение «русского вопроса» возобновилось. Клемансо заявил, что рано утром его посетил военный министр Черчилль, известный своими «очень твердыми взглядами на вопрос России». Присутствующим эта «твердость», т. е. решимость

¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 171, 179.

¹¹ Documents... Vol. II: 1919. L., 1948. P. 735, 736.

и дальше тратить британские деньги на поддержку армии Деникина, была хорошо известна, особенно Ллойд Джорджу.

Из дальнейших слов Клемансо выяснилось, что они с военным министром Великобритании согласились почти по каждому пункту.

Первый: не может быть мира в Европе до тех пор, пока Россия остается в своем нынешнем состоянии «анархии, беспорядка, грабежа, преступлений и бунта», ибо это – «опасность не только для самой России, но и для всего мира в целом».

Второй: интервенция была испробована всеми средствами – людьми, снабжением и деньгами, – но результат не достигнут, ибо противники большевиков внутри России доказали свою «недееспособность».

Третий: после поражения и отступления Колчака, которому была оказана большая материальная помощь, союзники поверили в Деникина, и большие усилия по его поддержке были сделаны Великобританией и, в некоторой степени, также Францией, однако и Деникин сейчас отступает.

Из всего этого был сделан вывод: кажется бесполезным продолжать эти линии и необходимо соорудить «ограждение из колючей проволоки» вокруг большевистской России, чтобы не дать Германии вступить с ней в отношения политического или военного характера.

В итоге Клемансо заявил, что отказывается от всех идей дальнейшей интервенции в Россию, ибо все усилия в этом направлении окажутся «расточительными в будущем, как были в прошлом», и только ведут людей к убеждению, что союзники желают «воскресить старый режим в России», а главное теперь – укреплять Польшу, чтобы посредством ее «контролировать» Россию и «сдерживать» Германию¹².

Вслед за Клемансо слово взял Ллойд Джордж. Он сообщил присутствующим, что Великобритания потратила в России около 100 млн ф. ст., частично на Архангельскую экспедицию, но большей частью на поддержку Деникина. Эта сумма включает последний «пакет» в 15 и 16 млн ф. ст., которые будут переданы к концу марта. Взамен же Великобритания «не получила много». Поскольку армия Деникина отступает, Палата общин «обеспокоена». По его мнению, Великобритания и Франция «не готовы продолжать помощь материального характера» антибольшевистским силам¹³. Таким образом, в отличие от Клемансо, который не стал громогласно, для протокола, называть очень скромные цифры финансовых затрат на оказание помощи антибольшевикам в России, Ллойд Джордж назвал цифру в 100 млн ф. ст.

¹² Ibid. P. 744, 745.

¹³ Ibid. P. 745.

Итог обсуждению и всем предложениям подвел Керзон, сформулировав его в следующих положениях: окружить Россию «ограждением из колючей проволоки», внутрь которого союзники проникать не будут, положить конец снабжению антибольшевистских вооруженных сил и использовать Польшу одновременно как «барьер» против России и как «средство контроля» за Германией. Однако он тут же оговорился, что «союзники не могут точно нарисовать линию, когда начнется новая политика», помощь Деникину будет послана на всю выделенную сумму, на что требуется время, и вообще «эта новая политика не будет принята со слишком большой точностью, и определенная свобода действий будет разрешена»¹⁴.

На заседании 13 декабря Ллойд Джордж предложил проект решения конференции, согласованный между ним и Клемансо. Политика Антанты в «русском вопросе» была сведена к трем пунктам.

Первый: не давать «антибольшевистским элементам» в дальнейшем каких-либо обязательств сверх того, что уже было обещано в качестве предоставляемой помощи, в форме ли войск, военных материалов и финансовой помощи, но оставить им свободу покупать военные материалы в союзных странах за собственные средства.

Второй: каждая союзная держава свободна решать, оставлять ли в России политические и другие миссии, которые прикомандированы к «антибольшевистским элементам» или отправка которых, возможно, уже решена.

Третий: покидать Россию, выходя за «кольцо ограждения из колючей проволоки».

При обсуждении этого проекта представители Италии, США и Японии с ним в целом согласились¹⁵.

Принятие согласованного итогового документа, однако, не скрыло существенных разногласий между Великобританией и Францией.

Во-первых, разногласия касались вопроса о сохранении единства России. Правительство Великобритании намеревалось выстроить «ограждение из колючей проволоки» вокруг большевистской России из государств, образовавшихся на национальных окраинах, а также Румынии и территории, еще занимаемой ВСЮР. Что же касается Клемансо, то он счел необходимым особо подчеркнуть, что союзники не должны расчленять Россию.

Во-вторых, в отличие от Великобритании Франция проявила подчеркнутое равнодушие к судьбе армии Деникина, предпочитая,

¹⁴ Ibid. P. 746, 747.

¹⁵ Ibid. P. 764, 765.

вероятно, чтобы Великобритания и далее, до самого конца, оставалась главной материальной и военной опорой ВСЮР. Представители же Великобритании, особенно Керзон и Черчилль, постоянно подчеркивали свою заинтересованность в продолжении еще какое-то время помощи Деникину, надеясь, что территория ВСЮР станет одним из элементов того самого «ограждения из колючей проволоки», особенно ценного тем, что ВСЮР смогут прикрыть Закавказье от вторжения большевиков.

Похоже, именно тогда, в декабре 1919 г., в восприятии военно-политического руководства держав Антанты «русский вопрос» прочно связался с «германским вопросом». И возможный союз побежденной, униженной и ограбленной Германии с большевистской Россией стал самым страшным сном правящих кругов в Лондоне и Париже. А это дало правителям в Варшаве, как они сами посчитали, исторический шанс вернуться в разряд ведущих государств Европы путем возрождения «Великой Польши от моря до моря» (т. е. от Балтийского до Черного моря, побережья которых были некогда границами Речи Посполитой).

*«Безнадежное положение» закавказских государств
и поражение армии Деникина как побудительные факторы
«смертельного риска» Польши*

Тем временем, чтобы упрочить положение ВСЮР на территориях юга России, которые они еще удерживали (особенно в Крыму, который британцы рассчитывали превратить во «второй Гибралтар»), Керзон вознамерился добиться от генерала Деникина отказа от восстановления «единой и неделимой России», в частности нормализовать отношения с Польшей, сделав заявление о признании ее прав на Восточную Галицию, которая была передана ей решением Парижской мирной конференции. Тогда, по расчетам Керзона, Деникину было бы легче установить хорошие отношения с Варшавой, а там открылась бы возможность получения от поляков военной и материальной помощи¹⁶.

К Деникину была направлена миссия во главе с членом парламента Х. Мэкиндером в качестве специального комиссара на юге России. Снабженный подробной инструкцией от Керзона, он прибыл в январе 1920 г. в Ставку главнокомандующего ВСЮР. С самим Деникиным ему повидаться не удалось: тот находился на фронте. Тем не менее в ходе встречи с членами правительства при главнокомандующем ВСЮР, он, как ему самому показалось,

¹⁶ Ibid. Vol. III. P. 673–676.

сумел убедить их в неизбежности и благотворности мер, предлагаемых Керзоном¹⁷.

В итоге правительство при главнокомандующем ВСЮР согласилось, в частности, признать решение Парижской мирной конференции о передаче Польше Восточной Галиции, однако при условии немедленного перехода польской армии в «широкое наступление» на Москву. Но генерал Деникин, утверждая постановление своего правительства, часть, касавшуюся Польши, переиначил: он решил ограничиться заявлением, что граница между Россией и Польшей будет установлена на этнографической основе после разгрома большевиков.

Мэкиндер, совершенно не удовлетворенный такой позицией Деникина, перед отъездом обратно в Лондон пообещал вернуться и устроить встречу Деникина с Ю. Пилсудским¹⁸. Встреча эта так и не состоялась.

Между тем 10 января 1920 г. в Париже на очередном заседании Верховного совета Антанты Ллойд Джордж поднял вопрос о ситуации на Кавказе. Он заявил, что с Кавказа получены очень тревожные вести: большевики продвигаются к Каспийскому морю и если, совершенно разбив армию Деникина, они достигнут моря и возникнет возможность соединения с ними турок, это поставит кавказские государства в «безнадежное положение». И предложил Верховному совету принять решение поддержать эти государства посылкой им оружия и амуниции, чтобы они могли остановить продвижение Красной армии.

Клемансо, взяв слово, не стал подчеркивать своего беспокойства по поводу ситуации на Кавказе, тем самым показывая, что касается она прежде всего Великобритании, поскольку затрагивает именно ее интересы. Он предложил британской делегации подготовить проект меморандума от Совета глав государств Военному совету в Версале. Это предложение и было принято¹⁹.

В тот же день на совещании министров иностранных дел его участники поддержали предложение Керзона признать правительства Грузии и Азербайджана де-факто в целях оказания им политического содействия и облегчения снабжения²⁰.

12 января ситуацию на Кавказе обсудил Межсоюзный военный комитет.

Судя по военной четкости формулировок и категоричности выводов документа, ставшего итогом этого обсуждения и передан-

¹⁷ Ibid. P. 790–792.

¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 305, 306.

¹⁹ Documents... Vol. II: 1919. P. 725.

²⁰ Ibid. P. 796, 797.

ного в Верховный совет, верховное командование Антанты, прежде всего французский маршал Ф. Фош и британский фельдмаршал Г. Уилсон, считало поражение ВСЮР свершившимся, а военную ситуацию, с точки зрения борьбы за центр России, – необратимой. Главная идея документа состояла в том, что «невозможно свергнуть большевизм на его собственной земле», но возможно предотвратить его распространение по определенным опасным направлениям, одним из которых является Кавказ. Ввиду нестабильного положения закавказских правительств и недоразвитого состояния их вооруженных сил антибольшевистский «барьер» может быть в первую очередь организован из двух европейских дивизий. Со временем эти две дивизии могли бы быть сменены местными вооруженными силами, которые требуется как можно скорее реорганизовать и снабдить всем необходимым. При чем организация «барьера», сверх финансовых и материальных расходов, требовала по меньшей мере трех месяцев.

И именно в связи с этим сроком верховное командование делало ставку на использование ВСЮР: «Элементы армий генерала Деникина... несмотря на их неудачи, составляют единственную силу в этих регионах, которая имеет военную ценность, могут благоприятно продолжать борьбу с целью недопущения приближения большевиков к Кавказу и предоставления необходимого времени для организации оборонительного “барьера”». Вывод был сделан в «лучшей» англо-саксонской традиции, столь же трезвый и расчетливый, сколь и циничный: «Не имея возможности предвидеть период времени, в течение которого их сопротивление будет эффективным, – возможно, недолгий период, – необходимо рекомендовать продолжать оказывать им материальное содействие в сфере их возможных действий»²¹.

14 января главы правительственных делегаций Великобритании, Франции и Италии – Ллойд Джордж, Клемансо и Нитти – обсудили торговую политику в отношении России, для чего специально были приглашены эксперты по международной торговле. В основу обсуждения был положен британский меморандум о восстановлении торговли с Россией. Этот меморандум, названный «Экономические аспекты британской политики в России», был подготовлен 6 января Э. Уайзом, представителем Великобритании в Верховном экономическом совете, и 7 января был представлен Керзоном британскому правительству.

Прежде всего в нем приводились внушительные данные об объемах экспорта из России в европейские страны перед мировой войной различных видов продовольствия, сырья и топлива, которые

²¹ Ibid. P. 925, 926.

показывали, сколь велика роль России в европейской экономике. Причем на Германию приходилось 30 % всего российского экспорта, на Великобританию – 21 %, на Францию и Италию вместе – 10%. Далее приводились данные из британских источников, согласно которым с территории, осенью 1919 г. занимавшейся ВСЮР, можно было экспортировать от 1 до 4 млн тонн зерна, и аналогичные экспортные возможности имела территория, которую летом 1919 г. занимали армии Колчака. Наконец, анализировались результаты прекращения экспорта из России в ходе войны и блокады. Важнейшим результатом экономической изоляции России стал рост цен на мировом рынке. Европейские страны вынуждены были покупать то, что раньше привозилось из России, в Америке по более высоким ценам, прежде всего зерно²².

Исходя из вышеизложенного, меморандум предлагал три варианта дальнейшей торговой политики по отношению к России.

Первый предусматривал продолжение экономической блокады РСФСР и непризнание ее правительства, возглавляемого Лениным, при дальнейшем оказании моральной, но не материальной поддержки антибольшевистским армиям. Этот вариант изначально признавался неэффективным прежде всего с той точки зрения, что за последнее время большевики захватили огромные запасы зерна и донецкого угля, продвигаются к каспийской нефти и, вероятно, овладеют значительной долей военных запасов армий Колчака и Деникина. Также Красная армия «в ближайшее время» могла захватить Ростов вместе с главной железной дорогой на Кавказ и ремонтными мастерскими – единственными, на которые ВСЮР могли полагаться (на момент обсуждения Красная армия уже взяла Ростов-на-Дону). Все это вместе взятое позволяло большевикам за короткое время улучшить положение с транспортом, а с ним экономическую и общую ситуацию в стране.

Второй вариант предусматривал полное политическое признание советского правительства. По мнению Уайза, это «увеличивало политические проблемы», однако экономических результатов этого варианта можно было, по его мнению, добиться при помощи третьего варианта.

Этот третий вариант, позволяя избежать формального признания советского правительства, сводился к отмене блокады и восстановлению торговых отношений с Россией в целом вместе с принятием мер против распространения большевистской пропаганды за пределы РСФСР и исключением ввоза в нее военных материалов. Отправка в Россию промышленных товаров и вывоз из России сырья и продовольствия могли быть начаты очень скоро, причем

²² Ibid. P. 867, 868.

возможность быстрого вывоза с юга России зерна обосновывалась тем, что Красная армия «в самом скором времени» должна занять Одессу с ее большим и хорошо оборудованным торговым портом (это также уже произошло на момент обсуждения)²³.

В аргументах Уайза, политический прагматизм (уже гранью цинизма) которых сочетался с явным примитивизмом представлений о большевиках и недооценкой их политической целеустремленности, впервые четко был сформулирован главный вывод, который британское правительство сделало из снабжения белых армий и фактов захвата их материальной части Красной армией. И вывод это был совершенно обескураживающим: ввоз в Россию вооружения и амуниции для антибольшевистских правительств и их армий был не просто бессмыслен и убыточен, а опасен, ибо на деле превратился в способ снабжения большевиков, которые могли использовать это вооружение для снабжения противников Великобритании (кемалистской Турции и других).

Приглашенный для участия в обсуждении представитель «русских кооперативных организаций» А.М. Беркенгейм высказался в том смысле, что единственным средством борьбы против большевиков является снабжение населения тем, в чем оно нуждается, и установление «торговых связей с населением» через единственную организацию, которая существует на территориях как большевистской России, так и антибольшевистской России, – кооперативы. Давая оценку экономического состояния страны в целом, он заявил, что на территории, находящейся под властью большевиков, экономика «практически умерла», а на антибольшевистской территории «механизм частной торговли практически исчез и заменен огромной спекуляцией», наносящей страшный ущерб населению. Именно результатом «бесконтрольной спекуляции» он объяснил поражение антибольшевиков как в Сибири, так и на юге России.

При этом Беркенгейм, за позицией которого стоял очевидный интерес крупных кооперативных объединений монополизировать торговые связи между Россией и Европой, умолчал об одном обстоятельстве: экономика на большевистской территории «умерла» не по каким-то естественным причинам, и даже не по причине блокады, а в результате целенаправленных мер по ее огосударствлению, а это означало, что точно так же, по воле большевистского правительства, могли быть огосударствлены и кооперативы. Как умолчал он и о том, что правительство Ленина уже давно национализировало внешнюю торговлю.

По протоколу трудно судить: лидеры Антанты эту экономическую утонченную полуложь предпочли не заметить или действительно

²³ Ibid. P. 869, 870.

но не заметили. Видимо, их слишком взволновали услышанные цифры возможного экспорта из России сырья, словно оно, загруженное на суда, уже плыло к европейским берегам. Особенно к тем, что плотно окутаны туманом. Ллойд Джордж поинтересовался, как много муки может экспортировать Россия. Беркенгейм скромно отвечал, что он располагает данными только по югу России, где в 1919 г. был собран рекордный урожай, а излишек для экспорта достигает 10 млн тонн²⁴.

После длительного обсуждения, во время которого, согласно протоколу, никто не высказал ни малейших опасений в том, что правительство Ленина может повернуть эту ситуацию к собственной выгоде, Ллойд Джордж сформулировал два тезиса, которые легли в основу аргументации за отмену блокады России и восстановление с ней торговых связей.

Первый: восстановление торговли с Россией снизит цены, активизирует торговлю как между Великобританией, Францией и Италией, так и внутри каждой из этих стран, даст толчок экономическому восстановлению и дальнейшему развитию Европы.

Второй: возобновление торговли разрушит большевистское государство, так как с момента ее возобновления коммунизм из России «начнет уходить».

В итоге решено было создать специальный комитет из экспертов трех стран во главе с Уайзом для изучения вопроса о возобновлении торговли с Россией без признания большевистского правительства. Комитет должен был как можно скорее доложить Верховному совету результаты своей работы и рекомендации²⁵.

15 января доклад комитета уже был готов. Странам Антанты предлагалось начать вывоз продовольствия и сырья из российских портов Черного и Балтийского морей и ввоз в Россию промышленных товаров через кооперативные организации. Вопрос о каких-либо политических контактах с большевистским правительством не ставился²⁶.

16 января этот документ обсудили члены Верховного совета. В целом идея была одобрена.

Но все же Клемансо, изрядно опасавшийся того, что возобновление торговли с Россией будет истолковано как шаг к признанию советского правительства, высказал пожелание, чтобы в заявлении для печати на этот счет было бы сказано как можно меньше. Ллойд Джордж возразил ему, высказавшись в том смысле, что нецелесообразно заявлять в твердых терминах, что страны Антанты не при-

²⁴ Ibid. P. 871, 872.

²⁵ Ibid. P. 874, 875.

²⁶ Ibid. P. 898, 899.

знают правительство большевиков, ибо это «внесло бы в документ раздражающую, провоцирующую ноту». А когда член французской делегации Камерер высказал опасение по поводу того, что большевики могут заявить, что это решение союзных держав означает снятие блокады, Ллойд Джордж заявил, что блокада уже практически снята, поскольку британские военные корабли уже выведены из вод, прилегающих к российским берегам²⁷.

Аргументы британского премьер-министра показывают, что все-таки он имел некоторые представления о возможности правительства Ленина создать серьезные трудности установлению торговли «через кооперативы». Поэтому он тщательно избегал перевода дискуссии в эту плоскость, вероятно, предполагая, что исключительно его правительство возьмет на себя решение этих трудностей – вместе с доходами от торговли, естественно. Судя по всему, Лондон был преисполнен решимости заполучить безраздельно ту долю российского экспорта, которая до войны доставалась Германии. И заинтересованность эта была столь велика, что он рискнул поставить своих союзников перед свершившимся фактом снятия блокады России силами британского флота – свершившимся прежде всего в интересах Великобритании.

В итоге обсуждения было принято решение о возобновлении торговых отношений с Россией через кооперативные организации. В заявлении для печати подчеркивалось, что это решение не означает какого-либо изменения политики союзников в отношении советского правительства²⁸.

На том же заседании Верховный совет Антанты обсудил вопрос о положении на Кавказе, поводом для чего стало заявление представителей Грузии и Азербайджана на Парижской мирной конференции – И. Церетели и М. Магеррамова.

Поблагодарив за признание их правительств де-факто, они попросили гораздо большего. Во-первых, чтобы союзники по Антанте никак не мешали их намерению полностью отделиться от России и восстановить независимость, которую они имели «в прошлом». Во-вторых, оказать им финансовую, политическую и военную помощь для защиты своей независимости от покушений, с одной стороны, Деникина, с другой – большевиков. Далее, в ходе ответов на вопросы представители Грузии и Азербайджана ясно дали понять, что их куда сильнее беспокоят враждебные намерения Деникина, чем большевиков. При этом Церетели заверил, что грузинская армия, хотя и не желает наступать, вполне способна к обороне²⁹.

²⁷ Ibid. P. 894, 895.

²⁸ Ibid. P. 899.

²⁹ Ibid. P. 896, 897.

В ходе дискуссии явственно, как никогда прежде, обнаружились расхождения между Ллойд Джорджем и Клемансо. Французский премьер-министр высказал сомнение в том, что кавказские государства в состоянии защитить себя.

Ллойд Джордж, напротив, выразил уверенность, что «кавказские племена» окажут наиболее значительное сопротивление большевикам, сославшись на то, «в прошлом русские потратили очень долгое время, чтобы завоевать их». Выразив удовлетворение тем, что представители Грузии и Азербайджана не требуют посылки войск союзников, он предложил «пока» посылать им военное снаряжение.

Клемансо согласился, оговорившись, однако, что только в том случае, если есть, что посылать. Ллойд Джордж на это заметил, что Великобритания имеет достаточно снаряжения, и он полагает, что Франция тоже. Клемансо возразил, что все это через Деникина досталось большевикам. Такой репликой, весьма небезобидной для англичан, он ясно дал понять свою позицию: раз большая часть поставок, которые направлялись армии Деникину, из-за его поражения досталась Красной армии, то же самое, скорее всего, произойдет и с тем снабжением, которое англичане предлагают теперь посылать закавказским государствам.

Тогда Ллойд Джордж заявил, что большая часть снаряжения, предназначенного Деникину, в настоящее время находится на пути в Черное море и он хотел бы перенаправить его от Деникина в Грузию и Азербайджан. Более того, он выразил уверенность в том, что большое количество военных материалов еще находится в Новороссийске и их также можно будет перевезти на Кавказ³⁰. Эта зафиксированная в протоколе уверенность британского премьер-министра являлась следствием либо неведения, либо намеренного обмана: уже выгруженными в порту Новороссийска и складированными в городе материалами распоряжалось Управление главного начальника снабжений ВСЮР, а не британская военная миссия [Карпенко 2009, с. 198, 199, 204].

Окончательное решение вопроса было перенесено на заседание 19 января с участием французского маршала Фоша и британского фельдмаршала Уилсона.

Оба они остались на прежних позициях: хотя поражение ВСЮР Деникина – свершившийся факт, остатки его войск представляют собой единственную силу, способную сдержать продвижение Красной армии, и поэтому необходимо продолжать их военное снабжение если не ради самого Деникина и его власти, то ради того, чтобы его войска прикрыли организацию обороны в закавказских госу-

³⁰ Ibid. P. 897, 898.

дарствах. Посылку же военных материалов Грузии и Азербайджану они считали бесполезной, пока там не заняли позиции сухопутные войска союзников, а британский флот не установил полный контроль над Каспийским морем, иначе все посланное снабжение непременно попадет в руки большевиков.

Твердая позиция начальника Имперского Генерального штаба фельдмаршала Уилсона, поддержанная военным министром Черчиллем, по сути, шла в разрез с новым политическим курсом премьер-министра Ллойд Джорджа.

Фактически в британской делегации произошел раскол, и режиссером его, наверняка, являлся Черчилль, явно намеренный совместно с Клемансо и верховным командованием убедить своего премьер-министра, что самый надежный «барьер» против большевистской России – это армия генерала Деникина, а потому надо снабжать именно ее. И более того, явно согласовав свои шаги с Уилсоном и через него с Фошем, он попытался воспользоваться «кавказской идеей» премьер-министра и втянуть британские сухопутные и военно-морские силы в непосредственное вооруженное противостояние Красной армии на Кавказе. А это уже само по себе исключало прекращение снабжения ВСЮР как реального, боеспособного союзника, действовавшего на фланге нового, «Кавказского», фронта.

На помощь своему премьер-министру поспешил прийти Керзон, предложивший подробно расспросить о ситуации на Кавказе представителей Азербайджана и Грузии, присутствовавших здесь же, в здании Министерства иностранных дел. Предложение было принято, и заседание превратилось в длительное выяснение у Церетели и Магерамова обороноспособности их республик, их отношений с Деникиным и состояния деникинских войск, в ходе которого выяснилось, что ни политические лидеры, ни верховные командующие двух государств Закавказья не представляли себе конкретно ситуацию на антибольшевистском юге России.

После того, как их отпустили, а также Фоша и Уилсона, Ллойд Джордж снова поставил свой вопрос на обсуждение: «Мы должны сейчас решить, какую поддержку следует оказать кавказским государствам. Маршал Фош сказал, что для этого необходимы три дивизии. Британское правительство не может выделить их». Вслед за ним Клемансо и Нитти заявили, что у них нет возможности послать войска³¹.

Тогда Ллойд Джордж заявил, что в таком случае необходимо изыскать возможность отправить в этот регион вооружение и снаряжение, аргументировав свое упорство следующим образом: «Я не вижу, что какой-нибудь ущерб может произойти от посылки

³¹ Ibid. P. 923.

вооружения и снабжения. Перед тем, как большевики могут достичь Кавказа, они должны пройти через наиболее производительные провинции южной России. Следовательно, они не будут нуждаться в захвате того продовольствия, которое мы можем послать на Кавказ. Что касается военных материалов, то красные уже имеют так много винтовок, что захват еще 25 или 50 тысяч не сделает большой разницы. Они захватили у генерала Деникина около 600 орудий, многие из которых сделаны в Великобритании, и они также захватили несколько прекрасных танков. В этих обстоятельствах опасность от снабжения кавказских государств определенным количеством орудий и винтовок не очень велика»³².

Аргументация эта была сомнительной убедительности, однако она вполне могла подействовать на Клемансо и Нитти уже хотя бы тем, что Великобритания брала на себя расходы по снабжению Грузии и Азербайджана, как брала до этого расходы по снабжению Деникина.

И это позволило Черчиллю, категорически не согласному с намерениями своего премьер-министра, быть более решительным и, воспользовавшись позицией верховного командования Антанты, заручиться общим мнением других членов Верховного совета насчет необходимости продолжать снабжение ВСЮР. Взяв слово, он выразил надежду, что «любое выделение оружия кавказским государствам не будет взято из последнего “пакета” снабжения, которое должно быть послано генералу Деникину». На это Ллойд Джордж отреагировал довольно резкой репликой, что судьба «финального “пакета” Деникину является чисто британским делом», т. е. не следует обсуждать этот вопрос с представителями других держав Антанты³³.

В ходе дальнейшего обмена мнениями Клемансо согласился с позицией Ллойд Джорджа. Нитти же заявил, что итальянский парламент не одобрит этого, так как это будет вмешательством во внутренние дела России, и в любом случае он не сможет посылать военные материалы официально. На это Ллойд Джордж заметил, что оружие будет посылаться правительствам, признанным де-факто, и «это не может считаться вмешательством в русские дела, как могла считаться помощь Колчаку или Деникину»³⁴.

В итоге Верховный совет принял решение признать де-факто правительство Армении, не посылать на Кавказ три союзные дивизии, согласиться в принципе на посылку кавказским государствам вооружения, снаряжения и, возможно, продовольствия³⁵.

³² Ibid. P. 923, 924.

³³ Ibid. P. 924.

³⁴ Ibid. P. 924.

³⁵ Ibid. P. 924, 925.

С 12 февраля по 10 апреля в Лондоне состоялась очередная конференция военно-политических руководителей ведущих держав Антанты. На ней ярче прежнего обнаружилось, что каждая из них имеет свои собственные интересы в «русском вопросе» и собственное видение его решения, поэтому дискуссии носили острый характер, а выработка согласованной политики давалась с большим трудом.

19 февраля обсуждение положения в России началось с заявления члена французской делегации генерала А. Бертело. Прежде всего, он высказал мысль, что большевики в России имеют дело с «исключительно пассивным» населением, готовым переносить тяжелые страдания, но при продолжении политики экономической изоляции нормальная жизнь в России подойдет к концу и за этим неизбежно последует падение большевиков. Далее он констатировал, что советское правительство сразу вслед за решением Верховного совета об отмене блокады и возобновлении торговли через кооперативы установило контроль над кооперативными организациями и подчинило их себе через Литвинова (члена коллегии Наркомата по иностранным делам РСФСР) именно с целью вырваться из международной изоляции. Предложения Бертело свелись к тому, чтобы, во-первых, не вступать ни в какие контакты с советским правительством, во-вторых, странам, пограничным с Россией, запретить вступать в переговоры с большевиками о мире и, в-третьих, обещать им помощь в случае, если большевики нападут на них.

При этом, убеждая участников конференции в том, что победа большевиков в русской гражданской войне еще не окончательна, он сообщил, что, «по последней информации, полученной от французских военных советников, Деникин уже укрепил границу по реке Дон и готовит новое наступление»³⁶.

Таким образом, французское правительство, как только стало очевидным, что британская политика, преследуя лишь свои собственные цели, создает ситуацию, когда цели самой Франции оказываются недостижимыми, предприняло попытку ревизовать решение Верховного совета от 16 января. При этом в качестве альтернативы было предложено, – правда, в слишком неопределенном виде – подталкивание соседних государств к войне против большевиков и продолжение помощи Деникину. Бертело не назвал Польшу, но было очевидно, что он имеет в виду прежде всего ее.

Нитти, возглавлявший итальянскую делегацию, заявил на это, что придерживается взглядов, совершенно противоположных тем, которые были высказаны французским представителем. И его аргументы были куда более четкими, конкретными и практичными, даже приземленными.

³⁶ Ibid. Vol. VII: 1920. L., 1958. P. 140–142..

Во-первых, Италия, лишенная возможности получать сырье из России и вынужденная покупать его в Америке значительно дороже, чем она раньше покупала в России, а потому все больше попадает в зависимость от дорогого американского импорта сырья (а значит, и от американских банков, кредитующих экспорт американского сырья в Италию).

Во-вторых, страны Антанты никогда не вели полномасштабной войны против Советской России. И сейчас ни Великобритания, ни Франция, ни тем более Италия, не способны вести такую войну.

В-третьих, союзники посылали оружие, амунисию и деньги антибольшевистским силам в России, а также окраинным государствам, но результат этих усилий был совершенно ничтожен. Только Польша показывает признаки способности сопротивляться большевикам, но эта политика представляет для нее самой «смертельный риск».

В-четвертых, в каждой западной стране есть пробольшевистские элементы в виде части населения, и симпатии к большевикам распространяются.

В-пятых, восстановление торговли с кооперативами далеко не равнозначно признанию большевистского правительства.

Отсюда Нитти делал обоснованный вывод: улучшить быстро экономическую ситуацию в Италии, как и во всей Европе, при сохранении с Советской Россией отношений «ни мир, ни война», невозможно³⁷.

Разногласиями между Францией и Италией умело воспользовался Ллойд Джордж, ставший после ухода Клемансо с поста главы французского правительства ведущим европейским политиком на конференции. Представив свою позицию как позицию объективного и умудренного опытом верховного арбитра, он заявил, что нет непримиримого противоречия между позицией Франции, которая «боится признания большевизма», и позицией Италии, которая считает необходимым «вернуть Россию в Европу», но при этом не признавать большевиков. Позиция Великобритании, по его уверениям, состоит в том, что даже при восстановлении экономических отношений большевики не могут быть признаны до тех пор, пока они не покажут своей способности стать «цивилизованным правительством»³⁸.

По поводу альтернативы, предложенной Бертело («Деникин перейдет реку Дон и снова начнет наступление на Москву»), он заявил, что такое развитие событий приведет лишь к обострению

³⁷ Ibid. P. 146, 147.

³⁸ Ibid. P. 148.

войны между большевиками и антибольшевиками и тогда гражданская война окончательно разрушит в России все, что жизненно важно для Европы, прежде всего сельское хозяйство³⁹.

Расчет Ллойд Джорджа состоял, судя по всему, в том, чтобы создать ситуацию, когда Франция по политическим мотивам откажется участвовать в торговле с Россией, а Италия не составит Великобритании серьезной конкуренции. И такой «расклад» позволит Великобритании перехватить не только бывшую германскую долю русского экспорта, но и большую часть французской доли.

Дальнейшая дискуссия по «русскому вопросу», продолженная 23 февраля, после прибытия в Лондон нового премьер-министра Франции А. Мильерана, велась вокруг польско-советских отношений и материальной помощи Польше. Мильеран категорически возражал против возобновления торговли из опасений, что со временем это приведет к признанию большевистского правительства, и активно искал силу, способную воевать с советским государством. При этом он отдавал явное предпочтение Польше, во вторую очередь он готов был помогать республикам Закавказья и совершенно уже не рассчитывал на войска Деникина.

Нитти и Ллойд Джордж прочно стояли на своих позициях, высказавшись за возобновление торговли без признания большевистского правительства и против помощи Польше.

Относительно воинственных намерений польского правительства Ллойд Джордж привел более чем трезвые и веские аргументы. Во-первых, Пилсудский считает себя способным достичь Москвы только потому, что никогда еще не вел серьезных боевых действий против Красной армии. Во-вторых, Великобритания и Италия не имеют возможности помочь Польше воевать против большевиков, тем более что посылаемое снабжение неминуемо попадает в руки этих самых большевиков. И в итоге он жестко предостерег Польшу: если поляки не хотят установить мир с Россией, то они должны взять на себя всю ответственность за последствия своей воинственной политики⁴⁰.

В ходе обсуждения итогового документа разногласия между лидерами, Францией и Великобританией, стали еще острее. Мильеран стремился так составить документ, чтобы страны Антанты в любом случае взяли на себя обязательство оказать Польше поддержку, независимо от того, кто, поляки или большевики, станут инициаторами новой войны. Нитти в требованиях восстановить торговлю с Россией пошел еще дальше, высказав мысль, что нормальные экономические отношения невозможны без отношений

³⁹ Ibid. P. 151.

⁴⁰ Ibid. P. 199–202.

политических и что реальная жизнь все-таки заставит страны Антанты устанавливать с большевистским правительством политические отношения и тем самым продвигаться к признанию его де-факто. Такая позиция Нитти позволила Ллойд Джорджу маневрировать и добиваться принятия документа, который соответствовал бы интересам Великобритании⁴¹.

В итоговом документе было заявлено: если пограничные с большевистской Россией «государства и власти» обратятся к Антанте за советом, то страны Антанты ответят, что не могут взять на себя ответственность советовать им продолжать войну, которая будет угрожать их собственным интересам, и еще менее они могут советовать проводить агрессивную политику в отношении России, но если большевистская Россия атакует эти страны в их «законных» границах, Антанта окажет им всю возможную помощь⁴².

«Захватническая политика» Польши – ее «смертельная ошибка»

25 апреля 1920 г. случилось то, чего с разными мыслями и чувствами ожидали в Лондоне, Париже, Риме, а также, естественно, Берлине: Войско Польское под главным командованием «начальника государства» Пилсудского атаковало позиции Красной армии по всей протяженности границы между Польшей и Советской Украиной. За счет численного превосходства оно сразу прорвало оборонительные рубежи Красной армии и развернуло широкие наступательные операции в направлении Киева и Одессы. Быстрое занятие и прочное присоединение бывших губерний Малороссии и Новороссии – в восприятии как идейных польских националистов, так и исполненных шляхетского гонора политических романтиков – вело к вожделенному и долгожданному возрождению «Великой Польши от моря до моря».

7 мая отступающие войска советского Юго-Западного фронта вынуждены были оставить Киев. Но вскоре Красная армия нанесла несколько тяжелых поражений полякам, и произошел неизбежный перелом: 12 июня советские части вернули Киев, Войско Польское начало отходить по всему фронту.

На 21–22 июня было намечено проведение очередной конференции лидеров ведущих держав Антанты в Булони. В связи с новой военной ситуацией на ней неминуемо должен был обсуждаться «русский вопрос». Многие французские политики стали

⁴¹ Ibid. P. 207–215.

⁴² Ibid. P. 216.

склоняться к тому, что необходимо оказать Польше самую широкую поддержку, причем важно, чтобы поддержка эта была оказана всеми странами Антанты, включая Великобританию [Карпенко 2006, с. 363–367].

22 июня, на второй день работы конференции, после обсуждения вопросов об уплате Германией военных контрибуций лидеры Антанты перешли к «русскому вопросу».

Обсуждение началось с заявления Ллойд Джорджа об исключительной важности выработки единой политики в «русском вопросе», поскольку Германия рассчитывает именно на разногласия внутри Антанты в политике по отношению к России. Заявив, что «сегодня не стоит вопроса признания советского правительства», Ллойд Джордж, однако, признал, что переговоры с советской делегацией, начатые в Лондоне, ведутся не только по вопросам торговли, но и по поводу ведения большевиками пропаганды, враждебной державам Антанты⁴³.

Такой подход вызвал твердое возражение Мильерана. Французский премьер-министр увидел в формуле Ллойд Джорджа, согласно которой следовало потребовать от большевиков прекращения «враждебной пропаганды и враждебных действий», опасность фактического начала переговоров по политическим вопросам, что могло привести к установлению политических отношений с большевистским правительством. При этом Мильеран совершенно четко сформулировал позицию Франции: признано может быть только то российское правительство, которое возьмет на себя ответственность за все, что делали предыдущие правительства, и прежде всего признает старые долги⁴⁴.

Далее новый глава итальянской делегации, министр иностранных дел К. Сфорца поднял вопрос о советско-польской войне. По этому поводу Ллойд Джордж заявил, что нет никаких сомнений в том, что польское наступление «объединило Россию», и сослался на мнение маршала Фоша, который еще в сентябре 1919 г. предупреждал, что именно это станет результатом польского наступления на русскую территорию. «Польша совершила смертельную ошибку» – таково было твердое заключение Ллойд Джорджа⁴⁵.

4 июля советские войска Западного фронта нанесли удар по позициям Войска Польского в Белоруссии и начали успешное наступление с целью прорваться к Варшаве и взять ее.

А 5 июля в Спа (Бельгия) открылась очередная конференция Антанты, которая продолжила работу до 16 июля. Одним из глав-

⁴³ Ibid. Vol. VIII: 1920. L., 1958. P. 375, 376.

⁴⁴ Ibid. P. 376, 377.

⁴⁵ Ibid. P. 378.

ных на ней стал «русский вопрос» – в первую очередь ситуация на советско-польском фронте, где поляки терпели одно поражение за другим и отступали на территорию этнической Польши.

9 июля в Спа состоялись переговоры между британской делегацией, возглавляемой Ллойд Джорджем, и французской делегацией, возглавляемой Мильераном. В ней принял участие и премьер-министр Польши В. Грабский.

В своем заявлении Грабский сообщил, что Польша оказалась в очень опасной ситуации по своей собственной вине и глава государства Пилсудский теперь признал свою ошибку. Польша не имеет достаточных резервов и военных материалов для сопротивления большевикам, она нуждается в получении военных материалов и моральной поддержке союзников по Антанте. Важнейшим жизненным вопросом для Польши, подчеркнул Грабский, является вопрос заключения мира с большевиками. Однако теперь, когда большевики побеждают, они предложат такие условия мира, которые Польша принять не сможет. Грабский поставил перед лидерами Великобритании и Франции вопрос, сможет ли Польша рассчитывать на их поддержку в случае, если большевики отвергнут мирные предложения и вторгнутся на ее исконную территорию⁴⁶.

Ллойд Джордж попросил маршала Фоша, который перед этим встречался с представителями Войска Польского, осветить положение на советско-польском фронте. Фош заявил, что в Белоруссии польские войска сохраняют боеспособность, а на Украине отступают из-за дезорганизации. По его мнению, ситуация не была смертельной или проигранной. Ллойд Джордж на это возразил, что, по его данным, положение гораздо более серьезно, так как Красная армия усиливает свою мощь и большевики ставят своей целью занять Польшу и выйти к германской границе. По его мнению, для Польши было бы ошибкой надеяться на то, что она способна изменить ситуацию к лучшему. Тогда Мильеран поинтересовался у Грабского, как долго Польша может оказывать сопротивление. И тот ответил, что большевикам потребуется несколько недель, чтобы дойти до этнической границы Польши⁴⁷.

Далее слово взял Ллойд Джордж. Смысл его выступления состоял в том, что ситуация одинаково опасна как для Польши, так и для всей Европы. Союзники установили независимость Польши, что стоило немалых жертв, и несут ответственность за сохранение этой независимости. Но Польша, к сожалению, не удовлетворилась своими национальными границами, захватив часть литовской, белорусской и украинской территорий, причем

⁴⁶ Ibid. P. 502.

⁴⁷ Ibid. P. 504.

на этих захваченных территориях бывшей Российской империи проживает от 20 до 30 миллионов русских, украинцев и белорусов. Фактически Польша вступила в борьбу со своими соседями, включая Германию.

В этой ситуации, как заявил Ллойд Джордж, он не уверен, что союзники могут сделать очень много, поскольку еще не решены вопросы выплаты Германией контрибуции и не подписан мирный договор с Турцией. Будет возможно что-то сделать, если под угрозой окажется независимость Польши, но ничего не может быть сделано, пока Польша на деле и на словах не откажется от «империалистической и захватнической политики».

Ллойд Джордж особо указал на то, что он даже не станет обращаться к британскому парламенту по вопросу оказания помощи Польше, пока речь не будет идти о защите ее независимости внутри собственных этнических границ. Только в этом случае Великобритания сможет оказать давление на Россию с целью установления ее мирных отношений с Польшей, и лишь только тогда, когда Россия откажется, Великобритания сможет помочь Польше защитить ее независимость⁴⁸.

Далее... А далее следует продолжение – героический и трагический «Поход за Вислу», задуманный руководством большевиков как средство «советизации» Польши и ставший ударом по «Версальской системе» международных отношений. Продолжение это порой считают достаточно полно изученным. И явно без достаточных на то оснований. Особенно с учетом того, что документы серии сборников “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series” используются историками лишь эпизодически и фрагментарно.

Заключение

Думается, что нет особой необходимости убеждать читателя в острой научной и политической актуальности рассмотренного в данной статье сюжета. Слишком хорошо известно, что многое в истории повторяется. Причем вовсе не обязательно как фарс.

Очевидно, что для глубокого, всестороннего и комплексного изучения всего «многообразия хаотично взаимосвязанных событий» советско-польских отношений 1918–1921 гг. и Советско-польской войны 1920 г. необходимо как можно шире использовать документы, опубликованные в серии сборников “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series”.

⁴⁸ Ibid. P. 505.

А для этого требуется всестороннее изучение издания “Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First Series” как уникального археографического труда, выявление его археографических достоинств и недостатков.

Не менее очевидна и важность глубокого источниковедческого анализа включенного в это многотомное издание комплекса дипломатических документов [Григорьева 2017, с. 96–120]. Этот анализ даст историкам возможность широко и уверенно использовать их в своих исследованиях международных вопросов. «Русского», «германского» и других вопросов, которые остро встали как перед победителями, так и перед побежденными в Первой мировой войне, которые во многом, если не решающим образом, предопределили события и масштабы Второй мировой войны, и которые столь разительно напоминают ситуации и проблемы дня сегодняшнего.

Литература

- Булдаков 2019 – *Булдаков В.П.* Плоды методологической беспомощности: О книге А.В. Ганина «Семь “почему” российской Гражданской войны» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2019. № 1 (49). С. 125–141.
- Григорьева 2017 – *Григорьева И.В.* Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Инфра-М, 2017. 310 с.
- Карпенко 2006 – *Карпенко С.В.* Очерки Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М.: Изд-во Ипполитова, 2006. 456 с.
- Карпенко 2009 – *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М.: Вече, 2009. 432 с.
- Штейн 1949 – *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1949. 464 с.
- Штейн 1958 – *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» в 1920–1921 гг. М.: Политиздат, 1958. 334 с.

References

- Buldakov, V.P. (2019), “Plody metodologicheskoy bespomoshchnosti: O knige A.V. Ganina “Sem’ “pochemu” rossijskoj Grazhdanskoj vojny” [Results of methodological safety. About the book by A.V. Ganin “Seven why’ of the Russian Civil War”], *Bulletin of the Tver State University*, no. 1 (49), pp. 125–141.
- Grigor'eva, I.V. (2017), *Istchnikovedenie novoj i novejshej istorii stran Evropy i Ameriki* [Source criticism of the new and recent history of the countries of Europe and America], Infra-M, Moscow, Russia.
- Karpenko, S.V. (2006), *Ocherki Belogo dvizheniya na yuge Rossii* [Essays on the History of the White Movement in the South of Russia], Ippolitov publishing house, Moscow, Russia.

- Karpenko, S.V. (2009), *Belye generaly i krasnaya smuta* [White Generals and Red Turmoil], Veche, Moscow, Russia.
- Shtejn, B.E. (1949), "Russkij vopros" na Parizhskoj mirnoj konferencii (1919–1920 gg.) ["The Russian Question" at the Paris Peace Conference (1919–1920)], Gospolitizdat, Moscow, Russia.
- Shtejn, B.E. (1958), "Russkij vopros" v 1920–1921 gg. ["The Russian Question" in 1920–1921], Politizdat, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей В. Карпенко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; skarpenk@mail.ru

Information about the author

Sergey V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; skarpenk@mail.ru

Преподавалось ли ученое феодальное право в Кастилии и Леоне XIII–XIV вв.? Заметки о рукописях *Libri Feudorum* из испанских собраний

Олег В. Ауров

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы

при Президенте РФ, Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, olegaurov1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из аспектов рукописной традиции «Книги феодов» (*“Libri (Consuetudines) Feudorum”*) – компиляции ломбардского феодального права, сформировавшейся (главным образом, в Болонском университете) в процессе рецепции *ius commune*. В статье рассматривается история памятника в королевстве Кастилия и Леон в начальный период рецепции *ius commune* на испанской земле (XIII–XIV вв.). В процессе изучения рукописных источников из испанских собраний (Национальной библиотеки (Мадрид), Королевской библиотеки монастыря св. Лаврентия в Эскориале, Библиотеки капитула Толедского собора) на большинстве из них выявлены характерные пометы, свидетельствующие об использовании рукописей в процессе преподавания гражданского (вещного) права. Однако, несмотря на известные факты подобного применения кодексов, содержащих «Книги феодов» в Болонском и ряде других средневековых университетов, данные о наличии подобной практики в университетах Кастилии и Леона отсутствуют: характерные пометы содержатся лишь в итальянских рукописях, оказавшихся в Испании позднее XIV в.; единственная несомненно изготовленная в Кастилии рукопись памятника из Библиотеки капитула Толедского собора подобных помет не содержит.

Ключевые слова: *Libri Feudorum, ius commune*, юридические рукописи, Кастилия и Леон, средневековые университеты, легисты, Болонья, Альфонсо X Мудрый

Для цитирования: Аулов О.В. Преподавалось ли учение феодальное право в Кастилии и Леоне XIII–XIV вв.? Заметки о рукописях *Libri Feudorum* из испанских собраний // История и архивы. 2020. № 2. С. 103–111. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-103-111

Was the learned feudal law taught in Castile and Leon in the 13th and 14th centuries? Notes on the manuscripts of the *Libri Feudorum* from the Spanish collections

Oleg V. Aurov

*Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, olegaurov1@yandex.ru*

Abstract. Libri (Consuetudines) Feudorum (Books (Customs) of Fees) is a compilation of Lombard feudal customs, which was formed (mainly at the University of Bologna) in the process of ius commune reception from the 12th to the middle of the 13th century. The text was incorporated into the fifth “volume” of the medieval Corpus Iuris Civilis. The article is devoted to the LF history in the Kingdom of Castile and Leon in the initial period of ius commune reception on the Iberian Peninsula (from the 13th to the 14th cen.). In the process of studying manuscript sources from Spanish collections (the National Library (Madrid), the Royal Library of the Monastery of St. Lawrence in Escorial, the Library of the chapter of the Cathedral of Toledo), most of them revealed characteristic marks indicating the use of manuscripts in the teaching of civil (property) law. However, despite the known facts of the similar use of codes containing the “Book of Feuds” in the Bologna and in a number of other medieval universities, there is no evidence of such practice at the universities of Castile and Leon: characteristic manuscripts are contained only in Italian manuscripts that appeared in Spain later than the 14th century; the only manuscript of LF undoubtedly made in Castile (from the collection of the Capitular Library of Toledo) has no marginalia of the “university” type.

Keywords: Libri Feudorum, ius commune, juridical manuscripts, Castile and Leon, medieval universities, legists, Bologna, Alfonso X the Wise

For citation: Aurov, O.V. (2020), Was the learned feudal law taught in Castile and Leon in the 13th and 14th centuries? Notes on the manuscripts of the *Libri Feudorum* from the Spanish collections, *History and Archives*, no. 2, pp. 103–111. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-103-111

«Книги (Обычаи) феофов» (“Libri (Consuetudines) Feudorum”) (далее – LF) – наиболее известный свод ученого феодального права¹. Его основу составили законы императоров и королей франков и лангобардов, а также германских королей и императоров, постановления сеньориальных судов, обычаи, фрагменты юридических трактатов и т. п., касающиеся статуса феода и всего комплекса связанных с ним правоотношений; все эти тексты были собраны, систематизированы и откомментированы юристами ломбардских правовых школ (Павия, Мантуя, Милан). Известны три основные редакции памятника: 1) “Obertina” (“Compilatio antiqua”) (сер. XII в.); 2) “Ardizzoniana” (ок. 1240 г.); 3) “Accursiana” (Vulgata) (ок. 1250); эта поздняя (и наиболее распространенная) версия, подразделялась на две книги (включавшие, соответственно, 26 (в другой нумерации – 28) и 57 (в другой нумерации – 58) титулов); ее составителем являлся знаменитый Аккурсий (ок. 1182 – ок. 1263), автор «Ординарной глоссы» (далее – Gloss. Ord.) ко всему Своду Юстиниана (далее – CIC); при этом глосса непосредственно к LF (являющаяся частью Gloss. Ord.) была написана не самим Аккурсием, а его предшественником Джакомо Коломби на основе *summa* Пиллио из Медицины [Calasso 1954, р. 554–555]. В рукописной традиции известны отдельные тексты LF, включенные во всякого рода сборники; много чаще, однако, памятник включался в пятую, заключительную, часть, средневековую версию CIC², которая сформировалась в ходе рецепции *ius commune* (юстинианова римского и реформированного на его основе канонического права) [Марей 2012].

В каждом из регионов Западной и Центральной Европы процесс рецепции *ius commune* отличался значительной спецификой; это характерно и для средневековых королевств Кастилия и Леон, куда в середине XII – второй трети XIII в. стали активно прони-

¹ Consuetudines feudorum. Textus compilationis antique et recensionis Vulgate // Consuetudines feudorum / Ed. by K. Lehmann. Aalen: Scientia Verlag, 1971. S. 158–298; Consuetudines fevdorum // Montorzi M. Diritto feudale nel Basso Medioevo. Materiali di lavoro e strumenti critici per l'esegesi della glossa ordinaria ai Libri feudorum. Con la ristampa anastatica dei Libri feudorum e della loro glossa ordinaria. Torino: G. Giappichelli Editore, 1991. P. 121–204.

² Feudorum Consuetudines // Corpus Juris Civilis Romani in quo Institutiones, Digesta ad Codcem Florentinum emendata, Codex item et Novelle, necnon Justiniani edicta, Leonis et aliorum imperatorum Novellae, Canones apostolorum, Feudorum libri, Leges XII. Tabb. et alia... cum notis integris Dionysii Gothofredi... T. 5. Neapoli: Apud Januarium Mirelli Bibliopolam, 1830. P. 491–553.

кать юристы болонской школы, а испанские студенты появились в университете Болоньи. Одному из аспектов этого процесса – роли рукописной традиции LF в системе преподавания ученого права в Кастилии и Леоне – посвящена настоящая статья.

* * *

В испанских рукописных собраниях сохранился ряд манускриптов LF, датированных периодом XIII–XIV вв., которые, по меньшей мере теоретически, могли использоваться в процессе университетского преподавания права. Два из них происходят из Библиотеки капитула Толедского собора (далее – ВСТ) (Ms. 36-1 [XIV в.] и Ms. 36-2 [XIII в.])³, еще два – из Королевской библиотеки Эскориала (Escor. V.I.1; Escor. V.I.6 [обе – XIV в.]⁴), а последний (где отсутствуют LF.II-4 и начало LF.I.5) (Ms. 15461 [XIV в.]) находится в Архиве Фонда Х. Ласасро Гальдиано (г. Мадрид) (далее – FLG)⁵.

Все эти рукописи представляют собой университетские списки CIC (или их фрагменты), содержащие, среди прочего, и текст LF, согласно классификации К. Леманна, соответствующий поздней и наиболее полной редакции аккурсиевой версии – так называемой *Vulgata*. В большинстве случаев этот текст полон; он включает обе книги и полный перечень титулов (за исключением Ms. 15461 (FLG)). Болонское происхождение большей части этих рукописей четко установлено; Ms. 36-2 (ВСТ), возможно, скопирована с болонского оригинала в Кастилии.

Подобное положение следует признать нормальным и характерным для всего Латинского Запада [Bellomo 2001, p. 107–127], включая Испанию, что объяснялось значительной потребностью в списках CIC⁶. Применительно к Кастилии и Леону болонская модель копирования книг отражена в титуле второй книги Семи Партид Альфонсо X Мудрого (1252–1284), регламентирующем статус уни-

³ *García y García A., González R.* Catálogo de manuscritos jurídicos medievales de la Catedral de Toledo. Roma, Madrid: CSIC. Delegación de Roma, 1970.

⁴ Real Biblioteca de El Escorial. Catálogo [Электронный ресурс]. URL: <http://rbme.patrimonionacional.es/Busqueda-en-Catalogo.aspx?id=5> (дата обращения 09 февраля 2020).

⁵ Biblioteca de la Fundación Lázaro Galdiano. Manuscritos medievales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotecalazarogaldiano.es/I15641.html> (дата обращения 02 июня 2019).

⁶ Documentos para la historia de la Universidad de Barcelona. I: Preliminares (1289–1451) / Ed. por J. Rubió Balaguer. Barcelona: Universidad de Barcelona. Facultad de Filosofía y Letras, 1971. P. 18, 35–36.

верситетов (*estudios generales*)⁷. Книги нужны были как студентам, так и профессорам, использовавшим их в процессе преподавания, которое сводилось буквально к чтению (*lectiōn*) и комментированию фрагментов *CIC*⁸. Студенты записывали эти «лекции» на полях своих копий *CIC*; отсюда – наличие в университетских рукописях многочисленных помет, рисунков и т. п. В совокупности они являются важным и, как представляется, во многом недооцененным источником по истории средневековых университетов.

Такого рода маргиналии изобилуют в рукописях Ms. 36-1 (BCT), Escor. V.I.1; Escor. V.I.6, а также Ms. 15461 (FLG). Особняком стоит самая ранняя рукопись Ms. 36-2 (BCT), содержащая пятую, заключительную, часть *CIC*, включая LF (fols. 151r – 166r.) (остальная часть кодекса: Институты Юстиниана (далее – I) (fols. 1r – 46v), Аутентики (далее – Aut.) (fols. 46v – 140v), три последние книги Кодекса Юстиниана (далее – C) (fols. 157r – 195v), Gloss. Ord. дана ко всему тексту). По всей видимости, эта рукопись если и использовалась в процессе преподавания, то относительно недолго; лишь этим объясняется практически полное отсутствие маргиналий, которые можно было бы уверенно определить как студенческие заметки. В большинстве случаев пометы на полях сделаны явно рукой, переписывавшей основной текст и относившуюся к нему часть глоссы (см., например: fols. 141r, 142v, 143r etc.).

Обращает на себя внимание идентичность текста LF, содержащегося в этой рукописи, и той его версии, которая представлена в явно болонской по происхождению рукописи Ms. 36-1 (BCT). Если бы она не относилась к более позднему времени (XIV в.), можно было бы предположить, что копия сделана именно с нее. Обращает на себя внимание строгое следование LF-Vulgata, при отсутствии сколь-нибудь заметных отличий от версии, представленной в издании К. Леманна. В обоих кодексах за LF следуют Амальфийские конституции императора Фридриха II, что является нормой: то же самое характерно и для структуры двух эскориальских кодексов.

Разбор особенностей конкретных рукописей продолжу разговором о болонской рукописи Ms. 36-1 (BCT). Это последняя, пятая, часть *CIC*, где LF занимает fols. 181r – 202r (далее следуют I (fols. 1r – 66v), Aut. (fols. 67r – 180v), C.10-12 (203r – 272v); текст обрам-

⁷ Partida II.31 // *Las Siete Partidas del muy noble Rey don Alfonso el Sabio*, glosadas pro el lic. Gregorio López. T. 1. La Segunda Partida. Madrid: Compañía General de impresores y libreros del Reino, 1843. P. 647–652.

⁸ Patida II.31.9 // *Ibid.*; *Bulario de la Universidad de Salamanca* (1219–1549) / Ed. por V. Beltran de Heredia. T. 1. Salamanca: Secretariado de Publicaciones de la Universidad de Salamanca, 1966. P. 415, 427, 431, 462–463.

ляет Gloss. Ord.)⁹. Внешнее оформление рукописи – текст в две колонки, роскошные инициалы и миниатюры (fol. 51r – прорисовка, fol. 67r и др.) – соответствует болонской традиции. На связь же со сферой университетского преподавания прямо указывают сделанные готическим курсивом многочисленные пометы на полях и над текстом, а также рисунки (fol. 102 r, 134v, 142r, 151r и др.; правда, все они находятся за пределами текста LF).

К этой рукописи непосредственно примыкает рукопись того же времени Escor. V.I.1, также содержащая многочисленные пометы готическим курсивом указанного периода¹⁰; текст LF (fols. 289r – 316r) сохранился с небольшой лакуной размером в один лист (отсутствуют fols. 291r и 291v). Как и предыдущая, она представляет собой пятую часть CIC, представленную не совсем полно – без обычных C.10-12, а лишь с текстом Амальфийских конституций (остальная часть – I (fols. 1r – 74v) и Aut. (fols. 75r – 288v), снабженные Glos. Ord.); LF занимает fols. 289r – 316r. Текст версии, хотя в основном и следует Ardzoniana-Vulgata, однако включает отсутствующий в других рукописях целый титул, написанный павийским юрисконсультom XII в. Уго де Гамболадо и, согласно классификации К. Леманна, представленный исключительно в LF-Antiqua (в качестве Antiqua.IX) (fols. 300v – 301r).

Рукопись щедро украшена миниатюрами и роскошными цветными инициалами (fol. 1r, 12v, 35v, 55r, 75r, 223r, 243r, 262r), последний из которых (289r), изображающий представителей трех сословий (клирик, рыцарь (за спиной которого стоит слуга, держащий в поводу коня) и крестьянин) перед Юстинианом, помещена в начале LF. Число помет и рисунков несколько меньше, чем в Ms. 36-1 (ВСТ), однако принадлежность к кругу университетских рукописей очевидна, как и оформление (в том числе – инициалов) в болонском стиле XIV в. Известно, что рукопись происходит из коллекции графа-герцога Оливареса. К сожалению, никаких помет, позволяющих датировать время и место ее приобретения, текст не содержит.

От нее несколько отличается другая эскориальская рукопись, также происходящая из коллекции Оливареса – Escor.V.1.6, датированная тем же периодом, что и предыдущая (LF – fols. 273r – 291v). Как и ранее, речь идет о пятой части средневекового CIC (I (fols. 3r – 66v), Aut. (fols. 67r – 272v)), однако, в последней части вместо ожидаемого кодекса неожиданно обнаруживается трактат юрисконсульта XIII в. Альбертана Брешианского (ум. после 1253 г.), что явно необычно и не особенно характерно

⁹ *García y García A., González R. Op. cit. P. 128–129.*

¹⁰ Real Biblioteca de El Escorial. Catálogo.

для университетских рукописей. К тому же количество помет на полях относительно невелико, а рисунков и более или менее развернутых записей нет вовсе. Таким образом, скорее всего, кодекс Escor.V.1.6 создавался применительно к потребностям придворных легистов и должен быть исключен из числа университетских рукописей *stricto sensu*.

В завершение ряда университетских рукописей обратим внимание на Ms. 15461 (FLG)¹¹. Она представляет собой относительно небольшой фрагмент все той же пятой части СІС; однако в данном случае от нее осталась лишь небольшая часть – 10 пронумерованных позднейшими владельцами листов (fols. 1r – 10v), содержащих неполный текст LF. В целом он соответствует LF-Vulgata, однако порядок титулов большей части второй книги (той, что следует после LF.I.5 – II.4 (fol. 1r – 3v)) явно нарушен. Полностью отсутствует титул LF.II.6, а LF.II.5 и LF.II.7 (fol. 3v) представлены в более ранней версии (“Antiqua”, по терминологии К. Леманна). Затем следуют титулы LF.II.8 – 22, вслед за которой помещен титул LF.II.9 той же «Обертины». Потом следуют LF.II.23 – 26, после чего изложение обрывается на начальной части LF.II.27 (fol. 3v), далее пропущен целый лист, так как затем следует титул LF.II.37 – 55(56) (за исключением LF.II.52 (53), о которой см. далее) (в нумерации К. Леманна). За ним помещен титул ранее пропущенный титул LF.II.6, а за ним – LF.II.57(58) (листы 9v – 10r). Затем идет конституция германского императора Конрада II (1037 г.) (fol. 10r)¹², не включающаяся в современные издания LF¹³, но в СІС открывавшая комплекс императорских конституций, служивших своеобразным приложением памятника¹⁴. Последней в исследуемой рукописи стоит начальная часть LF.II.52(53) – конституция германского императора Лотаря III (1136 г.) (10r)¹⁵; последний лист рукописи

¹¹ Biblioteca de la Fundación Lázaro Galdiano. Manuscritos medievales.

¹² Ср.: Edictum de beneficiis Regni Italici. 1037. Mai 28 // Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. T. 1. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1893. P. 89–91.

¹³ См. выше, примеч. 1.

¹⁴ Feudorum Consuetudines // Corpus Juris Civilis Romani in quo Institutiones, Digesta ad Codicem Florentinum emendata, Codex item et Novellae, necnon Justiniani edicta, Leonis et aliorum imperatorum Novellae, Canones apostolorum, Feudorum libri, Leges XII. Tab. et alia... cum notis integris Dionysii Gothofredi... T. 5. Neapoli: Apud Januarium Mirelli Bibliopolam, 1830. P. 549–553.

¹⁵ Ср.: Constitutio de feudorum distractione. 1136. Nov. 6 // Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio IV: Constitutiones et acta publica

(10v) целиком занимают позднейшие пометы, сделанные готическим курсивом. Gloss. Ord. представлена лишь частично (листы 1r – 7r): она отсутствует начиная с LF.П.40.

Подобная структура (за исключением, разумеется, выпущенного листа между fol. 6v и 7r) не могла быть случайной. По всей видимости, в роли заказчика рукописи выступал небогатый студент, который смог оплатить копирование лишь наиболее важных фрагментов. В пользу этой гипотезы свидетельствуют как обширные по объему пометы, сделанные готическим курсивом и явно указывающие на использование рукописи в процессе университетского преподавания, так и наличие студенческих рисунков (fols. 2r, 9r (2 рисунка), 9v, 10v (набросок) (не считая помет-манусов: fol. 2r, 5r, 5v, 6r, 6v, 8v, 9r). К сожалению, ничего более точного о рукописи из FLG сказать нельзя: ее происхождение неясно.

Однако более существенно то, что, вычленив из общей массы испанских копий LF рукописи явно университетского происхождения (Mss. 36-1 (BCT), Escor.V.I.1 и Ms. 15461 (FLG)), мы не можем связать их с университетами Кастилии и Леона XIII–XIV вв. Хорошо известно, что студенты, закончившие курс (в том числе – в Боломье), как правило, забирали с собой и рукописи CIC, на копирование которых были потрачены существенные средства. Например, именно этим объясняется факт появления в Толедо рукописей Ms.36-1 и Ms.36-2 (BCT). Не случайно значительную часть документов Саламанкского университета, отраженных в регистрах папских грамот, составляют истребования пребенд для студентов, преподавателей и, главное, успешно закончивших курс выпускников, в массе своей в XIII–XIV вв. становившихся духовными лицами¹⁶. Статус каноника являлся успешным продолжением карьеры не только для дипломированного богослова, но и для цивилиста. Отбывая на место службы, эти люди забирали с собой и книги.

Таким образом, приходится признать, что университетские рукописи LF из испанских собраний не позволяют получить сколь-нибудь конкретных данных относительно истории преподавания гражданского права в Кастилии и Леоне. Вероятно, их содержат другие источники. Но это уже предмет отдельного исследования.

imperatorum et regum. T. 1. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1893. P. 175–176.

¹⁶ Bulario de la Universidad de Salamanca (1219 – 1549). P. 334, 344, 347, 348, 350.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках программы НИР государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ на 2020 г.

Acknowledgements

The article is written as a part of research project, included into the state assignment programm for the Russian Academy of National Economy and Public Administration in 2020.

Литература

- Марей 2012 – *Марей А.В.* К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96–102.
- Bellomo 2001 – *Bellomo M.* Universidad en la época del Derecho Común. Roma: II Cigno Edizioni, 2001. 320 p.
- Calasso 1954 – *Calasso F.* Medioevo del Diritto. I. Le fonti. T. 1. Milano: Giuffrè, 1954. 664 p.

References

- Bellomo, M. (2001), Universidad en la época del Derecho Común, II Cigno Edizioni, Roma I.
- Calasso, F. (1954), *Medioevo del Diritto. I. Le fonti*, vol.1, Giuffrè, Milano. Italia.
- Marey, A.V. (2012), Notes to understand the phenomenon of the Roman law reception: the instalation of the *ius commune* in the Western Europe from the 13th to the 14th centuries, *Gosudarstvo i pravo*, no. 5, pp. 96–102.

Информация об авторе

Олег В. Ауоров, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 9;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; olegaurov1@yandex.ru

Information about the author

Oleg V. Aurov, Cand. of Sci. (History), associate professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 9, bld. 82, Vernadsky Av., 119571;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; olegaurov1@yandex.ru

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-112-122

Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1942 г.

Михаил Ю. Киселев

*Архив Российской академии наук
Москва, Россия, kiss_RAN@mail.ru*

Аннотация. В статье представлена информация о работе Московского отделения Архива Академии наук СССР в 1942 г. Отделение оставалось единственным архивным учреждением в системе академических институтов и организаций, поскольку Архив АН СССР в Ленинграде в условиях блокады города не мог осуществлять в полной мере научно-методическое руководство архивным делом. Несмотря на ограниченное количество сотрудников, отделение прилагало все возможные усилия по собиранию, обеспечению сохранности, учету, научно-технической обработке документальных комплексов и научно-методическому руководству архивами учреждений и организаций АН СССР, а также по выявлению документов, необходимых для использования в оборонных целях и восстановлению народного хозяйства. Нужно отдать должное и руководству Академии наук СССР, которое обеспечило эвакуацию большинства архивов академических институтов в северные и южные регионы страны, что позволило обеспечить их сохранность. Заслуживает особого внимания самоотверженный труд ученого архивиста А.Н. Прокофьевой, которая с октября 1941 г. по апрель 1942 г. занималась вопросами академического архивного дела. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории академического архивного дела как составной части истории архивного дела в СССР в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: история, архивное дело, Московское отделение, Архив Академии наук СССР, Великая Отечественная война

Для цитирования: Киселев М.Ю. Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1942 г. // История и архивы. 2020. № 2. С. 112–122. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-112-122

Moscow Branch of the Archive of the USSR Academy of Sciences in 1942

Mikhail Yu. Kiselev

Archive of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, kiss_RAN@mail.ru

Abstract. The article provides information on how the Moscow branch of the Archive of the USSR Academy of Sciences worked in 1942. The branch remained the only operating archival institution in the system of academic institutions and organizations, since the Archive of the USSR Academy of Sciences in Leningrad under the conditions of the city blockade could not fully carry out scientific and methodological management of archival affairs. Despite the limited number of employees, the department made every possible effort to search, ensure safety, recording, scientific and technical processing of documentary complexes and scientific and methodological management of the archives of institutions and organizations of the USSR Academy of Sciences, as well as to identify documents necessary for use in the defense purposes and restoration of the national economy. We must also pay tribute to the responsible executives of the USSR Academy of Sciences, who ensured the evacuation of most archives of academic institutions in the northern and southern regions of the country, which made it possible to safeguard their preservation. The dedicated work of the scientific archivist A.N. Prokofieva, who from October 1941 to April 1942 was engaged in academic archival issues, deserves special attention. The information presented will allow expanding the source study base on the history of academic archiving as an integral part of the history of archival affairs in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: history, archival affairs, Moscow branch, Archive of the USSR Academy of Sciences, Great Patriotic War

For citation: Kiselev, M.Yu. (2020), "Moscow Branch of the Archive of the USSR Academy of Sciences in 1942", *History and Archives*, no. 2, pp. 112–122. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-112-122

Московское отделение Архива АН СССР (с 1963 г. – Архив АН СССР) организовано в 1934 г. в связи с переездом Академии наук в Москву. История Московского отделения в годы Великой Отечественной войны недостаточно изучена, исключение составляют исследование Н.М. Осиповой [Осипова 2000, с. 228–233] и публикация автора в периодическом издании [Киселев 2018, с. 77–82], в которых содержатся отдельные сведения о работе отделения в первый год войны. Обратимся к сохранившимся в Архиве РАН

документам о работе Московского отделения Архива АН СССР в 1942 г.¹

К началу 1942 г. в Московском отделении работал всего один сотрудник – ученый архивист А.Н. Прокофьева. Заведующий отделением Ф.Д. Гетман в июле 1941 г. ушел добровольцем на фронт, в октябре ученый архивист З.Н. Нагорова уехала в эвакуацию. 4 февраля 1942 г. инспектором Управления государственными архивами НКВД СССР Б.Е. Иллерицким в присутствии А.Н. Прокофьевой были обследованы состояние и условия хранения документов в Московском отделении². В акте обследования, имевшем гриф «Секретно», указывалось, что в июле 1941 г. были вывезены в Казань 15 тыс. дел. Несмотря на неоднократные запросы со стороны ученых архивистов А.Н. Прокофьевой и З.Н. Нагоровой в Президиум АН СССР о дальнейшей и полной эвакуации оставшихся документальных материалов, вопрос положительного разрешения не получил. Оставшиеся в Москве материалы АН СССР и ее учреждений в количестве около 35 тыс. дел находились в подвальном помещении здания Академии наук, предохранявшем от воздушных налетов.

Б.Е. Иллерицкий указывал, что при проверке сохранности документальных материалов институтов учреждений и организаций АН СССР установлено «массовое и огульное уничтожение документов, имеющих политическое, государственное и научно-историческое значение (Институт энергетики, Отделение технических наук, Институт математики, Академстрой и другие)». В то же время оставшиеся в Москве документальные материалы академических учреждений (Биохимический институт, Институт органической и общей химии, Институт истории, Дом ученых и др.), а также материалы Секретариата АН СССР, Совета по изучению производительных сил СССР, Академпроекта, договора о международных расчетах и личные фонды академиков (В.Л. Комарова, И.М. Губкина, Н.К. Кольцова и других) «представляют огромную не только научно-историческую, но и практическую ценность в смысле оказания помощи при восстановлении хозяйства нашей страны, разрушенного германским фашизмом во временно захваченных и теперь освобожденных районах».

Инспектор предлагал произвести в кратчайшие сроки эвакуацию в глубинные районы страны документальных материалов АН СССР. В случае невозможности эвакуации не допускать перемещения документов в другое помещение или первые этажи здания. Для обеспечения сохранности развернуть работу по приему материалов

¹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 7-м. Оп. 1(1942). Д. 86.

² Там же. Л. 4–4 об.

от учреждений и организаций АН СССР. Московскому отделению АН СССР предлагалось организовать справочную работу по запросам учреждений, «которые проводят работу по восстановлению хозяйства в районах, временно захваченных германским фашизмом и теперь освобожденных, а также усилению промышленно-сырьевой и оборонной мощи нашей страны».

23 марта 1942 г. А.Н. Прокофьева направила на имя Б.Е. Иллерицкого записку, в которой сообщала, что, занимаясь ревизией документов архива, «убедились в огромной ценности материалов фондов «Коммунистической академии» и «Совета по изучению производительных сил СССР (СОПС)»³. Кроме этого, она подчеркивала ошибочный взгляд уполномоченного Президиума АН СССР в Москве С.М. Файланда на Московское отделение Архива АН СССР [недостаточная оценка значимости документальных комплексов], который направил неверные сведения как Б.Е. Иллерицкому, так и вице-президенту АН СССР О.Ю. Шмидту. А.Н. Прокофьева спрашивала мнение инспектора о своевременности составления научно-тематической картотеки с целью использования архивных материалов «СОПСа» «в работах по изысканию полезных ископаемых и других природных богатств для Родины». По ее мнению, «за создание такой научной картотеки говорит сама жизнь, с другой стороны, будет ли это своевременно при невыясненном положении Московского отделения».

Отделение Архива АН СССР в Москве уделяло пристальное внимание вопросам обеспечения сохранности документов в академических учреждениях и организациях. Об этом свидетельствует письмо Уполномоченного Президиума АН СССР в Москве С.М. Файланда от 30 марта 1942 г. на имя заместителя народного комиссара внутренних дел СССР С.Н. Круглова⁴. В письме указывалось, что приняты все меры для выяснения количества уничтоженных материалов и материалов, хранящихся в архивах учреждений и организаций. Однако эта работа замедлялась вследствие назначения новых уполномоченных, совершенно незнакомых с архивами своих учреждений. Основные институты и учреждения АН СССР были эвакуированы в разные города страны, некоторые из них вывезли свои архивы. По мере поступления сведений от институтов и учреждений предполагалось отправлять их в Управление государственными архивами НКВД СССР, «вернее – сводки о материалах эвакуированных, находящихся в Москве и уничтоженных».

Ученый архивист А.Н. Прокофьева 4 апреля 1942 г. направила письмо заведующему секретариатом АН СССР в Казани А.А. Доро-

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 8–8 об.

фееву, в котором просила запросить у академических институтов, находящихся в регионе, сведения о количестве хранящихся в их архивах документальных материалов до момента эвакуации, вывезенных ими, уничтоженных и оставленных в Москве⁵. Одновременно в целях усиления контроля за работой по отбору документальных материалов, потерявших «оперативное и научно-историческое значение», Московское отделение просило принять меры для проведения следующих мероприятий.

1. Установить обязательный порядок согласования актов и отборочных списков, составляемых на документальные материалы, не подлежащие хранению в академических учреждениях, с местными отделениями управлений государственными архивами НКВД и УНКВД краев и областей.

2. Вся дальнейшая работа по выделению в архивах и текущем делопроизводстве материалов, не имеющих оперативного и научно-исторического значения, должна проводиться в строгом соответствии с Положением о Государственном архивном фонде СССР, инструкцией НКВД СССР от 6 июля 1941 г. № 156 и Перечнем дел и документов АН СССР со сроками хранения.

При этом Московское отделение направляло инструкцию Управления государственными архивами НКВД СССР и формы актов, отборочных списков на материалы, не подлежащие хранению, и описей на материалы, подлежащие хранению, для передачи их в институты.

22 апреля 1942 г. ученый архивист А.Н. Прокофьева направила в организационно-методический сектор Управления государственными архивами НКВД СССР докладную записку, в которой сообщала, что при обследовании академических институтов и учреждений обнаружено уничтожение делопроизводственных архивов и личных дел сотрудников по всей системе АН СССР; что касается научных архивов институтов, то они частично сожжены, частью вывезены и частью оставлены в Москве⁶. К докладной записке был приложен перечень 36 академических институтов и организаций, уничтоживших, частично уничтоживших и сохранивших свои архивы; при этом сообщалось, что 14 институтов сведения не предоставили.

В мае 1942 г. ученый архивист З.Н. Нагорова вернулась из эвакуации, заведующий отделением Ф.Д. Гетман в июне приехал с фронта после контузии; в результате работа по обследованию состояния академических архивов активизировалась. Сохранились акты проверки учреждений АН СССР комиссией Московского

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 39–42.

отделения. В акте от 10 июня 1942 г. по проверке Института философии⁷ отмечалось, что архивные материалы размещались в одной из комнат третьего этажа здания, в незапертых шкафах, потолок протекает, на полу не просыхающие лужи, комната не запиралась. В целях сохранения архивных материалов института комиссией принято решение о перемещении их в помещение Московского отделения.

В акте от 11 июня 1942 г.⁸ по проверке Института экономики сообщалось, что архивные материалы «являются совершенно беспризорными, они свалены грудой в одной из комнат первого этажа разрушенного здания, Весь материал усыпан мелким битым стеклом и штукатуркой, часть материала отсырела, некоторые вязки мокрые и стали плесневеть». При беглом осмотре установлено, что отдельные материалы представляли историческое и практическое значение: научные доклады, отчеты, планы, документы по сельскохозяйственной переписи и по личному составу. Комиссией было принято решение в срочном порядке перевезти архивные документы института в помещение Московского отделения.

В акте от 21 июля 1942 г.⁹ указывалось, что в помещениях Института истории обнаружены «груды бумаг, в страшном беспорядке, вперемежку с книгами, брошюрами, диаграммами, разным старьем, мусором и битым стеклом, среди них имеются разрозненные машинописные и рукописные материалы». Определить их историческую и научную ценность не представлялось возможным, научный сотрудник Лебедева отказалась это сделать. По мнению комиссии, в этих грудях «могли находиться документы научного значения, а также секретные, которые могли бы быть использованы во враждебных Родине целях». Комиссией были отобраны шесть папок документов для определения их научной и практической значимости. При этом сохранилась информация о том, что часть архива была эвакуирована в Ташкент, другая – осталась в Москве и хранится в двух подвальных помещениях.

Активная работа Московского отделения АН СССР по обеспечению сохранности архивных документов академических учреждений имела положительные результаты: большинство институтов прикладывали все возможные меры к сохранению оставшихся в Москве документов. Московское отделение постоянно информировало организационно-методический сектор Управления государственными архивами НКВД СССР о положении архивов в институтах АН СССР: уничтожении документов в 1941 г.,

⁷ Там же. Л. 78.

⁸ Там же. Л. 82.

⁹ Там же. Л. 57–59.

количестве эвакуированных дел и дел, оставшихся в Москве, состоянии обеспечения сохранности документов.

В записке заведующего отделением Ф.Д. Гетмана, составленной к совещанию работников архивов наркоматов и ведомств в 1942 г. в Управлении государственными архивами НКВД СССР¹⁰, указывалось, что в вывезенном архиве Московского отделения Архива АН СССР в Казани «работа не ведется, и нет ответственного за архив». При этом сообщалось, что большинство архивов академических учреждений были эвакуированы вместе с институтами в Казань, Свердловск, Ташкент, Алма-Ату, Фрунзе, Миасс, Ашхабад, Ульяновск. Заведующий Московским отделением указывал на проблемы, стоящие как перед отделением, так и перед академическими учреждениями в области архивного дела, а также пути их решения:

1. Администрация центрального аппарата АН СССР, как и администрация академических учреждений, недооценивали значение архивных материалов «и сплошь и рядом относятся к архивным документам и нуждам архива чисто формально».

2. «Особенно отрицательно на постановке архивного дела в системе АН СССР сказывается тот факт, что в 95% учреждений не было и нет архива как такового (кроме 8–10 учреждений) и нет лица, специально прикрепленного к архивным материалам, а ведают ими несколько лиц: так называемым научным архивом – ученый секретарь, бухгалтерскими материалами – бухгалтера, деловой документацией – технические секретари. Секретари вечно меняются и в силу своей загруженности не имеют возможности уделять должного внимания архиву, а главное – не имеют специальной квалификации по архивно-техническим вопросам».

3. Помещение Московского отделения являлось недостаточным, вследствие чего концентрация документальных комплексов затруднена: неоднократные обращения к администрации Президиума АН СССР результатов не принесли.

4. Для обеспечения сохранности архивных материалов в системе АН СССР необходимо «всю ответственность за архивы возложить на директоров или ответственных лиц институтов и учреждений, не сумевших обеспечить сохранность, привлекать к ответственности». Обязать директоров институтов выделить ответственных за сохранность архивных материалов, а где это возможно – специального работника для ведения архивной работы и ответственного за хранение архивных документов. Московскому отделению необходимо усилить контроль над архивами в системе АН СССР, предоставить необходимые консультации и требовать от академических учреждений ежеквартальных сведений о состоянии архивных мате-

¹⁰ Там же. Л. 93–97.

риалов. Просить Управление государственными архивами НКВД СССР разработать директивное письмо, «которое послужило бы правилом для всех архивов по обеспечению сохранности архивных материалов во время войны. В письме указать, какие должны быть приняты меры, в случае необходимости, какие именно материалы должны быть эвакуированы в обязательном порядке, а какие могут быть оставлены на месте».

Ф.Д. Гетман указывал на задачи, стоявшие перед Московским отделением в условиях военного времени:

1. «Охрана архивных материалов, как в своем хранилище, так и в учреждениях и организациях системы АН СССР».
2. «Собирание» архивных материалов умерших академиков и членов-корреспондентов, прием на временное хранение архивов от отдельных академиков и ученых, а также академических учреждений, «не имеющих подходящих помещений для сохранения от вражеских налетов».
3. «Разборка архивных материалов, принятых в большом количестве во время войны в неупорядоченном виде, в целях обеспечения их сохранности».
4. Выделение материалов, не подлежащих хранению.
5. Выдача справок биографического характера.
6. Тематическое выявление документов по истории Академии наук СССР в военное время и перед войной и документов, имеющих оборонное значение.

В рамках комплекса работ по сохранению документальных комплексов Московским отделением Архива АН СССР 9 сентября 1942 г. были подготовлены два письма «Всем учреждениям системы АН СССР» за подписью секретаря Президиума АН СССР Н.Г. Бруевича, тиражом 140 экземпляров, отправленные 15 сентября 1942 г.¹¹ В первом письме на руководителей учреждений, «в каких бы условиях они ни находились», возлагалась ответственность «за собирание, учет и сохранность документальных материалов о зверских насилиях фашистских варваров над военнопленными Красной Армии и мирным населением, разрушениях государственных зданий, уничтожении научных, исторических и культурных ценностей Советского государства». Указывалось, что эти зверства могли найти отражение как в многочисленных документах, отложившихся в делопроизводстве учреждения, так и в документах, поступивших от отдельных граждан, других учреждений и организаций. Запрещалось производить на документах какие бы то ни было пометки и надписи; документы должны быть учтены, на них должна была составлена опись и обеспечена их сохранность.

¹¹ Там же. Л. 109–110.

Во втором письме Архив АН СССР и состоявшая при нем Комиссия по истории Академии наук обращалась как к учреждениям, так и к отдельным лицам с просьбой оказать содействие в собирании материалов по истории Академии наук в дни Великой Отечественной войны. В числе таких материалов могли бы быть:

- записки и дневники отдельных ученых и научных сотрудников, «связанные с текущими событиями, в подлинниках, копиях или извлечениях»;
- точные записи хронологических дат событий в истории учреждения: о достижениях и научных работах, связанных «с оборонной тематикой, лекциях и массовой работе»; точные записи «о фашистских злодеяниях, гибели научных ценностей, разрушении культурных памятников, гибели отдельных ученых при обстрелах, бомбардировках, пожарах, разрушениях»;
- письма научных сотрудников из действующей армии (или копии с них);
- материалы для биографии сотрудников АН СССР – участников войны, «особенно героев, отличившихся в боях, и их фотографии, а также ученых, чем либо отличившихся в тылу, работая на оборону по своей специальности»;
- точные биографические сведения о сотрудниках, погибших на фронте или в тылу, даты и обстоятельства их смерти;
- книги и оттиски статей, отражавших работу ученых в дни войны, «по возможности, с авторскими дополнениями»;
- записи фольклорных материалов, собранных учеными (стихов, частушек, поговорок и других, связанных с войной).

При этом указывалось, что список «является лишь примерным и отнюдь не исчерпывающим». Предлагалось направлять материалы в Архив АН СССР в Ленинграде, в Московское отделение Архива АН СССР, АН СССР в Казани и Президиум АН СССР в Свердловске. Московское отделение раньше других архивов страны приступило к выявлению документальных материалов, необходимых для использования в оборонных целях и восстановления народного хозяйства. Д.Ф. Гетман сообщал, что в 1942 г. был разобран, систематизирован и описан фонд вице-президента АН СССР, академика И.М. Губкина, в котором содержались материалы по нефтяным месторождениям и запасам нефти в СССР. Описи фонда И.М. Губкина были своевременно отправлены в Президиум АН СССР в Казань¹². В этот период по специальным заданиям Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной армии, которой руководил академик А.Е. Ферсман, была проведена работа по выявлению документов о Нижнем Поволжье и Прикаспийской

¹² Там же. Оп. 1 (1943). Д. 106. Л. 15–18.

низменности в фонде Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР¹³.

В заключение отметим, что Московское отделение Архива АН СССР в 1942 г. оставалось единственным архивным учреждением в системе академических институтов и организаций, поскольку Архив АН СССР в Ленинграде в условиях блокады города не мог осуществлять в полной мере научно-методическое руководство архивным делом. Несмотря на ограниченное количество сотрудников, Московское отделение прилагало все возможные усилия по собиранию, обеспечению сохранности, учету, научно-технической обработке документальных комплексов и научно-методическому руководству архивами учреждений и организаций АН СССР, а также по выявлению документов, необходимых для использования в оборонных целях и восстановления народного хозяйства. Нужно отдать должное и руководству Академии наук СССР, которое обеспечило эвакуацию большинства архивов академических институтов в северные и южные регионы страны, что позволило обеспечить их сохранность. Заслуживает особого внимания самоотверженный труд ученого архивиста А.Н. Прокофьевой, которая с октября 1941 г. по апрель 1942 г. занималась вопросами академического архивного дела. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории академического архивного дела как составной части истории архивного дела в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Литература

- Киселев 2018 – *Киселев М.Ю.* Из истории архивного дела в России: Московское отделение Архива Академии наук СССР в 1941 г. // Научная мысль: традиции и инновации: Сб. науч. тр. Магнитогорск, 2018. Вып. 7. С. 77–82.
- Осипова 2000 – *Осипова Н.М.* Архив АН СССР (1917–1941 гг.): проблемы организации, комплектования, хранения и использования документации научных учреждений: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 228–233.

References

- Kiselev, M.Yu. (2018), 'From the history of archiving in Russia: Moscow Branch of the Archive of the USSR Academy of Sciences in 1941', in *Nauchnaya mysl': traditsii i innovatsii: sbornik nauchnykh trudov* [Scientific Thought. Traditions and Innovations. A collection of scientific papers], iss. 7, Magnitogorsk, Russia, pp. 77–82.

¹³ Там же. Л. 7 об. – 8.

Osipova, N.M. (2000), *Archive of the USSR Academy of Sciences in 1917-1941. Issues of the organization, acquisition, storage and use of documentation of scientific institutions*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia, pp. 228–233.

Информация об авторе

Михаил Ю. Киселев, кандидат исторических наук, Архив Российской академии наук, Москва, Россия; Россия, 117218, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34; kiss_RAN@mail.ru

Information about the author

Mikhail Yu. Kiselev, Cand. of Sci. (History), Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 34, Novocheremushkinskaya Str., Moscow, Russia, 117218; kiss_RAN@mail.ru

Национальный архив Франции – возможности и проблемы заимствования его модели другими странами в XX в.

Виктория Б. Прозорова

*Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе,
Париж, Франция, prozorovaviktoriya@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены проанализированные в историографии явные и неочевидные факторы, способствовавшие в XX в. успеху или неудаче внедрения модели Национального архива в странах, бывших колониями или провинциями европейских империй (Марокко, Сенегал, Вьетнам, Ливан, Польша, Эстония, Финляндия, Болгария), с разной степенью развития архивной теории и методики. Используя материалы некоторых книг и статей по истории национальных архивов, изучив законы и декреты этих стран об архивах, а также и отчеты о работе архивных учреждений, автор нашел несколько критериев, необходимых для обеспечения успеха при создании эффективных национальных архивов. Эффективность Национального архива, по мнению автора, заключается в наличии у него сети подчиненных местных учреждений, органов разработки и внедрения методики и национальной архивной политики, а также в регулярном и репрезентативном комплектовании и широком использовании важнейших документов по истории страны. Наиболее важными критериями являются предварительное существование в стране центральных или министерских архивов, передача методики, основных элементов теории и организационных приемов от метрополии к местным властям и создание в момент обретения независимости (либо предварительное наличие в колониальный период) корпуса местных квалифицированных кадров архивистов.

Автор попытался изучить, насколько международное архивное сотрудничество и обмен информацией и методическими и нормативными документами являются полезными и эффективными при создании национальных архивов и какие их формы организации Национального архива являются оптимальными для использования.

Ключевые слова: Национальный архив, Эстония, Финляндия, Франция, Бельгия, Болгария, Ливан, Марокко, Сенегал, Вьетнам, Польша, Россия, архивное законодательство, международное сотрудничество

© Прозорова В.Б., 2020

Окончание. Начало см.: История и архивы 2020. № 1.

Для цитирования: Прозорова В.Б. Национальный архив Франции – возможности и проблемы заимствования его модели другими странами в XX в. Окончание // История и архивы. 2020. № 2. С. 123–138. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-123-138

French National Archives. The probability of setting up its model in other countries in the 20th century

Victoria B. Prozorova

*Magazine “Herald of an Archivist » in Europe, Paris,
France, prozorovaviktoriya@gmail.com*

Abstract. This article deals with both the implicit and the explicit factors in the historiography that led in the 20th century to the failure or success of the National Archives model in the countries of the former colonies or provinces of the European empires (Morocco, Senegal, Vietnam, Lebanon, Poland, Estonia, Finland, Bulgaria) whose archival theory and methodology were at different levels of development.

On the material of some books and articles on the history of the national archives, scrutinising national laws and decrees and taking into account institutional reports, the author found several criteria that should necessarily be met to ensure the success when creating efficient national archives. The author argues that the effectiveness of the National Archives is set in the existence of the network of local institutions subordinate to it, of the organs that prepare and implement the methods and the national policy of archives as well as the regular and representative acquisition of the most important documents on national history and in their wider communication.

The most important criteria are the previous existence in the country of central or ministerial archives, the transfer of methodology and essential elements of theory as well as organizational skills from the metropolitan country to the local authorities and the creation during the years of independence or the previous existence during the colonial period of local skilled bodies of archivists.

The author attempts to find out if the international archival cooperation or the information, regulation, methodical and normative document exchanges prove to be useful and effective in order to create national archives and what the best frame to organize the latter is.

Keywords: National Archives, Estonia, Finland, France, Belgium, Bulgaria, Lebanon, Morocco, Senegal, Vietnam, Poland, Russia, archival laws, international cooperation

For citation: Prozorova, V.B. (2020), “French National Archives. The probability of setting up its model in other countries in the 20th century. The ending”, *History and Archives*, no. 2, pp. 123–138. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-123-138

Страны Европы

Охвативший в XIX в. Европу процесс становления национальных государств привел в начале XX в. к разрушению освященных традицией империй, хотя и пытавшихся возродиться в более современных «идеологических» формах. Без учета фактора имперского наследия, в которое можно включить и архивные документы, и высшее образование архивистов, и историографические курсы, и способы их построения, сложно оценить оригинальность созданных после Первой мировой войны архивных систем и национальных историографических дискурсов. Ограничимся странами, находившимися в составе или под сильным влиянием Российской империи, всегда действовавшей на национальных территориях своей европейской части методами, сходными с «прямым управлением». Их примеры особенно интересны и тем, что каждую из этих стран связывали особые отношения и с Францией.

Финляндия

Национальный архив Финляндии не создавался «с нуля» после обретения страной независимости, а имел возможность «созреть», вырасти организационно и методически из архива Сената, созданного в 1816 г. Автономия Финляндии в рамках Российской империи не только позволила этому архиву получить по Фридрихсгамскому миру документы из Стокгольма в порядке реституции, но и приобрести опыт работы в качестве архива центрального учреждения страны, и в качестве хранилища исторических документов по истории страны принимавшего исследователей уже с 1859 г. Финляндия провела первую половину XX в. в поисках национального примирения и наилучшей формы государственного устройства. Примечательно, что, хотя будущая Национальная (Университетская до 2006 г.) библиотека Хельсинки тоже создавалась еще русскими властями и получала обязательные экземпляры всех книг, публиковавшихся в империи, между ней и Национальным архивом не возникало серьезных разногласий. К моменту принятия закона об архивах 1981 г. в стране работали Национальный архив, региональные архивы и архивы национально-культурных автономий. Закон об архивах 1994 г. объединил Национальный архив, семь региональных архивов и архив Саамского региона в Национальную архивную службу. Возможно, именно ее создание позволило архивам Финляндии модернизировать документооборот, создать хранилища электронных документов и наладить эффективную реституцию и обмен микрофильмами фондов «общего достояния» с соседними

странами. Но для снижения управленческих расходов структура архивной отрасли регулярно упрощалась. В 2008 г. Военный архив и Архив государственного совета стали подразделениями Национального архива, а с 1 января 2017 г. руководящие полномочия «Архивной службы» были законом 1145/2016 переданы Национальному архиву, в который на правах подразделений вошли семь региональных архивов и архив региона Саами. Укрупнение в 2017 г. создало структуру, сходную с Главным архивом Бельгии: центральные и региональные архивы в статусе подразделений и отделы со сквозной функциональной компетенцией – научно-справочный, классификации и хранения документов и научных исследований. Неслучайно финские архивисты, активно участвовавшие в работе DLM – Форума и МСА, не создавали подразделений по изучению «новых», «технотронных» архивов, а поручили разработку этих проблем научному отделу, успешно решающему проблемы новых носителей, опираясь на традиционную архивную доктрину. Мы не знаем, насколько финские архивисты ориентировались именно на знакомую им бельгийскую модель, но подчеркиваем сходство архивных систем двух стран и успешную работу этой модели Национального архива в современных условиях снижения финансирования¹.

Польша

Нельзя забывать, что архивы, создававшиеся в Польше разделившими ее державами, все-таки организовывали и хранили документы по польской истории, в них постепенно стали работать и польские специалисты. Например, Главный архив, созданный еще в 1808 г., играл роль центрального архива русской части страны в период автономии и, по мнению авторов юбилейного издания «Польские архивы», заложил основы работы ведомственных архивов Польши [Chmielewski 1998, p. 56]. В 1815–1916 гг. издавались работы польских архивистов по теории архивоведения и дипломатике, по истории фондов польских архивов, что подготавливало базу для создания польской архивной науки и отрасли [Матяш 2012,

¹ The Strategy of the National Archives 2020 Arkistolaitos (The National Archives Service of Finland). 17 p., available at https://issuu.com/kansallisarkisto/docs/kansallisarkiston_strategia_en (Accessed 28 Feb. 2020); См. также на русском: Стратегия Национального архива Финляндии до 2020 года / Пер. Е. Бартеневой // Документоведение и архивное дело за рубежом: информационный сборник статей / ОЦНТИ ВНИИДАД. 2018. № 1 (44). С. 15–24.

с. 225–226]. Подчеркнем, что на момент обретения независимости у Польши были высокопрофессиональные архивисты, выпускники историко-филологических факультетов Петербургского (С. Пташицкий), Ягеллонского (Краков; К.Б. Конарский) университетов. Оставалось их объединить в профессиональное сообщество.

Создание архивной отрасли в независимой Польше дает примеры ряда исключений из общих правил и богатую пищу для размышлений для архивистов, прежде всего о том, насколько острая потребность в национальной идентичности и национальном примирении способствует развитию архивного дела и архивной науки в стране. Напомним, что Декрет об архивах 8 февраля 1919 г. широко обсуждался в польской прессе, несмотря на войну, и был принят до введения в действие Конституции страны, что показывает актуальность архивной проблемы для польского общества.

Вновь созданную отрасль возглавил Департамент архивов при министерстве Народного просвещения и религии. В помощь Департаменту создали консультативный Совет из представителей государства, церкви, видных историков, руководителей архивов Польши и исследователей в области архивного дела. Интересно, что подчиненность архивного ведомства министерству Просвещения, которую французские историки считают не самой удачной (хотя в период активного построения идеологического и исторического дискурса в III Республике архивы и музеи Франции подчинялись именно министерству Просвещения), говорит вовсе не о слабости архивной отрасли Польши, но скорее о ее активном участии в создании дискурса о национальной истории. Но особенное внимание польской историографии заслужил сам Департамент архивов, насчитывавший всего 11 человек, сумевших в межвоенный период организовать координацию архивных исследований и работ. В сферу компетенции Департамента не попали из-за унаследованных от Российской империи традиций ведомственности архивы МИД и большинство военных архивов. Не зависел от него и созданный в 1932 г. Архив древних актов в Кракове, в непростое межвоенное время, когда, по признанию К. Козловского, все в новой архивной отрасли казалось временным. Несмотря на это, Департамент сумел решить несколько актуальных задач.

Прежде всего, Департамент архивов стал координировать работу местных архивов, унаследованных от стран с высокой, но разной (австрийской, германской и российской) архивной культурой. В начале 1920-х гг. в стране насчитывалось более 20 государственных архивов, а к концу 30-х из-за присоединения к архивной отрасли исторических архивов ведомств их было уже около 120. Вновь созданная архивная власть, разумеется, испытывала в ситуации документного бума и зарождения новой национальной

бюрократии проблемы с контролем над источниками комплектования, но для этой работы требовалась материальная и методическая база [Chmielewski 1998, P. 59].

На разоренной войной территории не хватало помещений для хранилищ, поэтому приходилось переоборудовать под них старые здания. Из-за перемещения фондов в войну многие справочники устарели и требовали переработки. При этом научный потенциал вновь созданных – центральных и региональных – архивов был столь высок, что практически сразу началось издание архивных справочников: с 1923 г до 1939 г. вышло 17 томов обзоров фондов государственных архивов Польши. Параллельно с освоением хранящегося на территории страны архивного наследия шло выявление документов по польской истории в архивах соседних стран и переговоры об их реституции, не всегда успешные, но способствовавшие развитию архивной теории [Матяш 2012, с. 232].

Унификации методики и созданию единого сообщества архивистов, необходимых для решения всех этих задач, серьезно способствовали регулярные совещания и встречи архивистов, а также съезды историков, первый из которых состоялся в 1925 г. [Матяш 2012, с. 228].

Но кроме них, особая ситуация польского архивоведения, рождавшегося в спорах трех доктрин, потребовала создания научной периодики, посвященной теоретическим проблемам архивоведения. Журнал «Архейон» начал выходить в 1927 г., на шесть лет раньше, чем знаменитая «Архивная газета» Франции, и имел очень высокий научный уровень. Для нас особенно важно, что в публикациях Т. Майнтойфеля подробно изучались вопросы организации и французских, и других европейских (по результатам поездки), и советских архивов [Матяш 2012, с. 233].

Для решения вышеназванных задач, стоявших перед отраслью, Департамент архивов прежде всего подбирал квалифицированный персонал, в основном из специалистов по архивам XIX–XX вв. При этом вклад разных учреждений сети в развитие методики был неравномерен, архивы Южной Польши активно работали с центральными архивами и Департаментом. Сильными в методическом отношении были архивы Люблина, Вильно, Львова, Кракова, но главными «локомотивами» развития отрасли стали два центральных архива в Варшаве – Государственный архив древних актов и Государственный архив новых актов.

Один из старейших в стране Государственный архив древних актов в Варшаве работал еще с 1867 г. Его директор Казимир Конарский быстро организовал начиная с 1919 г. прием на хранение фондов учреждений Царства польского до Первой мировой войны, эвакуированных в 1914–1916 гг. Он создал при архиве курсы повы-

шения квалификации и издал в 1929 г. первый польский учебник архивоведения «Современная польская архивистика и ее задачи» [Матяш 2012, с. 233].

Но Архив древних актов не смог остаться единой основой Национального архива и в 1930 г., после дебатов о возможном создании «Архива войны» для хранения массы документов 1914–1918 гг. и учреждений новой польской государственности был создан еще один центральный архив – Новых актов. Авторы издания «Польские архивы» считают его создание поворотным моментом в истории архивного дела в Польше, так как это было методически сильное учреждение [Chmielewski 1998, Р. 60]. Наличие двух «секций» национального архива, достаточно независимых юридически и методически, возможно, стало стимулом развития польского архивного дела. Специалисты этих двух архивов очень активно участвовали в строительстве отрасли, работе с сетью местных архивов и развитии архивного образования. Подготовка архивистов шла при Государственном архиве древних актов и при архивной секции Ассоциации любителей истории Варшавы, издавшей с 1925 г. девять томов лекций. Хотя в межвоенный период архивное учебное заведение не было создано (обсуждались проекты и изучался зарубежный опыт), но сложившееся триединство разного по полученному образованию и опыту работы, объединенного общим энтузиазмом и патриотизмом корпуса архивистов, и стало, по-видимому, залогом прорыва в польском межвоенном архивоведении.

Быстрое восстановление и успешное развитие архивной отрасли Польши после 1945 г., несмотря на потери в архивном фонде страны: создание специализированных центральных архивов для «новых» носителей (например, Архива механической документации для кинофотофонодокументов в 1955 г. и Национального аудиовизуального института в 2009 г.), успехи в комплектовании, развитие сети архивов воеводств и повоев, создание после 1949 г. университетского архивного образования, а также принятие в 1983 г. закона «О Национальном архивном фонде и архивах», создание «Института национальной памяти» в 1998 г. для спасения от уничтожения и изучения архивов репрессивных органов – стали возможны благодаря высокому профессионализму архивистов, унаследовавших школу их коллег межвоенного периода и созданную ими методику.

Эстония

Хотя Национальный архив Эстонии был создан только после Освободительной войны, в марте 1920 г., т. е. на два года позже, чем Национальная библиотека новой страны, он, опираясь на

опыт и архивных дебатов, и архивного «нестроения» в Российской империи, быстро сумел организовать слаженную работу отделений в Тарту и Таллине, подготовить первый закон об архивах 1935 г., начать систематическое выявление и сохранение кинематографического наследия страны. Послевоенный советский период стал временем создания сети, связавший центральные архивы, 10 региональных архивов и архивы крупных городов, к которым в 1971 г. прибавился архив кинофотодокументов. Большое значение имели также унификация методики и создание системы научно-справочного аппарата с публикацией ключевых его элементов. Полагая, что опыт работы в качестве центральных архивов советской республики позволил будущим подразделениям Национального архива Эстонии вырасти и укрепиться методически и организационно. Плодотворная работа архивистов Эстонии во второй половине XX в., их включенность в советскую и международную систему обмена опытом, а также советское архивное образование позволили архивной системе страны приобрести солидный запас прочности.

С обретением независимости в 1991 г. Государственный и другие центральные архивы Эстонии были объединены в Национальный архив, подчиненный канцелярии, который и принял на себя от упраздненного Управления руководство региональными архивами, оформленное окончательно в 1999 г. Первый закон об архивах 1998 г. был заменен в 2011 г. новым, весьма либеральным с точки зрения минимального государственного вмешательства в судьбу архивов законом, утверждавшим, однако, Национальный архив в качестве головного учреждения отрасли. Эта модель Национального архива, за исключением наличия автономии архивов ключевых министерств, похожа больше не на Национальный архив Франции, а на бельгийский Главный архив Королевства: прямое руководство сетью региональных и центральных архивов и наличие в структуре как «региональных», так и сквозных отделов, специализированных на актуальной для отрасли тематике (например, Бюро цифровых архивов).

Роль Национального архива Эстонии как одного из ведущих инструментов построения и поддержания национальной идентичности особенно ярко подтверждают нормативные и методические документы о его комплектовании, предписывающие стремиться документировать не только работу эстонского государства, но и все аспекты жизни общества². Этот отход от обозначенной в законе

² Зверева Н.Е., Бартенева Е.Н. Политика комплектования Национального архива Эстонии: реферат // Документоведение и архивное дело за рубежом: информационный сборник статей / ОЦНТИ ВНИИДАД. 2018. № 1 (44). С. 25–40.

либеральной доктрины, на наш взгляд, в значительной степени объясняется тесным сотрудничеством Национального архива Эстонии с архивистами Франции – специалистами Национального архива и членами Ассоциации архивистов Франции, посещавшими Эстонию в качестве консультантов.

Знаменательно, что эстонские законодатели сделали попытку избежать конкуренции между разными учреждениями, собирающими и хранящими национальное достояние, чего не смогли добиться, например, архивисты Франции, Швейцарии и Болгарии. Национальный архив Эстонии обязан организовать «эффективный коллегиальный обмен информацией», т. е. запрашивать мнение комплектовщиков национальным достоянием учреждений – Национальной библиотеки и других архивов, – и сообщать им свое решение по комплектованию тем или иным видам источников. Такие правила комплектования – это не акт политического прекраснотушения, а создание эффективного инструмента борьбы с дроблением вновь поступающих на хранение архивных фондов³. Произошедшая оптимизация структуры архивной отрасли Эстонии и поворот ее архивной стратегии от модного в 1990-е гг. либерализма к более привычному для Европы охранительному направлению были бы невозможны, если бы Национальный архив не прижился и не стал бы работать в полную силу именно как головное учреждение отрасли.

Болгария

Архивная отрасль Болгарии была сформирована через 73 года после обретения страной независимости, лишь в 1951 г. Возможно, архивной централизации в Болгарии помешала воспринятая от Российской империи традиция создания сильных ведомственных архивов и общая для Европы проблема конкуренции архивов и библиотек за хранение «престижных» исторических документов и личных фондов.

Профессиональное сообщество историков и филологов Болгарии довольно быстро заинтересовалось вопросами сохранения письменного наследия и, в его эмигрантской части, зарубежным опытом в этой сфере. Помогло становлению болгарской архивной школы и наличие в двух поколениях ученых с зарубежным архивным и историческим образованием. Еще в 1941–1942 г. архивист, историк и библиограф Иван Богданов (1910–1992), для которого коммунисты были политическими оппонентами [Петрова, Петко-

³ Там же. С. 28, 39.

ва 2014, с. 2], писал: «В большинстве европейских стран архивное дело развивалось под влиянием вековых традиций и на основе применяемого в течение долгого времени порядка в архивных коллекциях. По этой причине даже наиболее просвещенные архивисты не могли построить архивное дело в своих странах на новых основах и вынуждены были приводить свои концепции и новые исследования о научной работе в соответствие с вековой традицией. Целесообразность оказалась во многих случаях бессильной перед традицией и ее жестоким порядком. И так архивистика на Западе приобрела описательный, а не нормативный характер. Можно ожидать из-за всего этого, что принципы современной архивистики будут разработаны в странах, свободных от гнета традиции, конечно, не упуская из виду предшествующего развития архивоведения, но имея в виду прежде всего современные методы научной работы. Наиболее свободны в своих взглядах – советские и американские архивисты. Не особенно затронуты традицией также немцы» [Петрова, Петкова 2014, с. 72]. Очевидно, что, не называя Францию, И. Богданов пишет и о проблемах в схеме классификации ее Национального архива, а также признает наличие двух очень разных моделей архивной отрасли, каждая из которых по-своему преодолела недостатки исходной французской модели: советской и американской.

Полагаем, что к моменту смены режима в болгарской методике созрела готовность переломить традицию ведомственности, но нужен был человек, обладавший одновременно и необходимыми знаниями, качествами организатора, сильным характером и острым умом. Эти качества счастливо сошлись в первом руководителе архивной отрасли Болгарии – М. Алексиеве, сумевшем «за очень короткое время заложить основы архивов страны и добиться их успешного развития» [Петрова, Петкова 2014, с. 17]. Поэтому в Болгарии прежде всего была сформирована сильная нормативная база: указом от 10 октября 1951 г. создавался Национальный архивный фонд (НАФ), а затем, как инструменты его формирования и сохранения – в 1952 г. центральные архивы и в 1959–1960 гг. – 12 первых окружных (региональных) архивов. Характерно, что создание Исторического государственного архива (ЦДИА) сопровождалось серьезной дискуссией о том, должны ли в новый архив передаваться архивные документы из Национальной библиотеки, причем библиотека не только сохранила свои позиции, но даже пыталась возглавить методически и организационно архивную отрасль на правах более старого и компетентного учреждения, работающего с национальным достоянием. К счастью, М. Алексиев сумел отстоять независимость архивов от библиотек и добился в 1971 г. передачи архивов из Комитета по культуре в Министерство информации.

Надеюсь, болгарские коллеги согласятся с допущением, что два центральных архива, созданных в 1952 г.: Исторический (ИДИА) и Государственный (ИДА на НРБ), а также созданный в 1974 г. Центральный государственный технический архив (ИДТА) сравнимы в эту эпоху достаточно сильной, по советскому образцу, централизацией с секциями Национального архива. Их объединение в рамках одного юридического лица – Центрального государственного архива – произошло с целью снижения расходов на их содержание уже в эпоху демократизации, в 1992 г., а в 1993 г. в управление нового центрального архива были переданы фонды бывшего Центрального партийного архива.

Очень интересно для нас признание Е. Петровой и С. Петковой, что у них «вызывает недоумение вопрос, который можно еще услышать от коллег», о том, «по французской или по советской модели создавались государственные архивы» в Болгарии. Они считают, что модель централизации была французской, но в советском варианте, с «полной», «тотальной» централизацией, «основанной на государственной собственности (в том числе и на документальное наследие)» и на «плановом управлении экономикой и культурой». Мы согласны с тем, что Болгария заимствовала советскую версию архивной системы, а именно организации («секции» национального архива, являющиеся отдельными юридическими лицами) и руководства (создание Управления архивами, имеющего «национальные» полномочия одновременно с самими архивами – «секциями») отраслью, но для нас важна и констатация болгарскими архивистами несомненного родства советской архивной системы с французской. Родства, заметного и в зрелом возрасте этих систем в 1950-е гг., а не только при их зарождении. В том, что в Болгарии комплектование частными фондами почти всегда было делом добровольным, можно усмотреть и влияние более либеральной, уважительно относящейся к частной собственности французской модели. Посмотрим, почему же в Болгарии заимствование советской версии французской модели национального архива в целом удалось.

Во-первых, М. Алексиев стремился построить единую отрасль, преодолеть раскол между архивистами уже существовавших и вновь создаваемых учреждений, привлекая самых компетентных из тех и других структур к созданию методических документов [Петрова, Петкова 2014, с. 21]. Обширный и подробный методический комплекс, а также нормы – указы и закон о Национальном архивном фонде – играют роль краеугольного камня в болгарской архивной системе.

Несомненным успехом болгарской архивной отрасли стала детальная разработка и кодификация нормативной базы, гораздо

более ранняя (если считать от даты формирования отрасли) и гармоничная, чем, как нам представляется, во Франции. Два издания «Методического кодекса» – в 1982 г. и в 2013 г. – заслуженно пользуются вниманием архивистов не только Центральной и Южной Европы, но и всех стран, модернизирующих нормативную базу.

Вторым важным слагаемым успеха догоняющей архивной модернизации была по-византийски мудрая открытость архивов Болгарии международному опыту – и «советскому» и «капиталистическому» в равной мере: М. Алексиев быстро наладил контакты с Международным техническим архивным стажем в Париже, и к моменту вступления Болгарии в Евросоюз уже 26 болгарских архивистов окончили его. Эти особенности неразрывно связаны с пониманием задач архивов М. Алексиевым, о котором С. Петкова и Е. Петрова пишут, что «он первый среди руководителей архивной отрасли не только по порядку, но и по заслугам» [Петрова, Петкова 2014, с. 7].

Хотя с формальной точки зрения Национальный архив в Болгарии был создан поздно, в 1952 г. или в 1992 г., в зависимости от критериев, раннее создание органов управления, успешность централизации (проводившейся во всех сферах жизни, а не только изолированно в архивной отрасли), методическая унификация и кодификация норм позволили руководству архивной отрасли Болгарии и трем центральным архивам страны успешно решать задачи, стоявшие перед ними в XX в.

Выводы об опыте создания национальных архивов в некоторых странах Европы

В странах, возникших после распада империй с сильной традицией ведомственности, Национальный архив может быстро разделиться на секции, имеющие статус юридических лиц и самостоятельный бюджет, но тесно связанные методикой и единой системой обучения и назначения персонала. Подчиненность создающегося Национального архива и широта его полномочий, особенно в части комплектования, напрямую зависят от актуальности для общества и власти исторического дискурса и от места в нем архивных документов. В этом смысле можно рассматривать (не)передачу партийных архивов после падения социалистических режимов в управление архивной отрасли и как тест для архивов на способность остаться нейтральным пространством, и как тест для власти на способность построить взвешенный, нейтральный исторический дискурс о недавнем прошлом страны.

Решающее значение для успеха создания национальных архивов в рассмотренных странах Европы имело наличие в этих странах национальных архивных кадров и архивной литературы – либо учебников, либо изданий по истории фондов, либо опубликованных архивных справочников, а также активный обмен информацией между архивистами стран Европы, на необходимости которого настаивал еще Ш.-В. Ланглуа. Личности первых руководителей национальных архивов или Управлений архивов, долго остававшихся на своих постах, оказали решающее влияние на долговременные тенденции и приоритеты в их развитии.

Заключение

Мотивы создания национального архива весьма сходны для многих стран, несмотря на различие континентов и дат: Национальный архив являлся для многих новых государственных образований – мононациональных (имеющих на 90–95 % этнически однородное население) или стремящихся к идеологической монолитности стран, – важным атрибутом независимости, инструментом национального примирения и построения собственной идентичности.

Одним из важнейших «открытий» XX в. мы предлагаем считать сделанный на основе обобщений опыта нескольких стран вывод, что «Национальный архив» исторического типа, тесно связанный с государством благоденствия, несовместим с либеральной экономической и политической моделью с минимальным государственным вмешательством государства во все сферы жизни, в том числе и в организацию коллективной памяти через сохранение ее источников и построение историографического дискурса.

Знакомство с историей развития национальных архивов в разных странах в XX в. приводит к осторожному выводу, что Национальный архив нельзя заимствовать, импортировать, внедрить, создать «с нуля под ключ», – его можно только вырастить. Это верно и в том случае, когда в стране и обществе произошли серьезные, революционные перемены. Необходимо совпадение трех факторов: наличие критической массы документального наследия прошлого (архивов «старого порядка», «императорской России», «периода колониализма», «коммунистического прошлого»); сознательное стремление части профессионально подготовленной элиты к защите этого наследия от вандализма и символического уничтожения, к созданию для этого наследия «нейтрального пространства» (в архиве, музее или ином специальном учреждении); наличие или быстрое возникновение методики, способной сделать

данное наследие инструментом «национального примирения» и строительства (развития) национальной идентичности.

Возможно, действующий национальный архив должен созреть «внутри» данного государства и общества, и он не может быть создан усилиями части элиты с помощью извне. Создание национального архива по зарубежной модели больше похоже на переливание крови, чем на добавление в конструкцию «Лего» еще одного такого же элемента из набора деталей – слишком тонкие механизмы взаимодействия укоренившихся управленческих практик данной территории и идей, разделяемых мировым сообществом специалистов, здесь задействованы.

Опыт свидетельствует, что успешное создание и работа национального архива и архивной отрасли в целом напрямую зависят от качества и длительности существования высшего архивного образования в стране.

Еще одна замеченная нами общая закономерность состоит в том, что если Национальный архив в стране был создан позже, чем Национальная библиотека, или имел равные с ней или меньшие полномочия по сохранению документального наследия страны, то конфликт между двумя учреждениями неизбежен. Но в разных странах эти конфликты завершились по-разному: во Франции Национальная библиотека стала выполнять функции «архива литературы и искусства», в Эстонии был достигнут паритет, в России и в Болгарии фонды рукописных отделов библиотек учтены в реестрах архивной власти, но в отношении методики библиотекари регулярно пытаются вернуть себе самостоятельность и первенство, а в Марокко Национальная библиотека и вовсе отказалась от сбора архивных материалов. Интересно, что в разных странах архивисты с библиотекарями спорили о разном. Так, во Франции спор шел о том, должен ли государственный архив хранить документы только государства (Н. де Вайи) или всего общества (Л. Лаборд). Победа де Вайи болезненно отразилась на судьбе созданных позже национальных архивов и стала одним из источников дискуссии, приведшей к созданию учения о «едином государственном архивном фонде», которое С. Петкова и Ш. Кечкемети считают важным достижением архивной мысли XX в. В Марокко эпохи протектората библиотека, напротив, собирала только самые важные документы «государства» и не справилась с расширением числа исторических источников. В Болгарии Народная библиотека боролась за право продолжать комплектоваться документами и описывать их так, как это было до создания центральных архивов. Но при более внимательном изучении этих дискуссий выясняется, что борьба библиотек данной страны с ее архивами была, в сущности, борьбой за право не применять к архивным документам, хранившимся в библиотеках, фундаментальный

для архивоведения принцип единства фонда. Этот вывод важен по трем причинам: во многих странах «борьба» архивов и библиотек за методическое первенство не завершена, рецепция принципа единства фонда дисциплинами, работающими с комплексами национального достояния (историко-культурного наследия), продолжается, все чаще архивы, музеи и библиотеки участвуют в совместных проектах по защите и популяризации своих фондов и коллекций.

Изучение опыта создания национальных архивов показало, что этапы, необходимые для развития архивной отрасли и теории, могут проходить в длительные или более сжатые сроки, но никакой из них нельзя отменить, обойти или насильственно сократить, и в умении уловить (не)своевременность смены этапа, наверное, и состоит один из основных талантов управленцев. История создания национальных архивов с очевидностью показывает, что роль личности в поворотные моменты истории возрастает, и история архивной отрасли не исключение. Об огромной значимости личного фактора высказались и видные болгарские архивисты Е. Петрова и С. Петкова в статье о жизни и деятельности первого руководителя архивной отрасли Болгарии М. Алексиева: «Люди имеют имена и несут личную ответственность за свои действия, а политическая система – только одно из возможных объяснений этих действий» [Петрова, Петкова 2014, с. 17].

Личность первых организаторов и руководителей архивной отрасли всегда сильно отражается на ее особенностях. Это частный случай известной закономерности, гласящий, что генезис системы определяет ее функционирование. Ошибки и удачи Л.-П. Гашара так же сильно повлияли на архивную отрасль Бельгии, как добросовестные заблуждения П. Дону на архивы Франции. Но и в XX в. личности руководителей-реформаторов и организаторов отрасли – П. Буде в Индокитае, О. Мейсике в Ливане и Д. Байда в Марокко, М. Алексиева, руководившего архивами Болгарии в 1951–1972 гг., С. Мбе, руководившего Управлением архивов Сенегала в 1976–2005 гг., – надолго определяют траекторию развития архивов этих стран. Научная прозорливость и организаторские способности первых руководителей, их умение создать эффективную команду являются формой для заливки горячего металла новой архивной системы, определяют ее конфигурацию и даже жизнеспособность.

Литература

- Петрова, Петкова 2014 – *Петрова Е., Петкова С.* Михаил Стойков Алексиев и приносът му за архивното дело в България: по повод на 110 годишнина от рождението му // Архивен преглед. 2014. № 1. С. 7–44.
- Матяш 2012 – *Матяш І.Б.* Архівознавство: методологічні засади та історія розвитку. Київ: Видавн. дім «Києво-Могилянська академія», 2012. 515 с.
- Chmielewski 1998 – *Chmielewski Z.* Polish Archives in the Second Republic of Poland // *Archiwa polskie / Praca zbiorowa* pod red. K. Kozłowskiego. Warszawa; Szczecin, 1998. 274 p.

References

- Chmielewski, Z. (1998), “Polish Archives in the Second Republic of Poland”, in Kozłowski, K., ed, *Archiwa polskie*, Warszawa, Szczecin, Poland.
- Matyash, I., (2012), *Arkhivознавство: metodologichni zasady ta istoriya rozvutku* [Science of archives. Methodological foundations and history of development], Vidavn. dim “Kievo-Mogilyans’ka akademiya”, Kiiv, Ukraine.
- Petkova, S., Petrova, E. (2014), “Mikhail Stoykov Alexiev and his contribution to the archival work in Bulgaria. On the occasion of the 110th anniversary of his birth”, *Arkhipen pregled*, no. 1, pp. 7–44.

Информация об авторе

Виктория Б. Прозорова, кандидат исторических наук, Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе, Париж, Франция; Франция, 92292, г. Шатене-Малабри, пр. Франсис де Прессанс, д. 10; prozorovaviktoriya@gmail.com

Information about the author

Victoria B. Prozorova, Cand. of Sci (History), Magazine “Herald of archivist” in Europe, Paris, France; bld. 10, Francis de Pressense Av., 92290, Chatenay-Malabry, France; prozorovaviktoriya@gmail.com

УДК 929(049.32)

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-139-148

«А страна их надолго забыла –
у живых было дело важней...»
(Владимир Тыдман. «Поисковикам»).

Рецензия на кн.: *Садовников С.И.*

«Война участвует во мне...»: Комплексные поисковые
исследования как основа реконструкции биографий
участников Великой Отечественной войны
1941–1945 гг. М., 2017

Сергей Ю. Кондратенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Konrad_85@mail.ru*

Аннотация. В статье представлена рецензия на монографию С.И. Садовникова ««Война участвует во мне...»: Комплексные поисковые исследования как основа реконструкции биографий участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (М., 2017). Автором статьи были разобраны основные положения монографии, выявлены ее положительные и отрицательные стороны. Необходимо отметить, что С.И. Садовников является активным участником поискового движения и рецензируемая монография вобрала в себя его многолетний опыт работы в области комплексных поисковых исследований.

Рассматриваемая книга посвящена новому перспективному направлению изучения истории Великой Отечественной войны – реконструкции фронтовой биографии. В исследовании представлены как теоретические аспекты данного направления, так и практические рекомендации по проведению реконструкции биографий бойцов Красной армии. Отметим, что С.И. Садовников в своей работе предложил авторский алгоритм реконструкции фронтовой биографии, важную роль в котором занимает исследование архивных документов и материалов.

Еще одной темой, затронутой в монографии, является вопрос о мемориализации истории Великой Отечественной войны. При этом особо отмечается роль современных информационных технологий в деле сохране-

ния памяти о войне. В частности, рассматриваются самые перспективные и динамично развивающиеся проекты в данной области: сайт ОБД «Мемориал», проект «Подвиг народа» и портал «Память народа».

Данная работа предназначена всем интересующимся историей Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: поисковая деятельность, реконструкция фронтовой биографии, медальоника, специальные (вспомогательные) исторические дисциплины, мемориализация истории войны, источниковедение

Для цитирования: Кондратенко С.Ю. «А страна их надолго забыла – у живых было дело важней...» (Владимир Тыдман. «Поисковикам»). Рец.: Садовников С.И. «Война участвует во мне...»: Комплексные поисковые исследования как основа реконструкции биографий участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2017 // История и архивы. 2020 № 2. 139–148. С. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-139-148

“And the country forgot them for a long time –
the living people had something more important to do...”

(Vladimir Tydman. “To the battlefield
burial searchers [Poiskovikam]”).

A review of the book: Sadovnikov, S. (2017),
“The war shares me...”. Comprehensive exploratory
research as the basis for the reconstruction
of the biographies of the participants
in the Great Patriotic War 1941–1945. Moscow, Russia

Sergey Yu. Kondratenko

*Russian State University for the humanities,
Moscow, Russia, Konrad_85@mail.ru*

Abstract. The article presents a review of the monograph by S. Sadovnikov “‘Voina uchastvuet vo mne...’. Comprehensive exploratory research as the basis for the reconstruction of the biographies of the participants in the Great Patriotic War 1941–1945” (M., 2017). The author of the article analyzes the main provisions of the monograph, reveals its positive and negative sides. It should be noted that S. Sadovnikov is an active participant in the search movement and the peer-reviewed monograph incorporates his experience of the many years of working experience in the field of integrated exploratory research.

The book under review is devoted to a new promising area of studying the history of the Great Patriotic War – reconstruction of the front-line biography. The research presents both the theoretical aspects of the above line of study and the practical recommendations for the reconstruction of the biographies

of the Red Army worriers. It should be noted that in his work S. Sadovnikov introduces the author's algorithm for reconstructing the front-line biography, in which the analysis of archival documents and materials plays an important part.

Another topic covered in the monograph is the issue of memorialization in the history of the Great Patriotic War. Thereat, the role of modern information technologies in preserving the memory of the war is especially emphasized. In particular, the most promising and dynamically developing projects in this area are considered to be the following: the site of the OBD "Memorial", the project "Podvig naroda (The Great Deed of the People)" and the portal "Pamyat' naroda (The Memory of the People)".

This work would be appealing to everyone who is interested in the history of the Great Patriotic War.

Keywords: battlefield archaeology, reconstruction of frontline biography, medalonika, special (auxiliary) historical disciplines, memorialization of war history, source study

For citation: Kondratenko, S.Yu. (2020), "And the country forgot them for a long time – the living people had something more important to do... (Vladimir Tydman. 'To the battlefield burial searchers [Poiskovikam]'). A review of the book: Sadovnikov, S. (2017), "The war shares me...'. Comprehensive exploratory research as the basis for the reconstruction of the biographies of the participants in the Great Patriotic War 1941–1945. Moscow, Russia", *History and Archives*, no. 2, pp. 139–148. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-139-148

В преддверии 75-летней годовщины Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне исследователи вновь и вновь обращаются к изучению тех страшных и героических лет. Среди множества работ, посвященных истории войны, в последние годы стали появляться монографии, в которых определяются новые направления исследований и ставятся проблемы, требующие комплексного изучения. На наш взгляд, к таким работам относится и монография С.И. Садовникова [Садовников 2017].

Прежде чем перейти к разбору данного исследования, необходимо несколько слов сказать об авторе. Сергей Иванович Садовников родился в 1967 г. в Москве. Является выпускником Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. С 1989 г. он активный участник и организатор более 80 поисковых экспедиций на территории России, Польши и Германии. Поисковая работа является и основной сферой научных интересов Сергея Ивановича: так, в 2000 г. он защитил первую в стране кандидатскую диссертацию по проблематике поискового движения. В его активе более 100 научных публикаций, в том числе две книги: «Поиск, ставший судьбой» (М., 2003), «Чтоб не распалась связь

времен: опознаны по боевым наградам» (М., 2005). Можно сказать, что рецензируемая монография стала своеобразным итогом многолетней работы автора на ниве поисковой деятельности.

Поисковое движение, зародившись как общественное движение граждан, которые добровольно и безвозмездно занимались обнаружением и захоронением останков бойцов, павших в годы Великой Отечественной войны, в своем развитии прошло долгий путь. Сегодня можно утверждать, что поисковая работа стала самостоятельным направлением в изучении истории войны, которая включает в себя не только полевую работу на местах сражений, но и комплексные исследования архивных документов и материалов. С.И. Садовников поисковые исследования трактует «как способ исторической реконструкции событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. комплексными методами, которые может предоставить источниковедение с кругом специальных исторических дисциплин» [Садовников 2017, с. 21].

Не все участники поискового движения обладают необходимыми навыками работы с архивными документами, владеют методами источниковедческого исследования и знакомы со специальными (вспомогательными) историческими дисциплинами. Восполнить этот пробел как раз и должна книга С.И. Садовникова, в которой содержатся не только базовые знания по обозначенным выше темам, но и приводятся практические рекомендации по работе с архивными документами и материалами.

Именно такую задачу перед собой поставил автор: «...задачей исследования стало рассмотрение типологии источников, раскрытие методов установления имен и реконструкции биографий павших воинов посредством комплексного источниковедческого анализа в рамках определенного круга специальных исторических дисциплин и ряда смежных наук – на основе результатов поисковой деятельности» [Садовников 2017, с. 22].

Поставленная задача определила выбор автором методологии и источниковой базы работы.

Методологической основой исследования стал универсальный метод источниковедческого анализа, назначение которого – установление информационных возможностей источника и оценка с этой точки зрения значения источника для задачи реконструкции фронтовых биографий павших и без вести пропавших воинов Великой Отечественной войны.

В источниковую базу исследования входят, главным образом, письменные и вещественные источники, их дополняют источники изобразительные и электронные. В группу письменных источников вошли: документы официального происхождения; документы, удостоверяющие личность; источники личного происхождения;

отечественные и зарубежные периодические издания; литература на документально-художественной основе.

В своей работе С.И. Садовников использовал документы и материалы из следующих российских федеральных и ведомственных архивов: Центральный архив министерства обороны РФ, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военный архив, Российский государственный архив социально-политической истории, Центральный архив Военно-морского флота, Военно-медицинский музей Министерства обороны РФ, а также, помимо источников из вышеназванных архивов, были использованы документы районных, областных, краевых архивов России и военных комиссариатов разных уровней.

Структура монографии позволяет наиболее полно решить поставленную автором задачу и состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении представлены традиционные для исторической монографии историографический обзор изучаемой проблемы, обозначены цели и задачи работы, обоснование методологии исследования, анализ источниковой базы.

Вызывает интерес авторский подход к роли специальных (вспомогательных) исторических дисциплин в поисковой деятельности. По мнению С.И. Садовникова, «по причине многопрофильности поисковой деятельности круг востребованных в ней специальных (вспомогательных) исторических дисциплин остается весьма широким, не становясь при этом замкнутым» [Садовников 2017, с. 27].

На наш взгляд, данный подход абсолютно справедлив и применим не только к поисковой деятельности, но и в целом к историческому исследованию. Дело в том, что в последние годы усилилась роль специальных (вспомогательных) дисциплин при изучении исторических процессов. Без использования их специфических методов невозможно проведение комплексного исторического исследования на современном научном уровне.

При этом мы не должны забывать, что в основе любого исторического исследования лежит грамотная и всеобъемлющая работа с историческими источниками, основу которых составляют архивные документы. Понимает это и автор рецензируемой работы. Так, первая глава монографии – «Типология источников, их место в реконструкции биографий воинов» – представляет собой комплексный источниковедческий анализ основного массива источников, необходимых для реконструкции фронтовой биографии. Бросается в глаза пока еще малораспространенный термин в конце предыдущего предложения – «фронтовая биография». Что же это такое? Сергей Иванович во введении к главе дает исчерпывающую характеристику данному термину: «Используемый нами термин

“фронтовая биография” включает в себя определенные сведения о жизненном пути участника боевых действий конкретного хронологического периода, которые могут быть подтверждены документами либо свидетельствами очевидцев. При реконструкции фронтовой биографии исследователь ставит целью восстановить ее по возможности в контексте всего жизненного пути человека...» [Садовников 2017, с. 38].

Таким образом, С.И. Садовников обозначил одно из перспективных направлений исследования истории Великой Отечественной войны – реконструкция фронтовой биографии.

Подобная реконструкция невозможна без привлечения широкого круга разнообразных источников. Поэтому в первой главе автор дает подробную характеристику письменных источников, как официального происхождения, так и личного. При этом он не забывает указывать, в каких архивах с этими документами можно ознакомиться. Так, разбирая документы по персональному учету безвозвратных потерь офицерского состава Красной армии, С.И. Садовников указывает, в каких отделах Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО) они хранятся.

Есть в монографии и раздел, посвященный немецкой документации периода Великой Отечественной войны, что отражает современные тенденции в изучении истории войны. Действительно, представить современную работу, посвященную Великой Отечественной войне, без привлечения документов противника невозможно. И если для изучения боевых действий они используются очень широко, то можно предположить, что и при реконструкции фронтовой биографии документы противника могут сыграть важную роль. Вот только С.И. Садовников как раз акцентирует внимание на документации, содержащей описание боевых действий, которая, безусловно, важна для поисковой деятельности. На наш взгляд, ему стоило бы больше внимания уделить на документам, содержащим информацию о судьбе советских военнослужащих – допросам военнопленных, перебежчиков, местных жителей. Учитывая, что немалое количество бойцов Красной армии оказалось в плену, без привлечения документов подобного рода восстановить их судьбу будет трудно. Надеемся, что автор в будущем восполнит данный пробел, который никак не умаляет достоинств рецензируемой монографии.

Не менее интересны и выделяемые автором вещественные источники, применяемые в поисковой деятельности, а именно: бывшие поля сражений, опознавательные медалионы военнослужащих регулярных армий и т. д. Отметим, что если к проблеме изучения опознавательных медалионов исследователи обращались не раз, то подход к изучению поля сражения как комплексного историче-

ского источника является новаторским. Автором предлагается при изучении поля сражения опираться как на письменные источники, так и на результаты деятельности поисковиков, такой комплексный подход позволит более детально и глубоко подходить к изучению событий войны. На наш взгляд, исследователям истории Великой Отечественной войны стоит присмотреться к данному подходу, предложенному С.И. Садовниковым, и в своих работах, посвященных боевым операциям, уделить должное внимание и полю сражения, на котором происходили описываемые ими бои.

Упомянутую выше проблему изучения опознавательных медальонов Сергей Иванович предлагает вывести на новый уровень научного дискурса. В частности, он предлагает ввести обобщающий термин «медальоника», необходимый «для обозначения довольно разнородной группы источников, имеющих при этом единое функциональное назначение – идентифицировать воина» [Садовников 2017, с. 102].

Позиция автора убедительна и подкрепляется обширной исторической справкой развития опознавательных медальонов, анализом поисковой практики, которая привела к разработке четкого алгоритма работы с медальоном военнослужащего Красной армии. Мы полагаем, что термин «медальоника» имеет право на существование и должен занять свое место в исторической науке. В целом работа с опознавательным медальоном как с историческим источником в перспективе может стать важным направлением изучения истории Великой Отечественной войны с условием привлечения методологического аппарата специальных (вспомогательных) исторических дисциплин.

Самым специальным (вспомогательным) историческим дисциплинам С.И. Садовников в своей монографии посвятил немало страниц. По его мнению, наиболее важными в деле реконструкции фронтовой биографии являются следующие дисциплины: фалеристика, эпиграфика, некрополистика. При этом, по мнению автора, использование данных дисциплин при реконструкции фронтовой биографии возможно лишь в тесном контакте с анализом архивных документов. Так, при работе с военными наградами для установления дополнительных фактов биографии необходимо в обязательном порядке использовать документы ЦАМО РФ.

Таким образом, в первой главе монографии С.И. Садовникова представлены теоретические основы перспективного направления изучения истории Великой Отечественной войны – реконструкция фронтовой биографии.

Вторая глава исследования – «Реконструкция биографий воинов на основе поисковых исследований» носит практический характер. В ней на базе конкретных примеров автором была

продемонстрирована методология реконструкции фронтовой биографии бойцов Красной армии. При этом С.И. Садовниковым была затронута важная проблема, с которой сталкивались многие исследователи Великой Отечественной войны, – антропонимические и топонимические искажения в документах. Данная проблема носит двоякий характер, что хорошо показано автором. С одной стороны, за прошедшие десятилетия происходили неоднократные изменения административно-территориального деления как в Советском Союзе, так и на постсоветском пространстве, все это усугублялось переименованием или ликвидацией некоторых населенных пунктов. С другой стороны, в документах военного времени наблюдается определенная вариативность написания имен собственных и топонимических обозначений, что усложняет поисковую работу. Преодолеть данную проблему Сергей Иванович предлагает комплексным изучением архивных документов, региональных Книг Памяти и справочников по административно-территориальному делению страны разных лет. Таким образом, в очередной раз убеждаемся, что без навыков работы с документами различного рода в деле реконструкции фронтовой биографии не обойтись.

Третья глава рецензируемой монографии – «Мемориализация героической истории народа» – посвящена проблеме увековечивания памяти о павших воинах Великой Отечественной войны. Центральное место в главе отведено такому важному мемориальному изданию, как Всероссийская Книга Памяти. Подробно разбирая историю, структуру, источники данного издания, автор предлагает рассматривать его как особый биографический жанр. Многолетняя поисковая деятельность позволила Садовникову выявить новую функцию Книги Памяти, которая может быть использована при реконструкции фронтовой биографии: «...они (Книги Памяти. – С. К.) открывают дополнительную возможность опознания найденных останков в случаях, когда неполно, фрагментарно прочитываются сведения в записках солдатских медальонов или других обнаруженных документах» [Садовников 2017, с. 259].

Конечно же, данная работа должна проводиться с широким привлечением архивных документов, что особо отмечает С.И. Садовников.

Одновременно он указывает на новые возможности в деле мемориализации истории войны и изучения архивных материалов, которые предоставляют современные информационные технологии, а именно электронные ресурсы: банки данных, специализированные сайты, электронные справочники и др. В монографии автор особо выделяет три основных ресурса: сайт ОБД «Мемориал», проект «Подвиг народа» и портал «Память народа». Данные ресурсы

содержат миллионы документов из российских архивов, с помощью которых можно получить информацию о военнотружущих Красной Армии, боевых операциях, частях и соединениях, воинских захоронениях. Указанные сайты, безусловно, облегчают работу исследователям, ведь ознакомиться с архивными материалами теперь можно, как говорится, не выходя из дома при наличии компьютера и доступа к сети Интернет. В то же время, не стоит обольщаться и отказываться от непосредственной работы в архиве, ведь электронные ресурсы содержат лишь часть архивных фондов, что не позволит сформировать полную и всеобъемлющую картину Великой Отечественной войны.

При анализе монографии С.И. Садовникова сложилось впечатление, что если ее первая глава носит теоретический характер, вторая – практический, то третья – проблемный. Дело в том, что, разбирая вопрос о мемориализации истории войны, автор обозначил проекты, которые реализуются уже не один год, имеют свои проблемы, перспективы развития, и мы не ошибемся, если скажем, что еще далеки от завершения. Может сложиться ошибочное мнение, что это исчерпывающий перечень указанных проектов, им и стоит ограничиться и отказаться от поиска новых путей мемориализации истории войны. Напротив, монография С.И. Садовникова позволяет по-новому взглянуть на данную проблему и задуматься над поисками новых путей ее решения.

Подведем итог. Монография Сергея Ивановича Садовникова принадлежит к числу тех, что ставят новые проблемы и определяют направления новых исторических исследований. На наш взгляд, затронутые в ней темы, прежде всего реконструкция фронтовой биографии и мемориализация героической истории народа, являются актуальными в год 75-летия Великой Победы и позволяют вывести изучение истории Великой Отечественной войны на новый уровень.

Литература

Садовников 2017 – Садовников С.И. «Война участвует во мне...»: Комплексные поисковые исследования как основа реконструкции биографий участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2017.

References

Sadovnikov, S.I. (2017), "Voina uchastvuyet vo mne...". *Kompleksnyye poiskovyye issledovaniya kak osnova rekonstruktsii biografii uchastnikov Velikoi Otechestvennoy*

voiny 1941–1945 gg. [“The war shares me.....”. Comprehensive exploratory research as the basis for the reconstruction of biographies of participants in the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей Ю. Кондратенко, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, 125993; Konrad_85@mail.ru

Information about the author

Sergey Yu. Kondratenko, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; Konrad_85@mail.ru

«Каждый человек на протяжении своей жизни
неизбежно и постоянно сталкивается
с необходимостью использовать
различные документы...»:

к выходу в свет книги:

История документов в России в лицах и судьбах
(историко-правовые и документоведческие аспекты) /

Под общ. ред. В.Н. Егорова. Ульяновск:
Корпорация технологий продвижения, 2020. 376 с.

Анна А. Слепцова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, annsl@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ новой коллективной монографии «История документов в России в лицах и судьбах», посвященной истории развития отечественных персональных документов официального происхождения. Издание подготовлено совместными усилиями специалистов в сфере документоведения, государственного и административного права Ульяновского государственного университета и Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Авторы на основании выявленных в столичных и региональных архивах Ульяновской области источников воссоздали историческую канву развития официальных отечественных документов. На страницах книги через призму анализа архивных источников раскрываются судьбы представителей различных сословий Российской империи, граждан Советского Союза и Российской Федерации. Малоизвестные сведения, представленные авторами в монографии, значительно дополняют исследования по истории документов в России. Научно-популярное издание обозначило перспективы для будущих исследований в области документоведения. Выход монографии, приуроченный к празднованию 100-летнего юбилея Архивной службы Ульяновской области, стал знаковым событием в области истории, документоведения и архивоведения, юриспруденции, генеалогии, гражданского права и заслуживает внимания широкой общественности.

В статье анализируется основное содержание монографии, обращается внимание на оригинальность выбранной авторами композиционной структуры, подчеркивается высокий учебно-научный потенциал книги.

Ключевые слова: документоведение, персональные документы, информация, научно-популярное издание

Для цитирования: Слепцова А.А. «Каждый человек на протяжении своей жизни неизбежно и постоянно сталкивается с необходимостью использовать различные документы...»: к выходу в свет книги: История документов в России в лицах и судьбах (историко-правовые и документоведческие аспекты) / Под общ. ред. В.Н. Егорова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2020. 376 с. // История и архивы. 2020. № 2. С. 149–158. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-149-157

“Everyone throughout his life inevitably
and repeatedly faces a need to use various documents...”.

Towards the publication of the book

“History of Documents in Russia
in Personalities and Destinies”

(historical, legal and records management aspects) /

Ed. by V.N. Yegorov. Ul'yanovsk: Corporation
of Promotion Technologies. 2020. 376 p.

Anna A. Sleptsova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, annsl@yandex.ru*

Abstract. The article presents the analysis of a new collective monograph “History of Documents in Russia in Personalities and Destinies”, which is concerned with the development history of national personal documents of official origin. The publication was prepared by joint efforts of experts in records management, state and administrative law from both Ulyanovsk State University and the Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities. The authors recreated the historical outline of the national documents development basing on the sources found in the capital and regional archives of the Ulyanovsk Region. The book features the analysis of the archival sources on the basis of which the lives of the people from various classes of the Russian Empire, citizens of the Soviet Union and the Russian Federation are revealed. The information presented in the monograph is hardly known and it contributes significantly to the research in the history of documents in Russia. The scientific publication outlined the prospects for future research in the field of records management. Published to

mark the 100th anniversary of the Archival Service of the Ulyanovsk Region, the monograph became an important contribution to studies of the history, records management and archival science, jurisprudence, genealogy, civil law and deserves attention of the general public.

The article analyzes the contents of the monograph. The originality of the compositional structure chosen by the authors, as well as the high educational and scientific value of the book are emphasized.

Keywords: records management, personal documents, information, scientific publication

For citation: Sleptsova, A.A. (2020), “ ‘Everyone throughout his life inevitably and repeatedly faces a need to use various documents...’. Towards the publication of the book ‘History of Documents in Russia in Personalities and Destinies’ (historical, legal and records management aspects) / Ed. by V.N. Yegorov. Ul’yanovsk: Corporation of Promotion Technologies. 2020. 376 p. ”, *History and Archives*, no. 2, pp. 149–157. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-149-157

На протяжении всего существования человечества информация является определяющим фактором его развития. С глубиной древности человек реализовывал потребность в передаче и сохранении информации во времени и пространстве с помощью знаковых систем, таких, как язык и изображения. Около 5000 лет назад человечество пришло к необходимости фиксировать информацию на материальных носителях, что обусловило ее накопление и передачу последующим поколениям. Народы, достигшие цивилизационного уровня развития, создавали архивы для хранения, учета и использования письменных памятников – документов. С усложнением структуры общества и его деятельности документы приобретали все большую значимость в различных аспектах социальных отношений, расширялись и их функции.

В современном понимании документ официального происхождения, создаваемый в процессе деятельности различных юридических лиц – учреждений и организаций, – представляет собой зафиксированную на носителе информацию с реквизитами, которые позволяют ее идентифицировать. В процессе стремительно развивающегося информационного общества функции документа постепенно выходят за рамки сугубо практического использования – фиксации значимых событий различных сфер жизни и деятельности человека. Наряду с утилитарной практической значимостью документ стал объектом источниковедческого анализа, имеющим культурно-историческую ценность [Ланской 2015, с. 31].

Форма документов официального происхождения, их содержание и структура претерпевали постоянные изменения на протяже-

нии всего времени их существования. Исследователям, изучающим историю любой эпохи, необходимо знать, как менялись формы и функции важнейших документов в ретроспективе для оценки их информационной составляющей и проведения источниковедческого анализа. В настоящее время одной из перспективных и малоизученных тем в документоведении является история эволюции отечественных управленческих документов официального происхождения. В связи с этим знаковым событием в контексте изучения их истории стал выход коллективной монографии «История документов в России в лицах и судьбах (историко-правовые и документоведческие аспекты)», приуроченной к празднованию 100-летнего юбилея Архивной службы Ульяновской области. Впервые книга была представлена на Межрегиональной историко-архивной конференции «Архивы через прошлое в настоящее».

Над значительным по объему научно-популярным изданием работал творческий коллектив специалистов в области документоведения, государственного и административного права. Авторами монографии являются директор Центра социально-правовой помощи населению, старший преподаватель кафедры государственного и административного права юридического факультета Ульяновского государственного университета Т.В. Григорьева, доцент кафедры филологии, журналистики, документоведения и библиотекведения факультета культуры и искусства Ульяновского государственного университета Г.В. Романова. Автором и ответственным редактором издания выступил председатель историко-архивной комиссии Ульяновской области В.Н. Егоров. Примечательно, что одним из авторов рецензируемого издания является кандидат исторических наук А.Ю. Конькова – заместитель декана по научной работе, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов факультета документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Историко-архивный институт на протяжении многих десятилетий является одним из ведущих высших учебных заведений страны в сфере документоведческих исследований. Помощь в выявлении архивных документов оказали сотрудники Государственного архива Ульяновской области.

Книга посвящена истории формирования и развития документов официального происхождения в России, начиная с наиболее раннего древнерусского правового письменного сборника – «Русской правды» Ярослава Мудрого – вплоть до современных документов. Девять глав книги последовательно раскрывают перед читателем историю эволюции форм и содержания официальных документов социально-правового характера. В моногра-

фии проанализирована группа персональных документов официального происхождения, имеющих юридическую значимость «в качестве подтверждения деловой деятельности или событий личного характера» [История 2020, с. 7]. Персональными считаются документы, удостоверяющие личность, факт рождения и смерти, подтверждающие образование, трудовые отношения и прохождение государственной службы, закрепляющие имущественные права и другие.

Усилиями авторов рецензируемой монографии был выявлен, введен в научный оборот и проанализирован значительный объем архивных документов. На страницах книги читатель сможет ознакомиться с опубликованными источниками из архивов Москвы и Ульяновской области. Использование региональных и столичных источников в исследовании позволило авторам целостно раскрыть ключевую тему издания, наиболее объективно представить в ретроспективе историю и особенности документов не только в столице, но и в российской провинции. Комплексный подход к использованию источников позволяет говорить о монографии как о фундаментальном исследовании, основанном на обширном корпусе архивных документов. С помощью представленного анализа через призму отечественных персональных документов официального происхождения, выполняющих функции регулятора общественной жизни и управленческо-государственной деятельности, реконструируется историческое прошлое человека в процессе его социализации [Хорхордина 2017, с. 330]. Проведенное авторами детальное исследование архивных источников раскрывает многогранную историю управленческих документов в России в широких хронологических границах.

К несомненным достоинствам книги следует отнести богатый иллюстративный материал, наглядно отражающий развитие формы, содержания и структуры различных документов в ретроспективе. Высококачественные фотокопии архивных документов раскрывают события из жизни как известных российских общественных деятелей, так и простых граждан, чьи имена впервые представлены широкой публике. Исторические документы, в том числе из личных архивов, свидетельствуют о жизни давно минувших поколений, чьи судьбы оживают на страницах книги. Здесь читатель найдет множество ярких и увлекательных сюжетов из истории повседневности. Подробно анализируя каждый документ, авторы показывают, как много важной информации, особенно биографической, можно почерпнуть из официальных документов. Историко-антропологический подход, используемый в монографии, обуславливает ее уникальную композиционную структуру. В лаконичное повествование научного текста здесь умело вплетены живые свидетельства

прошлого, а взаимосвязь личностей и документов образует их социально-культурное единство.

Основным сюжетом научно-популярного издания является история эволюции персональных документов официального происхождения в России. В девяти главах в хронологической последовательности реконструируется история документов, отражающих важнейшие этапы жизни и деятельности человека в обществе. Форма и функции документов менялись, их развитие происходило поэтапно, согласно перипетиям отечественной истории. Первым переломным этапом стало время преобразований императора Петра I. В конце XVII – начале XVIII в. было положено начало системному государственному регулированию в области документационного обеспечения. В годы масштабных изменений в обществе и государстве Петром I были заложены основы и формы официальных документов, удостоверяющих личность, отражающих регистрации рождения, смерти и браков в метрических книгах, документов о порядке наследования и других.

Почти 200-летнюю историю развития официальных документов в России прервала Октябрьская революция 1917 г. Существовавшая в Российской империи система регламентации официальных документов радикально преобразовывалась декретами советской власти. Декретом «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. упразднялись сословия и вводилось единое для всего населения наименование «Гражданин Российской Республики» [История 2020, с. 29]. Декрет повлиял не только на регламентацию отечественных официальных документов, но и на дальнейшее законодательство РСФСР и СССР в целом. Стихийное переустройство общества нашло отражение в уничтожении прежней системы официальной документации и создании новой, отвечающей запросам советского общества. Антирелигиозная политика советского правительства также кардинально повлияла на историю отечественных официальных документов. Так, была уничтожена система регистрации рождения, смертей и браков в ценных исторических документах – метрических книгах, ведение и сохранение которых осуществляли церковные учреждения разных конфессий со времен Петра I, провозгласившего в 1702 г. указ «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священником недельных ведомостей о родившихся и умерших» [История 2020, с. 41].

Другой важный этап эволюции официальных документов в России – эпоха новейшего времени. Авторами коллективной монографии детально рассмотрены современные законодательство и правовая система Российской Федерации, даны обстоятельные комментарии относительно форм и содержания новых видов документов.

Многогранная история отечественной системы образования на фоне развития документов об образовании открывается читателям в одной из наиболее объемных глав книги. Авторы воссоздали и проанализировали историю развития в России системы образовательных учреждений от начального и до высшего уровня со времен первых монастырских и церковных школ X–XI вв., упомянутых в Лаврентьевской летописи 1377 г., и до современности. В главе подробно, с применением компаративного анализа рассмотрены знаковые указы и уставы, их важнейшие параграфы, имеющие особое значение для формирования и функционирования системы образования в России. Следует отметить, что авторы не обошли стороной и систему женских учебных заведений [История 2020, с. 136–138], а также систему обучения детей с нарушениями здоровья [История 2020, с. 141–143]. Отдельного внимания заслуживает глубокий документоведческий анализ различных видов документов об образовании – от дореволюционных аттестатов зрелости, свидетельств, медалей, дипломов и удостоверений до современных.

Практическое значение для специалистов, в частности в области генеалогических исследований, имеют седьмая и восьмая главы, посвященные документам о прохождении государственной службы до революции, в СССР и Российской Федерации и документированию сословной принадлежности в дореволюционной России.

Предметом исследования девятой главы «Документирование договорных отношений» стал договор как «основной элемент и механизм гражданского оборота, который обеспечивает обмен товарами, услугами, выполнение разнообразных работ, страхование и др.» [История 2020, с. 285]. Необходимо отметить, что авторы провели сложную работу по сравнению процессов развития договоров займа, подряда и страхования в разные исторические периоды [История 2020, с. 317–365], а также по сравнению правовых норм XIX в. и современного российского законодательства на примере договоров, регулирующих куплю-продажу недвижимого имущества [История 2020, с. 294]. В главе подробно разъясняются терминологические аспекты отечественного гражданского права на протяжении его истории.

Проведенный авторами анализ исторических источников раскрывает документоведческие аспекты из различных сфер деятельности человека и позволяет читателям увидеть процесс развития персональных документов официального происхождения в России. Издание приобрело бы еще большую научную актуальность, если бы на страницах книги был проведен сравнительный анализ с аналогичными процессами в сфере документирования за рубежом, однако это не умаляет достоинств рецензируемой монографии.

Впечатляет не только широкий круг источников, привлеченный авторами для анализа, но и обширные исторические и биографические справки, качественно оформленные комментарии со ссылками на первоисточники. Опубликованные документы датированы, для каждого из них указаны заголовки и место хранения оригинала. Специальным терминам даны обстоятельные определения. Все это делает издание удобным для использования в исследовательских целях.

Следует отметить высокий научный и учебный потенциал монографии. Издание может иметь многообразное практическое применение в процессе обучения специалистов в области юриспруденции, истории, генеалогии, документоведения и архивоведения, регионоведения, политологии, судебного дела. Данное учебно-научное исследование значительно дополнит знания по отечественной истории не только специалистов, но и широкого круга читателей. Монография раскрывает малоизвестные страницы истории отечественных документов официального происхождения. Эта познавательная книга привлечет к себе интерес всех, кто любит отечественную историю и стремится расширить свои знания.

Рецензируемое издание, выполненное на высоком профессиональном уровне, вносит значительный вклад не только в документоведческие исследования, но и в отечественную историческую науку в целом.

Литература

- История 2020 – История документов в России в лицах и судьбах / Под общ. ред. В.Н. Егорова. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2020. 376 с.
- Ланской 2015 – Ланской Г.Н. Функции документа в современном обществе // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2015. № 1. С. 30–35.
- Хорхордина 2017 – Хорхордина Т.И. Документ в истории повседневности // Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография. М.: Древлехранилище, 2017. С. 325–333.

References

- Egorov, V.N., ed. (2020), *Istoriya dokumentov v Rossii v litsakh i sud'bah* [History of documents in Russia in personalities and destinies], Publishing House "Corporation of Promotion Technologies", Ulyanovsk, Russia.

- Khorkhordina, T.I. (2017), "A document in the history of everyday life" in *Tvorcheskoe nasledie A.A. Zimina i sovremennaya rossiiskaya istoriografiya* [The creative heritage of A.A. Zimin and modern Russian historiography]. Drevlekhranilishche, Moscow, Russia, pp. 325–333.
- Lanskoy, G.N. (2015), "Funkcii dokumenta v sovremennom obschestve" [Document Functions in Modern Society], *RGGU BULLETIN. Series: Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security Document Functions in Modern Society*, no. 2, pp. 30–35.

Информация об авторе

Анна А. Слепцова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 141107, Москва, ул. Никольская, д. 15; annsl@yandex.ru

Information about the author

Anna A. Sleptsova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 15, Nikolskaya Str., Moscow, 141107, Russia; annsl@yandex.ru

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 15.06.2020.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 10,4. Усл. печ. л. 9,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 863

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8(499) 973-42-06